

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

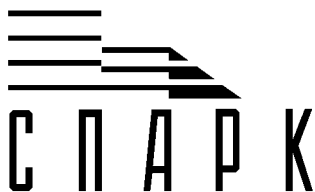
Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 23.11.2017.
Подписано в печать 21.12.2017.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 8.
Тир. 545 экз.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 62. БЦ «Валлекс».
Тел. (495) 784-72-18.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»,
140400, Московская область, г. Коломна,
ул. III Интернационала, д. 2а.
Тел./факс: 8(496) 618-62-87, 618-69-33.
Заказ № 1760

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2017
Официальное издание

В НОМЕРЕ

Решение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2017 года	4
Постановление по делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Савченко от 14 июля 2017 года № 21-П	6
Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. М. Данилова	19
Постановление по делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н. Д. Воргена и П. Д. Олдхэма от 19 июля 2017 года № 22-П	23
Постановление по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. К. Костяшкина от 6 октября 2017 года № 23-П	37
Постановление по делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других от 17 октября 2017 года № 24-П	45
Постановление по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова от 26 октября 2017 года № 25-П	61

6'2017

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации

от 4 июля 2017 года № 1440-О 72

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского 78

Определение по запросу Кировского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности положения пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 4 июля 2017 года № 1441-О 83

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

от 4 июля 2017 года № 1442-О 88

Определение по жалобе граждан Вишневого Бориса Лазаревича и Шапчица Павла Анатольевича на нарушение их конституционных прав частью 3 статьи 9 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»

от 18 июля 2017 года № 1447-О 94

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. М. Данилова 100

Определение по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности подпункта «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

от 21 сентября 2017 года № 1789-О 103

Определение по жалобе гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича на нарушение его конституционных прав частью второй¹ статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

от 10 октября 2017 года № 2252-О 107

Определение по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности части 9 статьи 88 и части 3 статьи 89 Федерального закона «О выборах

6'2017

депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»
от 10 октября 2017 года № 2253-О 115

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Анисимова Александра Владимировича и Анисимовой Екатерины Львовны на нарушение их конституционных прав положением пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов
от 10 октября 2017 года № 2256-О 122

10 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев в заседании вопрос о внесении изменений в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации, принятый Решением Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 1995 года № 2-1/6 (в редакции Решения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2011 года, с изменениями от 8 июля 2014 года, от 2 июля 2015 года, от 19 июля 2016 года и от 10 ноября 2016 года),

р е ш и л :

1. Внести в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации следующие изменения:

1.1. Главу 4 дополнить параграфом 34.1 следующего содержания:

«§ 34.1. Инициативные научные заключения

1. Научные организации, осуществляющие деятельность в сфере права, граждане, осуществляющие научную деятельность в сфере права, могут представить в Конституционный Суд инициативное научное заключение по делу, рассматриваемому Конституционным Судом. При этом научная организация или гражданин не могут требовать предоставления Конституционным Судом материалов дела для подготовки ими инициативного научного заключения.

2. Инициативное научное заключение должно отвечать требованиям объективности и содержать правовую позицию, свободную от политических пристрастий. Инициативное научное заключение, за исключением случаев, если оно, по мнению судьи-докладчика или Конституционного Суда, не обладает информационной и аналитической ценностью, приобщается к материалам дела, направляется судьей-докладчиком судьям Конституционного Суда и сторонам.

3. Конституционный Суд может принять решение о размещении инициативного научного заключения на сайте Конституционного Суда.»

1.2. Пункт 2 параграфа 36 после слова «экспертов» дополнить словами «, инициативные научные заключения».

1.3. Параграф 75 главы 8 дополнить пунктом 1.1 следующего содержания:

«1.1. На сайте Конституционного Суда может размещаться перечень научных организаций, граждан, осуществляющих научную деятельность, регулярно направляющих в Конституционный Суд инициативные научные заключения, которые используются при рассмотрении Конституционным Судом дел, а также регулярно готовящих заключения по требованию Конституционного Суда. Включение в указанный перечень осуществляется по решению Конституционного Суда.»

2. Изменения в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации, внесенные настоящим Решением, вступают в силу со дня принятия настоящего Решения.

3. Изменения в Регламент Конституционного Суда Российской Федерации, внесенные настоящим Решением, подлежат официальному опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

4. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации в актуальной редакции (с учетом изменений, внесенных настоящим Решением) подлежит размещению на официальном интернет-портале Конституционного Суда Российской Федерации.

14 июля
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 21-П

по делу о проверке конституционности
части первой статьи 260 Уголовно-
процессуального кодекса Российской
Федерации в связи с жалобой
гражданина Е. В. Савченко

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касасовой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части первой статьи 260 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е. В. Савченко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. И. Бойцова, объяснения представителей стороны, издавшей и подписавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части первой статьи 260 «Замечания на протокол судебного заседания» УПК Российской Федерации в течение трех суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания стороны могут подать на него замечания.

1.1. Конституционность названного законоположения оспаривает гражданин Е. В. Савченко, признанный виновным в совершении преступлений приговором Кировского районного суда города Красноярска от 1 октября 2015 года.

Как следует из представленных материалов, после провозглашения приговора председательствующий судья разъяснил участникам судебного разбирательства в числе прочего срок для подачи письменных замечаний на протокол судебного заседания, последствия его пропуска и право на восста-

новление пропущенного срока. Государственный обвинитель по уголовному делу в отношении Е. В. Савченко – помощник прокурора Кировского района города Красноярск был ознакомлен с протоколом судебного заседания 8 октября 2015 года на основании поступившего от него ходатайства.

Данное уголовное дело 22 декабря 2015 года по апелляционному представлению прокурора Кировского района города Красноярск и апелляционным жалобам стороны защиты было направлено для рассмотрения в апелляционном порядке в Красноярский краевой суд, заседание которого было назначено на 19 января 2016 года (постановление судьи Красноярского краевого суда от 28 декабря 2015 года). Однако 29 декабря 2015 года в Кировский районный суд города Красноярск государственным обвинителем были поданы замечания на протокол судебного заседания и заявлено ходатайство о восстановлении пропущенного срока для их подачи, в связи с чем председательствующий по уголовному делу в отношении Е. В. Савченко обратился в Красноярский краевой суд с просьбой вернуть ему дело для рассмотрения принесенных замечаний.

Определением от 19 января 2016 года, вынесенным судебной коллегией по уголовным делам Красноярского краевого суда с учетом мнения сторон, в том числе осужденного и его защитников, не возражавших в ходе заседания суда апелляционной инстанции против удовлетворения указанной просьбы, уголовное дело в отношении Е. В. Савченко снято с апелляционного рассмотрения и возвращено в суд первой инстанции для устранения обстоятельств, препятствующих такому рассмотрению. В свою очередь, председательствующий по данному уголовному делу в Кировском районном суде города Красноярск постановлением от 12 февраля 2016 года удостоверил правильность замечаний государственного обвинителя на протокол судебного заседания, при этом решение о восстановлении предусмотренного частью первой статьи 260 УПК Российской Федерации срока для подачи замечаний не принималось.

Отказывая в передаче поданных в интересах Е. В. Савченко кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, судья Красноярского краевого суда, не усмотревший оснований для отмены или изменения постановления от 12 февраля 2016 года, отметил, в частности, что срок подачи замечаний на протокол судебного заседания не является пресекательным и законом не предусмотрено рассмотрение вопроса о его восстановлении (постановление от 16 сентября 2016 года).

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобам граждан конституционность закона или отдельных его положений, затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, и примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Нарушение частью первой статьи 260 УПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 4 (часть 2), 15 (части 1, 2 и 4), 18, 19 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 55 (часть 2), 76, 120 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, гражданин Е. В. Савченко усматри-

вает в том, что она в силу неопределенности своего нормативного содержания позволяет суду рассматривать замечания государственного обвинителя на протокол судебного заседания, поданные за пределами предусмотренного ею срока, без вынесения решения о его восстановлении.

Принимая во внимание, что государственный обвинитель относится к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, обладающей равными правами со стороной защиты (статьи 37, 244 и 246 УПК Российской Федерации), и что в силу инстанционности уголовного процесса вывод по поставленному заявителем вопросу не может быть сделан безотносительно к нахождению дела в суде первой или второй инстанции на момент подачи замечаний на протокол, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является часть первая статьи 260 УПК Российской Федерации постольку, поскольку на ее основании в системе действующего уголовно-процессуального законодательства разрешается вопрос о возможности рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции в случае, когда такие замечания поданы стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, за пределами установленного этой нормой для их подачи срока, в том числе после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, части 1 и 2). Право на судебную защиту относится к основным, неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает средством обеспечения всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2; статья 18 Конституции Российской Федерации). Приведенным конституционным нормам корреспондируют положения международно-правовых актов, в частности Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8 и 10), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), согласно которым каждый имеет право на справедливое разбирательство его дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право на судебную защиту предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяют реализовать его в полном объеме и вместе с тем соответствуют критериям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым гарантируют действенное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и обеспечивающего охрану прав и свобод человека и гражданина (постановления от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 16 марта 1998 года № 9-П, от 25 декабря 2001 года № 17-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 19 марта 2010 года № 7-П, от 19 июля 2011 года № 17-П, от 27 декабря 2012 года № 34-П и др.).

Вместе с тем данное право подразумевает создание государством необходимых условий для справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы, а его неотъемлемой составляющей является предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления допущенных ошибок посредством созданных для этого процедур, включая проверку вышестоящими судами законности и обоснованности решений, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями, в том числе при реализации осужденным за преступление права на пере-

смотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации), а также возможности получать мотивированные решения по направленным в суд обращениям. Вытекающие из статей 46 (части 1 и 2) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, пункта 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах предполагают не только обязательность фактического и правового обоснования решений, принимаемых судом, который самостоятелен и подчиняется только Конституции Российской Федерации и закону, но и их последующую проверку вышестоящим судом с учетом доводов соответствующего обращения, включая ходатайства участников уголовного судопроизводства.

Не менее важным условием полной и действенной судебной защиты является своевременность рассмотрения уголовных дел и разрешения всех возникающих в уголовном судопроизводстве вопросов, что предполагает соблюдение судом, а также участвующими в судебном разбирательстве сторонами, наделенными равными процессуальными возможностями отстаивать свои права и законные интересы, установленных непосредственно законом сроков производства процессуальных действий, заявления ходатайств и обжалования принятых по ним решений. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, вытекающее из природы правосудия требование разумного срока судебного разбирательства (статья 118 Конституции Российской Федерации, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 6¹ УПК Российской Федерации) отражает важнейший общественный запрос на эффективное и рациональное правосудие, которое осуществляется на основе принципов верховенства права и правового государства и один из основных признаков которого – своевременность разрешения дел (Постановление от 19 июля 2011 года № 17-П).

3. На реализацию предписаний Конституции Российской Федерации, ее статей 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1) и 50 (часть 3), направлены положения уголовно-процессуального законодательства, призванные обеспечивать эффективность судебной защиты, в том числе при проверке вышестоящими судами законности и обоснованности решений, вынесенных нижестоящими судебными инстанциями.

С целью достоверного отображения судебного процесса Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает правила фиксации хода и результатов судебного заседания в протоколе (статья 259), порядок подачи и рассмотрения замечаний на такой протокол (статья 260), его оценки судом апелляционной инстанции, а также использования данным судом для проверки законности и обоснованности приговора (статьи 83, 389¹⁶ и 389¹⁷). В протоколе судебного заседания указываются, кроме прочего, действия суда в том порядке, в каком они имели место в ходе судебного заседания; заявления, возражения и ходатайства участвующих в уголовном деле лиц; сведения о разъяснении участникам уголовного судопроизводства их прав, обязанностей и ответственности; подробное содержание показаний; вопросы, заданные допрашиваемым, и их ответы; результаты произведенных в судебном заседании осмотров и других действий по исследованию доказательств; обстоятельства, которые участники уголовного судопроизводства просят занести в протокол; основное содержание выступлений сторон в судебных прениях и последнего слова подсудимого (пункты 5, 6 и 9–14 части третьей статьи 259 УПК Российской Федерации).

Названные общие требования к ведению протокола судебного заседания определяют его значение как процессуального документа, который при-

зван достоверно и последовательно отражать ход судебного разбирательства, способствовать постановлению приговора в соответствии с доказательствами, исследованными в судебном заседании, и обеспечивать возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при разрешении уголовных дел (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 года № 1014-О-О, от 17 ноября 2011 года № 1558-О-О, от 24 июня 2014 года № 1433-О и др.).

Приобретая в контексте действующего уголовно-процессуального законодательства и сложившейся на его основе правоприменительной практики значение важного источника информации о ходе рассмотрения дела и исследованных судом доказательствах, протокол судебного заседания наряду с аудио-, видеозаписью судебного заседания, обеспечивающей объективность фиксации судебного разбирательства, служит одним из средств проверки и оценки законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного решения суда первой инстанции (статья 389⁹ УПК Российской Федерации), установления оснований отмены или изменения судебного решения, в том числе в апелляционном порядке (статья 389¹⁵ УПК Российской Федерации), и тем самым способен оказать – в зависимости от степени его полноты и правильности – существенное влияние на разрешение дела в вышестоящем суде, учитывая, в частности, что председательствующий судья, подписавший протокол судебного заседания суда первой инстанции, не может быть вызван в суд апелляционной инстанции для дачи показаний об обстоятельствах уголовного дела, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по данному делу (пункт 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации).

Соответственно, в целях исправления возможных ошибок и неточностей, допущенных в протоколе судебного заседания, федеральный законодатель не только установил нормативные требования к изготовлению протокола, но и наделил участников уголовного судопроизводства правом знакомиться с протоколом и при необходимости подавать на него замечания, которому корреспондирует обязанность председательствующего судьи обеспечить возможность осуществления данного права (пункт 17 части второй статьи 42, пункт 17 части четвертой статьи 47, часть седьмая статьи 259 и статья 260 УПК Российской Федерации).

При этом процедура рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, предусмотренная статьей 260 УПК Российской Федерации, во всяком случае не может использоваться для такой корректировки протокола, которая не отвечала бы принципу его объективности, т. е. для исправления допущенных при разбирательстве дела в суде первой инстанции существенных, фундаментальных ошибок и отступлений от законной процедуры судопроизводства путем искажения в любой форме подлинных обстоятельств, имевших место при судебном рассмотрении дела и способных повлечь отмену судебного решения по обращению, адресованному суду вышестоящей инстанции. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что данная статья не дает судье возможность расценить содержащиеся в жалобе на не вступившее в законную силу судебное решение доводы осужденного или его защитника в качестве замечаний на протокол судебного заседания (определения от 22 марта 2012 года № 591-О-О, от 23 апреля 2013 года № 557-О, от 27 октября 2015 года № 2337-О и др.).

Кроме того, в предусмотренном статьей 260 УПК Российской Федерации порядке председательствующий судья удостоверяет правильность лишь тех замечаний об ошибках и упущениях в протоколе судебного заседания, которые не вызывают у него возражений. Иное могло бы привести к подме-

не правил разрешения вопроса о наличии оснований для отмены или изменения судебного решения указанной процедурой, порождало бы спор между лицом, ответственным за изготовление протокола, и лицом, подавшим на него замечания, т. е. вынуждало бы председательствующего быть судьей в собственном деле. Если же в процессуальной форме, предназначенной для подачи замечаний на протокол судебного заседания, содержательно изложены доводы о нарушениях закона, допущенных в ходе судебного заседания, о несогласии с состоявшимся по существу дела судебным решением, что предполагает проверку его законности и обоснованности в установленном порядке, то такие замечания отклоняются председательствующим, но, как следует из части третьей статьи 260 УПК Российской Федерации, приобщаются к протоколу.

3.1. Требование разумного срока судебного разбирательства, предполагающее неукоснительное соблюдение участниками уголовного судопроизводства закрепленных законом сроков и призванное способствовать своевременному разрешению дел, относится и к срокам изготовления протокола судебного заседания суда первой инстанции, ознакомления с протоколом и рассмотрения замечаний на протокол. При их установлении федеральный законодатель не мог не учитывать последующую процедуру апелляционного пересмотра уголовного дела, которая должна осуществляться без неоправданных задержек или приостановления производства по делу. Краткость сроков, предусмотренных статьями 259 и 260 УПК Российской Федерации, объяснима как этим обстоятельством, так и предназначением правил подачи и рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания для исправления в нем тех ошибок, с наличием которых согласен председательствующий судья.

Так, протокол должен быть изготовлен и подписан председательствующим и секретарем судебного заседания в течение трех суток со дня окончания судебного заседания; в пределах этого срока сторонами подается письменное ходатайство об ознакомлении с протоколом судебного заседания, причем срок для подачи ходатайства может быть восстановлен, если оно не было подано по уважительным причинам, но ходатайство не подлежит удовлетворению, если уголовное дело уже направлено в апелляционную инстанцию или по истечении срока, предоставленного для апелляционного обжалования, находится в стадии исполнения; председательствующий обеспечивает сторонам возможность ознакомления с протоколом в течение трех суток со дня получения ходатайства; если протокол в силу объективных обстоятельств изготовлен по истечении трех суток со дня окончания судебного заседания, то участники судебного разбирательства, подавшие ходатайства, должны быть извещены о дате подписания протокола и времени, когда они могут с ним ознакомиться; время ознакомления с протоколом судебного заседания устанавливается председательствующим в зависимости от объема протокола, однако оно не может быть менее пяти суток с момента начала ознакомления, а в исключительных случаях председательствующий по ходатайству лица, знакомящегося с протоколом, может продлить установленное время; если участник судебного разбирательства явно затягивает время ознакомления с протоколом, председательствующий вправе своим постановлением установить определенный срок для ознакомления с ним (части шестая и седьмая статьи 259 УПК Российской Федерации).

В течение трех суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания стороны могут подать на него замечания, подлежащие незамедлительному рассмотрению председательствующим, наделенным правом в необходимых случаях вызвать лиц, подавших замечания, для уточнения их содержания; по результатам рассмотрения замечаний председательствующий

щий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении, которое вместе с замечаниями приобщается к протоколу судебного заседания (статья 260 УПК Российской Федерации), что, в свою очередь, позволяет вышестоящим судебным инстанциям ознакомиться не только с протоколом судебного заседания, но и с замечаниями на него, оценив правомерность их удостоверения либо отклонения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 года № 67-О, от 13 октября 2009 года № 1108-О-О, от 21 декабря 2011 года № 1644-О-О, от 23 апреля 2013 года № 557-О, от 21 мая 2015 года № 1105-О и др.).

3.2. Положения уголовно-процессуального законодательства, обеспечивающие право сторон довести до сведения суда свою позицию относительно отражения в протоколе судебного заседания вопросов, ставших предметом судебного разбирательства, и направленные в конечном счете на то, чтобы в максимально короткое время исправить выявленные в нем недостатки, имеющие значение для рассмотрения дела в вышестоящем суде, тем не менее допускают возможность восстановления пропущенного срока для заявления ходатайства об ознакомлении с протоколом судебного заседания, но умалчивают о юридических последствиях подачи замечаний сторонами, своевременно ознакомленными с протоколом, после истечения установленного для такой подачи срока.

Между тем предоставление сторонам возможности изложить свою позицию относительно полноты и правильности отражения в протоколе судебного заседания тех или иных обстоятельств является элементом обеспечения права на эффективную судебную защиту, а потому факт истечения срока для подачи замечаний на протокол не должен сам по себе исключать подачу замечаний в случае уважительности причин пропуска этого срока. Не является аргументом в пользу ограничительного толкования статьи 260 УПК Российской Федерации с точки зрения возможности подачи замечаний и то обстоятельство, что участники уголовного судопроизводства вправе в апелляционных жалобе или представлении и непосредственно в ходе заседания суда апелляционной инстанции изложить доводы о наличии ошибок, неточностей, неполноты в протоколе судебного заседания. Такой вариант отстаивания своей позиции стороной не исключен, в том числе когда причины пропуска срока для подачи замечаний признаны неуважительными, однако, если имеется возможность устранить из протокола недостатки, способные повлиять на объективность оценки хода и результатов судебного заседания, это должно быть сделано – при отсутствии к тому препятствий, в частности вытекающих из положений уголовно-процессуального законодательства, обусловленных его конституционно значимыми принципами, включая требования инстанционности (статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации), – в тех процессуальных формах, которые специально установлены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно его статьей 260.

Также не влекут вывод о принципиальной невозможности подачи замечаний на протокол судебного заседания после истечения предусмотренного законом срока – в случае уважительности причин его пропуска – предполагаемые сложности с восстановлением реального хода судебного заседания, растущие по мере увеличения временного промежутка со дня его проведения. Председательствующий в судебном заседании суда первой инстанции, оценивая замечания на протокол, может опираться как на материалы дела, так и на сохранившиеся в его памяти подробности заседания. При этом судья во всяком случае не может быть обязан к тому, чтобы при наличии сомнений в правильности замечаний соглашаться с ними.

Вместе с тем в современных условиях объективность фиксации судебного разбирательства может быть обеспечена посредством аудио-, видеозаписи, имеющей важное значение и для оценки корректности замечаний на письменный протокол судебного заседания. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание на необходимость скорейшего внедрения такой фиксации хода и результатов судебного заседания во всех судах.

3.3. Рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания, поданных стороной, прежде ознакомленной с ним, после истечения срока, предусмотренного законом для подачи замечаний, не может осуществляться в произвольном порядке, в том числе поскольку способно привести к нарушению прав другой стороны судопроизводства.

При отсутствии в статье 260 УПК Российской Федерации специального указания, касающегося восстановления пропущенного срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания, общей гарантией для лиц, не имевших возможности реализовать свое право на совершение этого процессуального действия в отведенное время, служит институт восстановления процессуальных сроков, предусмотренный статьей 130 данного Кодекса, согласно которой пропущенный по уважительной причине срок должен быть восстановлен на основании постановления дознавателя, следователя или судьи, в чьем производстве находится уголовное дело, а отказ в восстановлении срока может быть обжалован в порядке, установленном данным Кодексом (часть первая).

Приведенная норма, определяя во взаимосвязи с другими положениями главы 17 УПК Российской Федерации требования к исчислению, соблюдению, продлению и восстановлению процессуальных сроков, применима и к случаям пропуска установленного статьей 260 данного Кодекса срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания, что подтверждается как системным толкованием положений ее части первой и части седьмой статьи 259 данного Кодекса, так и правоприменительной практикой, которой придерживаются суды различного уровня, а также позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в письме от 27 апреля 2017 года, направленном в адрес Конституционного Суда Российской Федерации.

Следовательно, отвечающее закрепленным в статье 130 УПК Российской Федерации требованиям решение судьи, председательствовавшего в суде первой инстанции, а значит, лично воспринимавшего ход и результаты судебного заседания, об удостоверении правильности замечаний на протокол судебного заседания либо об их отклонении может быть вынесено только при условии соблюдения предшествующей его вынесению законной процедуры, определяющей основания и порядок принятия решения о восстановлении срока для подачи стороной замечаний на протокол, которое должно быть выражено в соответствующем правовом акте – постановлении того же судьи. Такое постановление в силу части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации должно быть законным, обоснованным, мотивированным и подтверждающим доводы, приведенные лицом, добивающимся восстановления процессуального срока.

Иное – принятие к рассмотрению и удостоверение правильности замечаний на протокол судебного заседания, поданных за пределами нормативно отведенного для этого времени, без необходимости к тому предпосылки в виде судебного решения, которым восстанавливается пропущенный срок и которое содержательно отвечает общим требованиям, предъявляемым к любым правоприменительным актам в сфере уголовного процесса (безотносительно к их основаниям и видам они должны быть законными, обоснованными, мотивированными и выраженными в надлежащей, установленной

уголовно-процессуальным законодательством форме), — приводило бы к разрешению данного вопроса в произвольном порядке, на основании субъективного усмотрения судьи, действующего, по существу, вне рамок предусмотренной законом судебной-юрисдикционной процедуры. Тем самым создавались бы предпосылки к нарушению закрепленных Конституцией Российской Федерации принципов и положений, относящихся к осуществлению правосудия, включая ее статью 46 о праве каждого на судебную защиту и статью 123 (часть 3) об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

Способствовать подобному нарушению может и отсутствие в статье 260 УПК Российской Федерации указания на необходимость при удостоверении правильности замечаний стороны на протокол судебного заседания судьей, председательствовавшим в судебном заседании суда первой инстанции, уведомить об этом другую сторону (в отличие, например, от предписаний статьи 389⁷ УПК Российской Федерации, согласно которым суд, постановивший приговор или вынесший иное обжалуемое решение, извещает о принесенных апелляционных жалобах, представлении лиц, указанных в его статье 389¹, если жалоба или представление затрагивает их интересы, с разъяснением права подачи на эти жалобу или представление возражений в письменном виде, с указанием срока их подачи и направляет им копии жалобы, представления, а также возражений на них). Такое уведомление приобретает особое значение в случае подачи замечаний за пределами установленного срока, поскольку в этот период другая сторона может исходить из того, что содержание протокола уже не претерпит изменений. Из принципов же состязательности и равноправия сторон судопроизводства следует, что другая сторона должна быть проинформирована судом об удостоверении правильности замечаний стороны на протокол судебного заседания, чтобы иметь возможность ознакомиться с ними и высказать по ним свою позицию в суде апелляционной инстанции.

4. Обжалование решения суда первой инстанции в суд второй инстанции, посредством которого реализуется право на пересмотр приговора вышестоящим судом, гарантированное статьей 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации и закрепленное корреспондирующими ей нормами Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 5 статьи 14), Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 2), предопределяет переход компетенции в отношении дела суду апелляционной инстанции.

По смыслу указанных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, требования инстанционности уголовного судопроизводства не препятствуют повторному доказыванию обстоятельств дела в суде второй инстанции и вместе с тем исключают выполнение судом первой инстанции процессуальных действий и принятие процессуальных решений после завершения им производства по делу, когда его итоговые решения оспорены и подлежат проверке в вышестоящем суде и тем более само дело уже находится в таком суде. Это обусловлено как самой логикой уголовного процесса, так и необходимостью не допустить коррекцию судом своих действий и решений, в сохранении юридической силы которых он заинтересован и правомерность которых подлежит оценке судом вышестоящей инстанции, — такая коррекция делала бы беспредметными доводы обротившихся в вышестоящий суд сторон и снижала бы эффективность гарантированной Конституцией Российской Федерации судебной защиты.

Допущенные судом первой инстанции ошибки в решениях, не вступивших в законную силу, должны, по общему правилу, исправляться судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде

первой инстанции (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2005 года № 11-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П и от 12 октября 2015 года № 25-П). Возвращение же дела из вышестоящего суда в нижестоящий не может осуществляться без непосредственно закрепленных в законе оснований и процедуры, относящихся к ординарному порядку судопроизводства, — иное, вопреки предписаниям статей 47 (часть 1) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ставило бы под сомнение реализацию права на законный суд, а также принцип обеспечения разрешения дела в разумный срок и без неоправданных задержек.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит указаний на возможность возвращения дела в суд первой инстанции в случае поступления замечаний на протокол судебного заседания этого суда, когда дело уже находится в суде апелляционной инстанции. Рассмотрение же председательствующим в суде первой инстанции замечаний на данный протокол без возвращения дела также лишено оснований: даже при том условии, что председательствующий способен восстановить картину судебного заседания по памяти или на основе имеющихся копий документов, решение по существу замечаний, принятое им при отсутствии у него материалов дела, не только вызывало бы сомнения с точки зрения объективности и обоснованности, но и, относясь к делу, находящемуся в суде апелляционной инстанции, нарушало бы требования инстанционности. В то же время и судья суда апелляционной инстанции — поскольку функция по рассмотрению замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции в настоящее время основана на личном восприятии хода процесса судьей этого суда — не вправе принимать специальное решение по замечаниям на такой протокол, непосредственно затрагивающее его содержание. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не предполагается рассмотрение председательствующим поданных на протокол судебного заседания замечаний после направления дела в суд вышестоящей инстанции (определения от 11 мая 2012 года № 684-О и от 28 мая 2013 года № 788-О).

Установленный главой 45¹ УПК Российской Федерации порядок апелляционного производства предусматривает проверку решений суда первой инстанции, исследование представляемых сторонами доказательств судом второй инстанции. Суд апелляционной инстанции может непосредственно исследовать доказательства, представляемые сторонами, с теми же процессуальными гарантиями, что и в суде первой инстанции (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 года № 16-П).

Полномочия суда апелляционной инстанции позволяют ему проводить не только документальную проверку законности, обоснованности и справедливости не вступивших в законную силу приговоров, но и полноценное судебное следствие, в рамках которого допускается как исследование получивших оценку суда первой инстанции доказательств либо доказательств, имеющих в деле, но не исследованных судом первой инстанции, так и собирание новых доказательств, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд апелляционной инстанции признает эти причины уважительными (части шестая и шестая¹ статьи 389¹³ УПК Российской Федерации). Предоставленная сторонам возможность участвовать в исследовании доказательств, представлять новые доказательства и иными способами отстаивать свою позицию в проводимом на основе состязательности и равноправия сторон судебном разбиратель-

стве включает в себя и право заявлять ходатайство о вызове с этой целью в судебное заседание свидетелей, экспертов, потерпевших и других лиц, которое разрешается судом по правилам, предусмотренным частями первой и второй статьи 271 УПК Российской Федерации. Тем самым обеспечивается возможность не только изменения в апелляционном порядке решения, принятого судом первой инстанции, но и вынесения нового решения по существу уголовного дела на основе непосредственного исследования доказательств, в том числе в виде показаний, полученных судом апелляционной инстанции при повторном допросе лиц, допрошенных в суде первой инстанции.

Исходя из возможностей судебного следствия, которое согласно статье 389¹³ УПК Российской Федерации ведется в суде апелляционной инстанции по правилам, закрепленным данным Кодексом для производства в суде первой инстанции (главы 35–39), хотя и с изъятиями, предусмотренными его главой 45¹, суд апелляционной инстанции не ограничен в полномочии проверить точность, полноту и правильность протокола судебного заседания суда первой инстанции с учетом доводов участников уголовного судопроизводства, материалов дела и исследованных доказательств, оценить такой протокол как одно из доказательств, не имеющих, как следует из части второй статьи 17 УПК Российской Федерации, заранее установленной силы и приоритета перед другими доказательствами, признать имеющиеся в нем неточности и ошибки и определить их влияние (отсутствие такового) на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, принимая по делу итоговое решение, вправе отвергнуть обстоятельства, признанные установленными судом первой инстанции, и признать установленными иные обстоятельства и тем самым может в рамках апелляционного производства самостоятельно исправить выявленные ошибки, связанные с незаконностью и необоснованностью решений суда первой инстанции. Тем более он не лишен возможности, обнаружив изъяны в протоколе судебного заседания суда первой инстанции, без формального изменения текста протокола принять итоговое решение на основе установленных им фактов и по своему внутреннему убеждению. При этом в ходе рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, наделенным необходимыми полномочиями по проверке как решения суда первой инстанции в целом, так и протокола судебного заседания в качестве одного из доказательств, стороны вправе изложить доводы о неполноте протокола, заявить ходатайство о подтверждении тех или иных имеющих доказательственное значение фактов и обстоятельств, исследованных в судебном заседании суда первой инстанции, но не нашедших отражения в его протоколе или отраженных, по их мнению, неверно, что не предполагает произвольное отклонение таких доводов и ходатайств судом апелляционной инстанции, который обязан самостоятельно оценить содержание протокола в совокупности с другими доказательствами и материалами дела и установить наличие либо отсутствие оснований для отмены или изменения приговора либо иного проверяемого решения суда первой инстанции.

Соответственно, с учетом полномочий суда апелляционной инстанции по устранению тех неясностей и пробелов, которые могут быть связаны с ошибками в протоколе судебного заседания суда первой инстанции, невозможность — в системе действующего уголовно-процессуального законодательства — восстановления пропущенного срока для подачи замечаний на этот протокол и их подачи после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции не препятствует судебной защите прав и законных интересов сторон при обжаловании приговора. Напротив, не основанное на

законе возвращение дела в суд первой инстанции для рассмотрения замечаний на протокол, как следствие их подачи, — по смыслу статьи 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации и корреспондирующих ей норм Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 5 статьи 14) и Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 2), предопределяющих переход компетенции в отношении дела суду апелляционной инстанции, — не только умаляло бы полноту судебной защиты в суде апелляционной инстанции, но и создавало бы неоправданную задержку в доступе к правосудию и, в нарушение закрепленного статьей 17 УПК Российской Федерации принципа свободной оценки доказательств, фактически превращало бы протокол судебного заседания, который признается одним из видов доказательств, подлежащим оценке с точки зрения допустимости и достоверности наравне с другими доказательствами (пункт 5 части второй статьи 74, статьи 83, 87 и 88 УПК Российской Федерации), в доказательство, имеющее для суда апелляционной инстанции заранее установленную силу.

Поскольку срок для принесения апелляционных жалобы или представления ограничен десятью сутками со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда (а если осужденный содержится под стражей, то со дня вручения ему копии обжалуемого решения) и лишь в течение этого срока дело не может быть истребовано из суда (статья 389⁴ УПК Российской Федерации), постольку возможна ситуация, при которой даже подача замечаний в точном соответствии с установленными требованиями (без пропуска и восстановления срока) произойдет тогда, когда дело уже будет передано в суд апелляционной инстанции. Эта проблема, однако, выходит за рамки предмета рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, связанного с разрешением вопроса о подаче замечаний на протокол судебного заседания после пропуска предусмотренного для такой подачи срока.

5. Таким образом, часть первая статьи 260 УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального законодательства допускает рассмотрение председательствующим в суде первой инстанции замечаний на протокол судебного заседания этого суда, поданных за пределами установленного срока стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, лишь при условии восстановления председательствующим пропущенного срока в мотивированном постановлении, исключает восстановление этого срока и подачу замечаний после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции, правомочный самостоятельно оценить содержание протокола судебного заседания суда первой инстанции в совокупности с другими доказательствами и материалами уголовного дела и установить наличие или отсутствие оснований для отмены либо изменения приговора или иного проверяемого решения, в том числе рассмотрев ходатайства сторон о подтверждении или опровержении имеющих значение для дела фактов и обстоятельств, относящихся к судебному заседанию суда первой инстанции, но не нашедших отражения или неверно отраженных в протоколе, а также подразумевает обязанность суда первой инстанции уведомить об удостоверении правильности замечаний на протокол, поданных стороной после истечения установленного срока, другую сторону.

Федеральный законодатель не лишен возможности внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные как на совершенствование порядка подачи и рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, в том числе имея в виду синхронизацию установленных сро-

ков для ознакомления с протоколом судебного заседания и подачи замечаний на него и сроков обжалования приговора и передачи дела в суд апелляционной инстанции, так и на скорейшее внедрение обязательной фиксации судебного разбирательства во всех судах посредством аудио-, видеозаписи судебного заседания, материалы которой могут использоваться при оценке замечаний на протокол судебного заседания, а также фактов и обстоятельств, относящихся к заседанию нижестоящего суда, в суде вышестоящей инстанции.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую статьи 260 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального законодательства содержащееся в ней законоположение:

допускает рассмотрение председательствующим в суде первой инстанции замечаний на протокол судебного заседания этого суда, поданных стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, после истечения предусмотренного для их подачи срока, лишь при условии предшествующего разрешения председательствующим в суде первой инстанции в мотивированном постановлении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на основе оценки всех доводов ходатайствующей стороны;

исключает восстановление пропущенного срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции и их подачу после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции, что не лишает стороны возможности при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции заявить ходатайство о подтверждении или опровержении тех или иных имеющих значение для данного дела фактов и обстоятельств, относящихся к судебному заседанию суда первой инстанции, но не нашедших отражения или неверно отраженных в его протоколе, и не предполагает произвольное отклонение таких ходатайств судом апелляционной инстанции, который обязан самостоятельно оценить содержание протокола судебного заседания суда первой инстанции в совокупности с другими доказательствами и материалами уголовного дела и установить наличие или отсутствие оснований для отмены либо изменения приговора или иного проверяемого решения суда первой инстанции;

подразумевает обязанность суда первой инстанции уведомить об удостоверении правильности замечаний на протокол судебного заседания, поданных стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, после истечения срока, предусмотренного для подачи таких замечаний, другую сторону.

2. Конституционно-правовой смысл части первой статьи 260 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Савченко Евгения Владимировича в части оценки судами подачи стороной обвинения замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции подлежат пересмотру в установленном порядке, если применение части первой статьи 260 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Су-

дом Российской Федерации в настоящем Постановлении, могло оказать в деле заявителя влияние на содержание приговора и принятых по итогам его обжалования судебных решений.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации **Ю. М. Данилова**

Выражая свое несогласие с рядом выводов, сделанных Конституционным Судом Российской Федерации в названном Постановлении, считаю необходимым изложить свою позицию по существу рассмотренных вопросов.

1. Протокол судебного заседания является процессуальным документом, который отражает весь ход судебного процесса, способствует постановлению приговора в соответствии с доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, и обеспечивает возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при рассмотрении уголовных дел. В то же время сам протокол судебного заседания является одним из доказательств в соответствии со статьей 83 УПК Российской Федерации. Однако лишь в том случае, если он отвечает условиям, установленным уголовно-процессуальным законом. Требования к протоколу судебного заседания закреплены в статье 259 названного Кодекса. Поскольку недостатки протокола судебного заседания могут порождать негативные процессуальные последствия, законодателем установлен процессуальный

порядок устранения таких недостатков, восстановления полноты и правильности записи в этом протоколе. С целью устранения неполноты, ошибок и неточностей протокола судебного заседания, допущенных при его составлении, уголовно-процессуальный закон предусматривает право сторон знакомиться с его содержанием и право принесения ими замечаний. Существующий механизм ознакомления с протоколом судебного заседания и принесения на него замечаний отвечает принципу состязательности уголовного процесса и создает необходимые предпосылки для эффективного обжалования приговора. Именно поэтому внесение изменений и уточнений в уже изготовленный и подписанный протокол судебного заседания, с которым ознакомлены стороны уголовного процесса, по инициативе самого суда не допускается.

Отсутствие протокола судебного заседания является безусловным основанием к отмене состоявшегося приговора. Однако не только, так сказать, физическое отсутствие указанного протокола влечет отмену приговора, но и отступление от требований к составлению этого

протокола. Судебная практика к таковым относит отсутствие в нем необходимых реквизитов, подписи секретаря судебного заседания и (или) председательствующего даже в тех случаях, когда не подписаны части протокола, изготовленного по частям, притом что в целом протокол удостоверен соответствующими подписями (см., например, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2017 год, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 года), и т. п.

2. Совершенно справедливо замечено, что протокол судебного заседания, как и другие доказательства, не обладает для вышестоящего суда заранее установленной силой. Однако в отличие от других доказательств, которые могут быть проверены и оценены вышестоящими судами, ущербный протокол судебного заседания автоматически выбывает из категории доказательств, не может быть проверен, проанализирован и оценен в ряду других доказательств, что лишает суд вышестоящей инстанции самой возможности проверки объективности постановленного приговора и влечет за собой безусловную отмену приговора с возвращением дела на новое рассмотрение, ибо устранение допущенных судом первой инстанции подобных существенных нарушений уголовно-процессуального закона в других инстанциях невозможно, а проведение судом, к примеру апелляционной инстанции, процесса по правилам главы 45¹ УПК Российской Федерации привело бы как минимум к нарушению гарантированного статьей 50 (часть третья) Конституции Российской Федерации права лица быть судимым двумя инстанциями.

Сказанное в равной степени относится к случаям, когда суд апелляционной инстанции обнаруживает в деле замечания на протокол судебного заседания, не рассмотренные судом первой инстанции. Для вышестоящего суда это обстоятельство свидетельствует о том, что протокол судебного заседания по меньшей мере «остается под подозрением», если вовсе не опорожен. Сослаться на него как на доказательство было бы крайне неосмотрительно, поскольку это означало бы, что суд без надлежащей проверки принял сторону одного из участников процесса.

В названном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации рекомендуется в таких случаях продолжать судебное

заседание и на основе проверки оспоренных в жалобе или представленных доказательств сделать вывод об их достоверности или недостоверности и, таким образом, о законности и обоснованности приговора. Но как быть, если замечания касаются не отдельных доказательств, а протокола в целом? Если речь идет о неточном, по мнению автора замечаний, отражении хода процесса: заявленных ходатайствах (в том числе об отводе состава суда), предоставлении слова для защиты и последнего слова, ошибках или описках в написании, к примеру, инициалов участников процесса, экспертов, переводчиков, специалистов, времени заседания? Исправить, устранить их суд второй инстанции не может. Продолжение полного объема апелляции процесса в этом случае становится бессмысленным, поскольку результатом его может быть только отмена приговора с направлением дела на новое рассмотрение, притом что подобного рода сомнения вполне могут быть устранены в предусмотренной законом процедуре рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания.

Также следует иметь в виду, что подобные ситуации возможны при проверке приговора по многоэпизодным делам, рассматриваемым судами в течение длительного времени, по которым один только протокол судебного заседания составляет несколько томов. А если это дело рассмотрено судом с участием присяжных заседателей?

Всю ответственность за объективность протокола судебного заседания, достоверность содержащихся в нем сведений должен нести суд первой инстанции, и он не может быть лишен возможности, используя предоставленные ему процессуальные процедуры рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, восстановить объективную картину хода судебного процесса.

3. Заблуждением является утверждение о том, что суд апелляционной инстанции вправе возвращать дела без рассмотрения в суд первой инстанции лишь по основаниям, указанным в статьях 389⁶ и 389⁷ УПК Российской Федерации.

Из текста статьи 389¹¹ упомянутого Кодекса следует, что по поступившему уголовному делу судья выносит постановление о назначении судебного заседания либо возвращает уголовное дело в суд первой инстанции для устранения обстоятельств, препятствующих

его рассмотрению в суде апелляционной инстанции. В случае отзыва апелляционной жалобы лицом, ее подавшим, апелляционное производство по этой жалобе прекращается (часть третья статьи 389⁸). Очевидно, что, если такой отзыв производится после поступления дела в суд апелляционной инстанции, судья вправе принять такое решение на стадии назначения судебного заседания. Кроме того, судья вправе принять и другие предусмотренные законом решения, в частности о направлении жалобы для рассмотрения по подсудности из судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в суд областного звена в случаях подачи жалобы или представления на промежуточное судебное решение. Все это позволяет ускорить процесс рассмотрения дела, оперативно снять с рассмотрения дела, не готовые к разбирательству в суде апелляционной инстанции.

Такова давно сложившаяся правоприменительная практика. Используя свое конституционное право давать разъяснения по вопросам судебной практики (статья 126 Конституции Российской Федерации), Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 27 ноября 2011 года № 26 (в редакции от 1 декабря 2015 года) указал судам на их обязанность при назначении и подготовке заседания суда апелляционной инстанции «проверять, выполнены ли судом первой инстанции требования части 4 статьи 389⁶ УПК Российской Федерации, извещены ли о принесенных жалобе, представлении лица, интересы которых затрагиваются жалобой или представлением, направлены ли им копии указанных документов с разъяснением права подачи на них возражений в письменном виде в срок, который должен быть сопоставим со сроком, установленным для принесения самой жалобы или представления, а также соблюдены ли права сторон на ознакомление с протоколом судебного заседания или другими материалами дела. В силу части 3 статьи 389¹¹ УПК Российской Федерации в случае невыполнения судом первой инстанции указанных выше требований либо ограничения прав сторон, связанных с подготовкой к участию в заседании суда апелляционной инстанции, уголовное дело возвращается для устранения обстоятельств, препятствующих его апелляционному рассмотрению. Если такие обстоятельства установлены в заседании суда апелляционной инстанции, то суд выносит определение или

постановление о снятии уголовного дела с апелляционного рассмотрения и возвращении его в суд первой инстанции для их устранения».

Придавая особое значение необходимости устранить любые сомнения в объективности содержащихся в протоколе судебного заседания сведений, Верховный Суд Российской Федерации занимает позицию, в соответствии с которой рассмотрение председательствующим замечаний на протокол судебного заседания, содержащихся в жалобах или представлениях, и вынесение при этом отдельных процессуальных документов не противоречит положениям действующего законодательства (определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2011 года № 51-011-59СП).

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно высказывался в пользу того, что действующее законодательство не содержит каких-либо предписаний, лишающих участников процесса возможности обжаловать постановление судьи об отклонении замечаний на протокол судебного заседания, а суд вышестоящей инстанции – права проверить обоснованность отклонения замечаний. Напротив, приобщение замечаний к протоколу судебного заседания и к материалам уголовного дела в целом является условием, позволяющим вышестоящим судебным инстанциям ознакомиться с этими замечаниями и оценить правомерность их отклонения (определения от 25 января 2005 года № 67-О, от 13 октября 2009 года № 1108-О-О, от 20 ноября 2014 года № 2683-О и др.).

Подтверждая неизменность изложенного подхода к исследуемому вопросу, Верховный Суд Российской Федерации по запросу Конституционного Суда Российской Федерации изложить свою позицию высказался также о том, что уголовное дело должно быть снято, в том числе и с кассационного рассмотрения, и возвращено в суд в связи с нарушениями положений статьи 260 УПК Российской Федерации об ознакомлении осужденного с протоколом судебного заседания, сославшись, в частности, на утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 декабря 2011 года Обзор судебной практики.

4. Изложенное выше свидетельствует о том, что Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 года № 21-П, исключаящее во всяком случае возможность восстановления пропущенного даже

по уважительным причинам срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции, как и в целом возможность их подачи, после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции и лишаящее сторону уголовного процесса права добиться объективного содержания протокола, не только опрокидывает практику, сложившуюся на основе указанных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, действовавшего в пределах своей конституционно установленной компетенции толкования закона, но и порождает неясность и неопределенность в применении норм Уго-

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся апелляционного производства, которые вряд ли удастся устранить судам общей юрисдикции без внесения изменений в действующее законодательство.

Если законодатель все-таки предусмотрит право суда апелляционной инстанции возвращать в суд первой инстанции дела для рассмотрения вопросов, связанных с применением статьи 260 УПК Российской Федерации, будет ли это означать недопустимое преодоление правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации? Или это все же дискреция законодателя?

19 июля
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 22-П

по делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олдхэма

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием представителя граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олдхэма — адвокатов С. А. Голубка и М. Ю. Жировой, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, представителя Совета Федерации — кандидата юридических наук Е. Ю. Егоровой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олдхэма. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К. В. Арановского, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации — М. А. Мельниковой, от Министерства внутренних дел Российской Федерации — Г. В. Марьяна, от Генерального прокурора Российской Федерации — Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 20 Федерального закона от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Рос-

сийской Федерации» иностранный гражданин в случае нахождения в месте пребывания обязан встать на учет по месту пребывания в порядке и на условиях, которые установлены в соответствии с данным Федеральным законом или международным договором Российской Федерации (часть 1); постановке на учет по месту пребывания подлежит временно проживающий или временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин по истечении семи рабочих дней со дня прибытия в место пребывания, за исключением случаев, когда он находится в гостинице или в иной организации, оказывающей гостиничные услуги, в санатории, доме отдыха, пансионате, кемпинге, на туристской базе, в детском оздоровительном лагере, медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или организации социального обслуживания, либо находится в организации социального обслуживания, предоставляющей социальные услуги лицам без определенного места жительства, либо находится в учреждении, исполняющем административное наказание (пункт 2 части 2).

Конституционность названных законоположений оспаривают граждане США Н. Д. Ворден и П. Д. Олдхэм, прибывшие в Российскую Федерацию 8 июля 2016 года по приглашению местной религиозной организации «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней». 13 июля 2016 года они были поставлены на миграционный учет по месту (адресу) нахождения данной организации в городе Самаре, но проживали в другом жилом помещении в том же городе. 5 августа 2016 года должностным лицом полиции, усмотревшим нарушение Н. Д. Ворденом и П. Д. Олдхэмом правил миграционного учета в Российской Федерации в том, что они не встали на учет по месту пребывания по адресу, где проживали фактически, были составлены протоколы об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 18.8 КоАП Российской Федерации. В тот же день постановлениями Самарского районного суда города Самары Н. Д. Ворден и П. Д. Олдхэм признаны виновными в совершении данного административного правонарушения и каждому назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 2000 рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации. Самарский областной суд решениями от 23 августа 2016 оставил эти судебные акты без изменения. Постановлением от 16 ноября 2016 года заместитель председателя Самарского областного суда оставил жалобу, поданную в интересах П. Д. Олдхэма на принятые по его делу судебные акты, без удовлетворения.

По мнению заявителей, оспариваемые ими законоположения противоречат статьям 18, 19 (части 1 и 2), 27 (часть 1), 37 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку содержат неопределенные условия миграционного учета иностранных граждан, временно пребывающих в Российской Федерации, не позволяющие им точно понять миграционные правила и свои обязанности по их исполнению, что создает для этих лиц препятствия в осуществлении свободы передвижения и выбора места пребывания, права распоряжаться своими способностями к труду и права на государственную, в том числе судебную, защиту и делает возможным неправомерное усмотрение в применении к ним мер административной ответственности.

Таким образом, исходя из требований статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», взаимосвязанные положения части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу

постольку, поскольку на их основании решается вопрос о месте пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), по которому он обязан встать на миграционный учет, и о привлечении к юридической ответственности за неисполнение этой обязанности.

2. В соответствии с Конституцией Российской Федерации в России как правовом демократическом государстве, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью (статьи 1 и 2), иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с ее гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (статья 62, часть 3). Такие случаи, по смыслу статьи 62 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 17 (часть 2) и другими положениями главы 2 «Права и свободы человека и гражданина», касаются лишь тех прав и обязанностей, которые возникают и осуществляются ввиду особой связи между Российской Федерацией и ее гражданами (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 года № 6-П и от 17 февраля 2016 года № 5-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2010 года № 1244-О-О, от 4 июня 2013 года № 902-О, от 5 марта 2014 года № 628-О и др.).

Согласно статье 27 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Право на свободу передвижения признается и актами международного права, в том числе Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, статья 2 Протокола № 4 к которой предусматривает, что каждый, кто на законных основаниях находится на территории государства, имеет в ее пределах право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства (пункт 1), а пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые установлены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественного спокойствия, для поддержания общественного порядка, предотвращения преступлений, охраны здоровья или нравственности либо для защиты прав и свобод других лиц (пункт 3).

Вместе с тем, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 17 февраля 2016 года № 5-П и Определении от 4 июня 2013 года № 902-О, данное конституционное право гарантируется в Российской Федерации только тем лицам, которые законно находятся на территории Российской Федерации, что соотносится с другими положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая ее статьи 3 и 8, а также с пунктом 1 статьи 2 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года), не допускающим такое истолкование положений Декларации, которое ограничивало бы право государства принимать законы и правила, касающиеся въезда иностранцев и условий их пребывания, или устанавливать различия между его гражданами и иностранцами либо легализовало бы незаконное проникновение или присутствие иностранца в государстве.

Исходя из приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, являющихся в силу ее статьи 15 (часть 4) составной частью правовой системы Российской Федерации, государство в лице федерального законодателя, следуя правомерным целям миграционной политики, вправе определять как правовой режим пребывания (проживания) на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц

без гражданства, так и меры ответственности за его нарушение, а также правила применения мер принуждения для пресечения правонарушений в области миграционных отношений, восстановления нарушенного правопорядка и предотвращения противоправных (особенно множественных и грубых) на него посягательств (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 16 февраля 2016 года № 4-П и от 17 февраля 2016 года № 5-П).

При этом, поскольку Конституция Российской Федерации, в том числе ее статьи 17 (часть 3), 19, 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3), допускает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина лишь в целях защиты конституционно значимых ценностей при справедливом соотношении публичных и частных интересов, устанавливаемые федеральным законом средства и способы такой защиты должны быть обусловлены ее целями и способны обеспечить их достижение, исключая умаление и несоразмерное ограничение соответствующих прав и свобод (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и от 17 февраля 2016 года № 5-П).

3. Миграционный учет пребывающих в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», принятым во исполнение предписания статьи 29¹ Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в целях создания необходимых условий для реализации гражданами Российской Федерации, а также иностранными гражданами и лицами без гражданства своих прав и свобод, а также для исполнения ими возложенных на них обязанностей, выработки и реализации государственной миграционной политики, формирования полной, достоверной, оперативной и актуальной информации о перемещениях иностранных граждан и лиц без гражданства для прогнозирования последствий указанных перемещений и ведения государственного статистического наблюдения в области миграции, планирования развития территорий, управления в кризисных ситуациях, а также защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации и находящихся в России иностранных граждан и лиц без гражданства, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и общественной безопасности средствами противодействия незаконной миграции и другим противоправным проявлениям, систематизации сведений об иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся в Российской Федерации (в том числе их персональных данных), решения других социально-экономических и общественно-политических задач (часть 1 статьи 4).

Достижение указанных целей – принимая во внимание, что миграционный учет согласно части 2 статьи 4 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» имеет уведомительный характер, за исключением случаев, предусмотренных федеральным конституционным законом или федеральным законом, – решающим образом зависит от того, следуют ли участники правоотношений по поводу миграционного учета установленным правилам, представляют ли своевременно достоверные сведения и выполняют ли другие юридически значимые действия, как того требует часть 1 статьи 7 того же Федерального закона. Поэтому, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 февраля 2016 года № 5-П, вклю-

чение правил миграционного учета в режим пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, обуславливающее возложение на них обязанности надлежащим образом соблюдать эти правила, отступления от которых могут влечь неблагоприятные правовые последствия, не выходит за конституционно приемлемые рамки, а введение административной ответственности за неисполнение соответствующих обязанностей, включая выдворение за пределы Российской Федерации в качестве административного наказания, не лишено конституционных оснований.

Европейский Суд по правам человека также полагает, что право властей применять административное выдворение может быть важным средством предотвращения серьезных и неоднократных нарушений миграционного порядка, оставление которых безнаказанными подрывало бы уважение к закону; при этом сама по себе схема применения национального миграционного законодательства, основанная на санкциях в виде административного выдворения, не вызывает вопросов с точки зрения соблюдения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающей вмешательство со стороны публичных властей в осуществление права на уважение личной и семейной жизни, за исключением предусмотренных законом и необходимых в демократическом обществе случаев; однако значение, придаваемое тому или иному критерию допустимости административного выдворения, различается в зависимости от обстоятельств конкретного дела, а усмотрение государства имеет пределы, обусловленные обязанностью установить справедливое равновесие между интересами отдельного лица и общества в целом (постановления от 28 июня 2011 года по делу «Нунес (*Nunez*) против Норвегии» и от 27 сентября 2011 года по делу «Алим (*Alim*) против России»).

4. Миграционный учет – исходя из его целей, обозначенных в части 1 статьи 4 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», – призван отражать факт нахождения иностранного гражданина (лица без гражданства) по конкретному месту (адресу), определяемому, как и применительно к регистрационному учету граждан Российской Федерации, как место пребывания или жительства, под которым обычно понимается конкретное помещение, и тем самым обеспечивать органам публичной власти, принимающей стороне, а также другим субъектам частноправовых отношений с участием иностранного гражданина (лица без гражданства) возможность непосредственных контактов с ним.

Соответственно, поскольку миграционный учет образует, по общему правилу, обязательное условие законного нахождения иностранного гражданина (лица без гражданства) на территории Российской Федерации, несоблюдение которого может повлечь применение к нему мер государственного принуждения, Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» обязывает иностранного гражданина (лица без гражданства) встать на учет по месту пребывания в порядке и на условиях, установленных в соответствии с данным Федеральным законом или международным договором Российской Федерации (часть 1 статьи 20), а при осуществлении миграционного учета – представлять достоверные сведения и совершать другие юридически значимые действия, установленные данным Федеральным законом, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Российской Федерации (часть 1 статьи 7), т. е. прямо указывает в качестве носителя обязанности по миграционному учету

иностранного гражданина (лицо без гражданства), временно пребывающего в Российской Федерации.

В то же время названный Федеральный закон возлагает и на принимающую сторону ряд конкретных обязанностей в рамках установленного порядка миграционного учета: именно принимающая сторона, которой иностранный гражданин (лицо без гражданства) предъявляет документ, удостоверяющий его личность, а также миграционную карту, представляет в орган миграционного учета уведомление о прибытии в место пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), кроме случаев, когда документально подтвержденные уважительные причины препятствуют ей исполнить эту обязанность, а иностранный гражданин (лицо без гражданства) должен сам представить соответствующее уведомление, либо когда он вправе это сделать с письменного согласия принимающей стороны, либо когда у него есть в собственности жилое помещение на российской территории, которое он вправе заявить как место своего пребывания, и именно принимающая сторона передает иностранному гражданину (лицу без гражданства) отрывную часть бланка указанного уведомления, отметка в которой органом миграционного учета является подтверждением выполнения действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания (подпункт «а» пункта 1 и пункт 2 части 2, части 3, 3¹, 4 и 7 статьи 22).

Как следует из приведенных положений Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» во взаимосвязи с частью 1 его статьи 24, согласно которой лица, виновные в нарушении законодательства о миграционном учете, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, в регулировании отношений, возникающих при осуществлении миграционного учета, имеет место сочетание сформулированной, по существу, в качестве общего принципа обязанности иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих в Российской Федерации, встать на миграционный учет по месту пребывания и конкретные обязанности принимающей их стороны. Тем самым предполагается обязанность иностранного гражданина (лица без гражданства) как самому совершать необходимые действия, если это вытекает из нормативного регулирования данных отношений, так и проявлять должную заинтересованность в совершении необходимых действий принимающей стороной, а также не менять без надлежащего уведомления уполномоченного органа то место пребывания, по которому принимающая сторона осуществила его миграционный учет.

Вместе с тем в силу правовых принципов справедливости и соразмерности ответственность лица за неисполнение обязанности, заключающейся в совершении определенных юридически значимых действий, может иметь законные основания, если совершение соответствующих действий возложено именно на него. Исходя из этого часть 2 статьи 24 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» закрепляет правило, согласно которому иностранные граждане (лица без гражданства), не поставленные на миграционный учет по месту пребывания, не подлежат ответственности за нарушение правил миграционного учета, кроме случаев, когда иностранный гражданин (лицо без гражданства) обязан сам сообщить сведения о месте своего пребывания. Данное законоположение, направленное на избежание несправедливого привлечения иностранных граждан (лиц без гражданства) к ответственности за нарушение законодательства о миграционном учете, тем не менее — принимая во внимание сочетание нормативно закрепленных обязанностей иностранного гражданина (лица без гражданства) и принимающей стороны — не дает однозначного ответа на вопрос, несет ли иностранный гражданин (лицо

без гражданства) ответственность за нарушение правил миграционного учета, если принимающая сторона представила в орган миграционного учета уведомление о его прибытии в место пребывания и он на миграционный учет был поставлен, но фактически проживает в ином месте, нежели указанное в уведомлении.

Возложение в таких случаях ответственности исключительно на принимающую сторону не отвечало бы принципу справедливости, поскольку несоответствие между адресом места пребывания и местом фактического проживания иностранного гражданина (лица без гражданства) может быть обусловлено не действиями (бездействием) самой принимающей стороны, а поведением приглашенного ею лица, не проинформировавшего ее об изменении адреса, по которому он решил проживать, создавало бы дополнительные возможности для злоупотреблений со стороны иностранного гражданина (лица без гражданства), намеренного избежать контроля уполномоченных органов, и затрудняло бы адекватное реагирование публичной власти на его поведение.

Возложение в тех же случаях ответственности на иностранного гражданина (лицо без гражданства) также может привести к нарушению указанного принципа, поскольку его возможности контролировать действия принимающей стороны по надлежащему обеспечению миграционного учета весьма ограничены. При этом действующее нормативное регулирование не предполагает при применении к иностранным гражданам и лицам без гражданства мер ответственности за нарушение режима пребывания в Российской Федерации, выразившееся в нарушении правил миграционного учета, связанном с их фактическим проживанием по иному адресу, нежели указанный принимающей стороной в качестве места пребывания, выяснение того, могли ли они – при надлежащей степени заботливости и осмотрительности – осознавать такое несоответствие.

5. В условия миграционного учета не входит обязанность иностранных граждан (лиц без гражданства) находиться лишь в том помещении, адрес которого был зафиксирован при подаче в орган миграционного учета соответствующих документов. Наличие подобного требования, отступление от которого рассматривалось бы как несоблюдение правил миграционного учета, влекущее соответствующие меры ответственности, связало бы их пребывание в России чрезмерно жесткими ограничениями, недопустимыми в правовом демократическом государстве, и допускало бы не отвечающее целям защиты конституционных ценностей ограничение свободы передвижения, сопряженное с риском непредсказуемого, избирательного и произвольного применения мер государственного принуждения.

Вместе с тем Российская Федерация вправе определять в законе значимые правовые условия присутствия иностранных граждан и лиц без гражданства на своей территории, соблюдение которых является подтверждением их законного нахождения на территории России. К их числу относится наличие у иностранного гражданина (лица без гражданства), постоянно или длительное время (свыше трех лет) проживающего в России, жилья на законных основаниях, – в противном случае, как следует из подпункта 9 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», ему может быть отказано в выдаче вида на жительство, а уже имеющийся у него вид на жительство может быть аннулирован. Однако это требование не входит в режим временного пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) в Российской Федерации, как он определен статьей 5 названного Федерального закона.

В силу объективных обстоятельств место пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), который находится в Российской Федера-

ции по приглашению принимающей стороны и при этом не имеет здесь своего жилища, определяется, как правило, принимающей стороной, какой согласно пункту 7 части 1 статьи 2 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» может быть юридическое лицо, российский гражданин или постоянно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин и другие субъекты, у которых он фактически проживает или осуществляет трудовую деятельность (находится). При этом предполагается, что принимающая сторона, представляющая в орган миграционного учета необходимые сведения, включая адрес места временного пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), не только выражает по установленной форме согласие на его временное пребывание в Российской Федерации на законных основаниях (что следует, в частности, из части 8 статьи 22 названного Федерального закона), но и берет на себя ответственность за его размещение в месте пребывания, если по условиям приглашения она взяла на себя соответствующее обязательство.

В случаях, когда местом временного пребывания является определенное принимающей стороной жилое помещение, нахождение в нем иностранного гражданина (лица без гражданства) не означает приобретение им самостоятельного права пользования этим жилым помещением, что не расходится с вытекающими из Конституции Российской Федерации гарантиями защиты жилищных прав – в той мере, в какой они по своей природе применимы к иностранным гражданам и лицам без гражданства, временно пребывающим в Российской Федерации. Соответственно, размещение принимающей стороной иностранного гражданина (лица без гражданства) в жилом помещении в качестве места пребывания не обязывает ее к формальному закреплению правовых оснований, по которым согласно российскому гражданскому и жилищному законодательству возникает субъективное право пользования этим жилым помещением.

Более того, в положениях Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» не прослеживается однозначная нормативная привязка места пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) к помещению, которое используется им именно для проживания.

5.1. Определяя содержание миграционного учета, Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» различает регистрацию по месту жительства и учет по месту пребывания, который представляет собой фиксацию сведений не о проживании, но о нахождении в месте пребывания (пункт 6 части 1 статьи 2 и пункт 1 части 4 статьи 4), основанием для учета по которому, как следует из части 1 его статьи 21, служит, если иное не установлено законом, временное фактическое нахождение иностранного гражданина (лица без гражданства) в месте, не являющемся для него местом жительства, и даже отсутствие у него места жительства как такового. При этом для целей Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» место пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) в Российской Федерации определяется пунктом 4 части 1 его статьи 2, действующим в редакции Федерального закона от 20 марта 2011 года № 42-ФЗ, как жилое помещение, не являющееся местом жительства, а также иное помещение, учреждение или организация, в которых иностранный гражданин (лицо без гражданства) находится и (или) по адресу которых он подлежит постановке на учет по месту пребывания в порядке, установленном данным Федеральным законом (тогда как в ранее действовавшей редакции место пребывания иностранного гражданина или

лица без гражданства в Российской Федерации определялось как жилое помещение или иное помещение (здание, строение), не являющиеся в соответствии с данным Федеральным законом местом жительства иностранного гражданина (лица без гражданства) и используемые им с согласия принимающей стороны для проживания).

Следовательно, в настоящее время понятие места пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации содержит указание на его связь как с жилым помещением, так и с иным помещением, а также с учреждением или организацией, которые перечислены в пункте 7 части 1 статьи 2 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в качестве принимающей стороны и у которых иностранный гражданин или лицо без гражданства фактически проживает или осуществляет трудовую деятельность (находится). Такое регулирование не исключает вывода о том, что место пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) не приравнивается к месту (адресу) его проживания, а значит, допускается его учет по месту пребывания и в иных местах, где он осуществляет трудовую деятельность (находится), т. е. в этой трактовке учет иностранных граждан (лиц без гражданства) по месту пребывания напрямую не связан — в отличие от регистрации по месту жительства (и по месту временного пребывания) российских граждан и постоянно или временно проживающих в России иностранных граждан — исключительно с местом проживания.

5.2. Используя в пункте 4 части 1 статьи 2 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» формулировку «иное помещение, учреждение или организация, в которых иностранный гражданин или лицо без гражданства находится и (или) по адресу которых иностранный гражданин или лицо без гражданства подлежит постановке на учет по месту пребывания в порядке, установленном данным Федеральным законом», федеральный законодатель далее не поясняет, что означает термин «находится» — является ли он применительно к пункту 7 части 1 той же статьи лишь пояснительным уточнением к понятиям «проживание» и «осуществление трудовой деятельности» либо имеет самостоятельное содержание, подразумевающее не только трудовые, но и иные правовые отношения, предполагающие необходимость достаточно регулярного «нахождения» лица по конкретному адресу. Не позволяют эти законоположения однозначно ответить и на вопрос, допустима ли постановка временно пребывающих в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учет не по месту (адресу) их фактического проживания, когда таковое имеется.

Как отмечается в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2016 года № 2538-О, постановка иностранного гражданина на учет по месту пребывания, являющемуся нежилым помещением, по смыслу ряда положений Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», допускается в том числе в случае, если принимающей стороной выступает юридическое лицо, у которого иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность. Вопрос же о том, распространяется ли такая возможность на иные, помимо трудовых, отношения, а также на случаи, когда иностранный гражданин (лицо без гражданства) осуществляет трудовую деятельность по месту нахождения принимающей стороны, а проживает в другом (жилом) помещении, предоставленном ему принимающей стороной, либо когда помещение, указанное при осуществлении миграционного учета в качестве места пребывания иностранного гражданина (лица

без гражданства), является по своему правовому режиму жилым, хотя проживает он в другом жилом помещении, остается открытым.

При этом необходимо учитывать, что в силу пункта 5 статьи 5, статей 13² и 13⁵ Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранный гражданин (лицо без гражданства), временно пребывающий в Российской Федерации на основании визы, может осуществлять трудовую деятельность в Российской Федерации при выдаче ему разрешения на работу либо по ходатайству работодателя или заказчика работ (услуг) о его привлечении к трудовой деятельности в качестве высококвалифицированного специалиста, либо при его направлении иностранной коммерческой организацией для осуществления трудовой деятельности в ее дочерних организациях, филиалах и представительствах на территории Российской Федерации. Иным категориям иностранных граждан (лиц без гражданства), временно пребывающих в Российской Федерации на основании предоставленных им виз, в частности направленных для работы в России иностранными некоммерческими организациями (религиозными организациями, фондами, учреждениями и т. д.) и не являющихся высококвалифицированными специалистами, разрешение на работу в Российской Федерации не может быть выдано ввиду отсутствия для этого оснований. Следовательно, применительно к иностранным гражданам (лицам без гражданства), в отношении которых применяется правовой режим временного пребывания в Российской Федерации и которые, как правило, и подлежат миграционному учету не по месту жительства, а по месту пребывания, участие в собственно трудовых отношениях не является достаточно распространенным.

Кроме того, в российской правовой системе само по себе понятие «место пребывания» сопряжено именно с временным проживанием не по месту жительства. Содержание этого понятия применительно к иностранным гражданам (лицам без гражданства), как следует из пункта 4 части 1 статьи 2 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», расширено по сравнению с тем, как оно определено абзацем седьмым статьи 2 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» применительно к гражданам Российской Федерации, за счет включения в него помимо жилых помещений иного помещения, учреждения или организации. При этом к организациям, по адресу которых приглашенный ими иностранный гражданин (лицо без гражданства) подлежит постановке на учет по месту пребывания в порядке, установленном Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», относятся, согласно пункту 2 части 2 его статьи 20, медицинские организации, оказывающие медицинскую помощь в стационарных условиях, и организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги лицам без определенного места жительства, вынужденно используемые иностранными гражданами (лицами без гражданства) для удовлетворения основных жизненных потребностей, т. е. в качестве жилища.

Таким образом, положения части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» могут пониматься и как допускающие возможность постановки временно пребывающего в России иностранного гражданина (лица без гражданства) на миграционный учет по месту нахождения принимающей стороны — по крайней мере, учреждения, организации, если связывающие их правоотношения (притом что неясно, какие

именно, кроме трудовых) предполагают участие в деятельности этих учреждений, организации в месте их нахождения, и как обязывающие к постановке временно пребывающего в России иностранного гражданина (лица без гражданства) на миграционный учет исключительно по месту его фактического проживания, если таковое имеется.

О неопределенности приведенного нормативного регулирования, при введении которого федеральный законодатель должен был либо учесть устойчивое в российской правовой системе понимание места пребывания физического лица, либо, если применительно к миграционному учету он имел в виду иное, выразить специфику соответствующих правоотношений более четко и однозначно, свидетельствует и судебная практика (в том числе судебные акты, вынесенные по делам заявителей) истолкования понятия «место пребывания, по которому осуществляется миграционный учет».

При существующей неопределенности понятийного аппарата оценка факта проживания иностранного гражданина (лица без гражданства) по иному адресу, нежели обозначенный в данных миграционного учета как место его пребывания, с точки зрения применения мер ответственности за нарушение миграционных правил может иметь различные последствия. Если рассматривать в качестве места пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) место нахождения принимающей стороны, то его фактическое проживание вне места пребывания, указанного в данных миграционного учета, не является как таковое основанием к изменению этих данных и, следовательно, не обязывает к выполнению предписания, предусмотренного частью 2 статьи 9 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», согласно которой соответствующие данные должны сообщаться в органы миграционного учета именно в случае изменения сведений, фиксируемых при осуществлении миграционного учета. Иной подход, допускающий осуществление миграционного учета по месту пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), под которым понимается место проживания, предполагает – в случае несовпадения места фактического проживания с местом, по которому осуществлен миграционный учет, – оценку действий этого иностранного гражданина (лица без гражданства) как неправомерных, а следовательно, влекущих применение к нему мер юридической ответственности.

5.3. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, закрепленных в статьях 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, вытекает общеправовой критерий определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, без соблюдения которого невозможно ее единообразное понимание и, соответственно, применение; неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод.

При неопределенности используемого в Федеральном законе «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» понятия «место пребывания» – в контексте установленных названным Федеральным законом общей обязанности иностранного гражданина (лица без гражданства) встать на миграционный учет и конкретных обязанностей принимающей стороны по постановке его на учет по месту пребывания – иностранный гражданин (лицо без гражданства), притом что он лишен возможности осознавать противоправность своего поведения,

выражающегося в проживании в ином, нежели документально зафиксированное при его миграционном учете, помещении, подвергается риску быть привлеченным к юридической ответственности.

Принимая во внимание, что миграционный учет носит, по существу, уведомительный характер, обязанность встать на миграционный учет может быть исполнена иностранным гражданином (лицом без гражданства), а необходимые действия — совершены принимающей стороной: для этого требуется всего лишь оформление соответствующих документов и вступление в правоотношения с уполномоченным органом. Поэтому при добросовестности иностранного гражданина (лица без гражданства) и принимающей стороны в части соблюдения миграционных правил ненадлежащее исполнение обязанностей по миграционному учету или несовершение необходимых действий могут быть связаны не с несоразмерностью предъявляемых к ним требований, а исключительно с недостаточно ясным выражением этих требований в тексте закона. Соответственно, при таких условиях положения статей 2, 18 и 55 Конституции Российской Федерации, не допускающие в их взаимосвязи истолкование закона с ограничительными (обременяющими) последствиями для прав и свобод человека и гражданина, в том числе для права на свободу передвижения, не могут быть для правоприменителя критерием выбора одного из возможных его истолкований.

Как следует из положений пунктов 4, 6 и 7 части 1 статьи 2 и части 1 статьи 21 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», если подразумевать — в рамках имеющей место неопределенности соответствующего правового регулирования — возможность постановки на миграционный учет иностранного гражданина (лица без гражданства) по месту нахождения принимающей стороны, а не по месту его фактического проживания, то такая возможность должна быть обусловлена наличием сохраняющихся между ними правоотношений, предметом которых является участие иностранного гражданина (лица без гражданства) в деятельности принимающей стороны, влекущее необходимость нахождения по ее адресу, и которые, как правило, оформляются с принимающей стороной в соответствии с требованиями трудового или гражданского законодательства во взаимосвязи с законодательством о правовом положении иностранных граждан и фиксируются в соответствующем договоре, что не исключает для иностранного гражданина (лица без гражданства) возможность участия в деятельности принимающей стороны в рамках иных правоотношений, например если принимающая сторона является религиозной организацией.

В этом случае обеспечивается достижение перечисленных в части 1 статьи 4 названного Федерального закона целей миграционного учета, выступающего в качестве одной из форм государственного регулирования миграционных процессов, при постановке иностранного гражданина (лица без гражданства) на миграционный учет не по месту его фактического проживания. Иное, если исходить из возможности постановки иностранного гражданина (лица без гражданства) на миграционный учет по адресу принимающей стороны, с которой он в период своего пребывания в Российской Федерации не находится в правоотношениях, предполагающих его фактическое нахождение по соответствующему адресу, не отвечало бы целям миграционного учета, а указанный в документах миграционного учета адрес утрачивал бы практическое значение.

6. В случаях, когда толкование правовой нормы официальными актами государственных, в том числе судебных, органов не устраняет — вследствие наличия различных вариантов ее интерпретации — неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов применим для установления прав и обязанностей участников соответствующих

правоотношений, необходимо исходить из конституционных принципов равенства и справедливости, а также требования формальной определенности норм, с тем чтобы избежать нарушения основных начал правового регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Если взаимоисключающие подходы к толкованию одной и той же нормы, обусловленные в том числе различным ее пониманием в сопоставлении с другими нормами, оказываются не лишенными юридического обоснования в рамках приемлемой с конституционной точки зрения модели правового регулирования соответствующих отношений, уяснить подлинное содержание такой нормы даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам удастся не всегда. В подобной ситуации наиболее корректным, а иногда и единственно возможным способом выявления отвечающего намерениям законодателя истинного смысла введенного им правового регулирования является – в силу принципа разделения властей (статья 10 Конституции Российской Федерации) – законодательное уточнение содержания нормативных предписаний, неясность (неоднозначность) которых, не устранимая средствами толкования, создает серьезные затруднения в процессе их применения, а самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, порождающего возможность ее произвольного толкования правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в постановлениях от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 23 декабря 2013 года № 29-П, от 2 июня 2015 года № 12-П и от 25 июня 2015 года № 17-П, полностью распространяются на правовое регулирование вопросов, связанных с постановкой иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учет по месту пребывания в Российской Федерации. В то же время, поскольку в системе действующего правового регулирования миграционный учет является, по общему правилу, необходимым условием нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства и во избежание нарушения как прав указанных лиц, так и интересов общества и государства, охраняемых средствами миграционного учета, Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным установить временный – до внесения в законодательство о миграционном учете необходимых изменений, вытекающих из настоящего Постановления, – порядок применения соответствующих законоположений.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 27 (часть 1), 55 (часть 3) и 62 (часть 3), в той мере, в какой – во взаимосвязи с другими положениями данного Федерального закона – они содержат неопределенность как в вопросе о том, допустима ли и в каком случае в отношении иностранного гражданина (лица без гражданства), временно пребывающего в Российской Федерации, постановка его на учет по месту пребывания по месту нахожде-

ния (адресу) принимающей стороны, так и в вопросе о том, каким образом соотносятся обязанности в сфере миграционного учета временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина (лица без гражданства) и принимающей стороны в части обеспечения постановки его на учет именно по месту (адресу), по которому он должен быть в соответствии с установленным порядком поставлен на учет по месту пребывания, при том что нарушение установленного порядка может повлечь привлечение иностранного гражданина (лица без гражданства) к юридической ответственности.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, – незамедлительно принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

3. Впредь до внесения в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления:

при решении вопроса о выборе места постановки иностранного гражданина (лица без гражданства) на учет по месту пребывания, равно как и при оценке наличия в его действиях признаков нарушения режима пребывания (проживания) в Российской Федерации положения части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 названного Федерального закона не могут рассматриваться как обязывающие временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина (лица без гражданства), поставленного на миграционный учет по месту нахождения (адресу) пригласившей его организации (принимающей стороны), правовая связь с которой, основанная на положениях законодательства Российской Федерации, в период пребывания в Российской Федерации им не утрачивается, вставать на миграционный учет по месту нахождения (адресу) жилого помещения, которое ему предоставила принимающая сторона и в котором он временно проживает;

во всех иных случаях иностранные граждане и лица без гражданства должны, если в названном Федеральном законе прямо не указаны иные правила миграционного учета, вставать на учет по месту пребывания в месте их фактического проживания.

4. Правоприменительные решения по делам граждан США Вордена Нэ-фэноила Джозефа и Олдхэма Паркера Дрэйка, основанные на положениях части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в той мере, в какой эти положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке в соответствии с критериями, определенными настоящим Постановлением.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

6 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 23-П

по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. К. Костяшкина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р. К. Костяшкина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л. О. Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с пунктом 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной второй процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки (абзац первый).

В силу положения пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации суд вправе уменьшить неустойку, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства.

1.1. Ковровским городским судом Владимирской области 3 июля 1997 года был выдан судебный приказ о взыскании алиментов с гражданина Р. К. Костяшкина на несовершеннолетнего ребенка А. Р. Костяшкина в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка ежемесячно, начиная с 27 июня 1997 года до его совершеннолетия.

В связи с ненадлежащим исполнением Р. К. Костяшкиным возложенной на него указанным постановлением суда обязанности (задолженность по уплате алиментов составила 216 764,79 руб.) достигший совершеннолетия А. Р. Костяшкин обратился в суд с требованием к Р. К. Костяшкину о

взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов в размере 3 242 535,18 руб.

Решением мирового судьи судебного участка № 9 города Коврова и Ковровского района Владимирской области от 26 июля 2016 года в удовлетворении указанных требований было отказано, поскольку на основании решения Ковровского городского суда Владимирской области от 8 августа 2014 года из актовой записи о рождении ребенка были исключены сведения об отцовстве Р. К. Костяшкина в отношении А. Р. Костяшкина.

Апелляционным определением Ковровского городского суда Владимирской области от 21 ноября 2016 года указанное решение отменено и вынесено новое решение, которым искивые требования к Р. К. Костяшкину были удовлетворены и с него была взыскана неустойка за несвоевременную уплату алиментов в размере 3 242 535,18 руб. При этом суд апелляционной инстанции, руководствуясь разъяснением Президиума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 мая 2015 года), исходил из того, что решение о взыскании алиментов должно было исполняться лицом, обязанным уплачивать алименты, надлежащим образом до вступления в силу решения суда об исключении его отцовства в отношении ребенка.

Кроме того, суд апелляционной инстанции со ссылкой на Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2012 года (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 декабря 2012 года) указал, что особенности алиментных обязательств исключают возможность применения статьи 333 ГК Российской Федерации к возникающей в соответствии с пунктом 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации ответственности должника за ненадлежащее исполнение обязанности по уплате алиментов и, соответственно, уменьшение размера данной неустойки не допускается.

По мнению гражданина Р. К. Костяшкина, оспариваемые им положения пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации противоречат статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они исключают право суда при рассмотрении конкретного спора уменьшить размер неустойки, начисленной за просрочку уплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, если она явно несоразмерна последствиям нарушения данного обязательства, что в совокупности с тяжелым материальным положением должника приводит к нарушению баланса прав и законных интересов всех несовершеннолетних детей должника, находящихся на его иждивении.

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобам граждан конституционность законоположений, примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Соответственно, положения пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании этих положений решается вопрос о возможности уменьшения неустойки, подлежащей уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда.

2. Согласно Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 38, часть 2).

Данному конституционному предписанию, служащему основой правоотношений, содержание которых составляют родительские обязанности и коррелирующие им права детей, и предполагающему, что ущемление прав ребенка несовместимо с самой природой этих отношений, корреспондируют положения международно-правовых актов, являющихся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации.

Так, согласно принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года Декларации прав ребенка наилучшее обеспечение интересов ребенка должно быть руководящим принципом для тех, на ком лежит ответственность за его образование и обучение, прежде всего для его родителей (принцип 7). Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года, также возлагает основную ответственность за воспитание и развитие ребенка на родителей, предметом главной заботы которых должно быть наилучшее обеспечение его интересов (статья 18).

Осуществляя в порядке конкретизации предписания статьи 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации и приведенных положений международно-правовых актов свои дискреционные полномочия, федеральный законодатель закрепил в Семейном кодексе Российской Федерации в числе принципов регулирования семейных отношений заботу о благосостоянии и развитии детей, обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (статья 1). На основе этих принципов в Семейном кодексе Российской Федерации определяются права и обязанности родителей и детей, в том числе имущественные, включая право ребенка на получение содержания от своих родителей и обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей, которая, как правило, реализуется родителями добровольно (статьи 60 и 80).

3. В случае если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям, средства на содержание несовершеннолетних детей (алименты) согласно Семейному кодексу Российской Федерации взыскиваются с родителей в судебном порядке (пункт 2 статьи 80); при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей – одной трети, на трех и более детей – половины заработка и (или) иного дохода родителей (пункт 1 статьи 81); суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях (в соответствии со статьей 81 данного Кодекса) и в твердой денежной сумме (пункт 1 статьи 83).

При этом в установленном Семейным кодексом Российской Федерации правовом механизме взыскания с родителей алиментов на несовершеннолетних детей в судебном порядке содержится требование о необходимости учета судом материального и семейного положения сторон алиментного обязательства и других заслуживающих внимания обстоятельств. Так, при определении размера алиментов, взыскиваемых с родителя на несовершеннолетних детей (пункт 2 статьи 81, пункт 2 статьи 83), изменении размера

алиментов либо освобождению от их уплаты (пункт 1 статьи 119) суд принимает во внимание материальное и семейное положение сторон, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства или интересы сторон (например, нетрудоспособность членов семьи, которым по закону сторона обязана доставлять содержание, наступление инвалидности либо наличие заболевания, препятствующего продолжению прежней работы, поступление ребенка на работу либо занятие им предпринимательской деятельностью); суд также вправе по иску лица, обязанного уплачивать алименты, освободить его полностью или частично от уплаты задолженности по алиментам, если установит, что неуплата алиментов имела место в связи с болезнью этого лица или по другим уважительным причинам и его материальное и семейное положение не дает возможности погасить образовавшуюся задолженность по алиментам (пункт 2 статьи 114).

Подобный подход, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 29 сентября 2016 года № 2091-О, направлен на максимально возможное сохранение ребенку прежнего уровня его обеспечения при условии соблюдения баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей в рамках алиментных отношений.

4. Поскольку взыскание алиментов на ребенка является одним из способов реализации конституционных положений о защите детства (статья 7, часть 2; статья 38 Конституции Российской Федерации) и имеет особое социальное значение, Российская Федерация как правовое и социальное государство обязана гарантировать адекватную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей, для которых регулярное получение указанных платежей может стать одним из основных источников средств к существованию, что предполагает установление эффективных правовых механизмов, посредством которых – в соответствии с закрепленными Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о правах ребенка принципами справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности, гарантированности и защиты прав и интересов нуждающихся в материальной поддержке граждан со стороны членов их семьи – обеспечивалось бы сохранение уровня жизнеобеспечения получателя алиментов – несовершеннолетнего ребенка (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 года № 841-О-О, от 5 июля 2011 года № 953-О-О и от 6 июня 2016 года № 1417-О).

С целью установления гарантий осуществления прав несовершеннолетних детей на получение содержания федеральным законодателем предусмотрена развернутая система мер государственного принуждения в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по содержанию несовершеннолетних детей, включающая привлечение к уголовной (часть первая статьи 157 УК Российской Федерации) и административной (статья 5.35¹ КоАП Российской Федерации) ответственности, а также возможность временного ограничения в соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» выезда должника из Российской Федерации (часть 1 статьи 67) и пользования им специальным правом (часть 1 статьи 67¹). Кроме того, за нарушение алиментных обязательств законодательством установлены меры семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав (статья 69 Семейного кодекса Российской Федерации) и имущественной ответственности за несвоевременную уплату алиментов (статья 115 Семейного кодекса Российской Федерации).

В частности, несвоевременная уплата алиментов влечет за собой в том числе меры гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков и уплаты законной зачетной неустойки. Ее размер установлен пунктом 2

статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, виновное лицо уплачивает получателю алиментов неустойку в размере одной второй процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки (абзац первый).

Названная норма, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, направлена на обеспечение своевременного исполнения обязанностей по уплате алиментов (определения от 20 ноября 2014 года № 2596-О и № 2597-О, от 29 января 2015 года № 109-О, от 23 июня 2015 года № 1389-О и от 28 января 2016 года № 166-О) и, будучи частью правового механизма принудительного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей, призвана гарантировать защиту их прав и законных интересов посредством стимулирования плательщиков алиментов добровольно исполнять обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей, избегать образования задолженности по исполнению алиментных обязательств, не допуская ситуаций экономического обесценивания задержанных должниками алиментных выплат.

5. В соответствии с пунктом 1 статьи 330 ГК Российской Федерации неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку (пункт 1 статьи 333 ГК Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений отмечал, что неустойка как способ обеспечения исполнения обязательств и мера имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, по смыслу статей 12, 330, 332 и 394 ГК Российской Федерации, стимулирует своевременное исполнение обязательств, позволяя значительно снизить вероятность нарушения прав кредитора, предупредить нарушение (определения от 17 июля 2014 года № 1723-О, от 24 марта 2015 года № 579-О и от 23 июня 2016 года № 1376-О).

Неоднократно обращаясь к вопросу уменьшения судом размера подлежащей взысканию неустойки в связи с ненадлежащим исполнением обязательств в соответствии со статьей 333 ГК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам.

Положение пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации, закрепляющее право суда уменьшить размер подлежащей взысканию неустойки, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, по существу, предписывает суду устанавливать баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и размером действительного ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2012 года № 185-О-О, от 22 января 2014 года № 219-О, от 24 ноября 2016 года № 2447-О, от 28 февраля 2017 года № 431-О и др.).

Требование о снижении размера неустойки, являясь производным от основного требования о взыскании неустойки, неразрывно связано с последним и позволяет суду при рассмотрении дела по существу оценить одновременно и обоснованность размера заявленной к взысканию неустойки, т. е. ее соразмерность последствиям нарушения обязательства, что, по сути, направлено на реализацию действия общеправовых принципов справедливости и соразмерности, а также обеспечение баланса имущественных прав участников правоотношений при вынесении судебного решения и со-

гласуется с положением статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2016 года № 2447-О и от 28 февраля 2017 года № 431-О).

6. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации семейное законодательство устанавливает порядок осуществления и защиты семейных прав, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными) (статья 2). К названным в статье 2 данного Кодекса имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (статья 4).

При этом в силу пункта 1 статьи 7 Семейного кодекса Российской Федерации граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений (семейными правами), в том числе правом на защиту этих прав, если иное не установлено данным Кодексом; осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан.

Соответственно, положение пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации, предусматривающее ответственность за несвоевременную уплату алиментов в форме законной неустойки, равно как и положение пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации, позволяющее суду при разрешении судебного спора уменьшить неустойку, явно несоразмерную последствиям нарушения обязательства, — исходя из цели обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментных правоотношений, лежащего в основе правового регулирования принудительного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей, — не исключают обязанности суда оценить обоснованность размера заявленной к взысканию неустойки, т. е. фактически ее соразмерность задолженности алиментнообязанного лица, в том числе с учетом исключительных обстоятельств, затрагивающих права и законные интересы других членов семьи (включая оценку реальных доходов алиментнообязанного лица в период образования задолженности, поскольку именно реальными доходами определяются материальные возможности такого лица по осуществлению принадлежащих ему прав и исполнению возложенных на него обязанностей, среди которых содержание самого себя и других членов своей семьи, находящихся на его иждивении).

7. Между тем сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды общей юрисдикции при разрешении вопросов о возможности уменьшения судом неустойки за несвоевременную уплату алиментов в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения алиментных обязательств на основании положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации исходят из того, что указанные законоположения не предполагают право суда уменьшить неустойку, подлежащую уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, что не в полной мере отвечает конституционным требованиям обеспечения поддержания баланса интересов не только тех сторон алиментных правоотношений, обязательство по содержанию которых установлено по решению суда, но и других участников семейных правоотношений (несовершеннолетних, нуждающихся, нетрудоспособных), кото-

рые также имеют право на получение содержания от должника, и, следовательно, ослабляет гарантии защиты их конституционных прав и свобод, а потому может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона.

Как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, на иждивении заявителя, имеющего алиментные обязательства в отношении достигшего совершеннолетия А. Р. Костяшкина (1996 года рождения), находятся трое несовершеннолетних детей (2000, 2008 и 2015 года рождения), чьи права и законные интересы могут быть затронуты юридически значимыми действиями, связанными с исполнением судебного решения о взыскании законной неустойки в пользу А. Р. Костяшкина в размере, исчисленном судом без учета положения пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации, поскольку уровень материальных возможностей заявителя по содержанию других членов его семьи и сам факт их наличия, с учетом его подтвержденных доходов, также не учитывались судом при рассмотрении данного спора.

8. Таким образом, положения пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации, направленные на реализацию действия общеправовых принципов справедливости и соразмерности, а также стабильности, гарантированности и защиты прав и интересов нуждающихся в материальной поддержке граждан, обеспечение баланса имущественных прав участников правоотношений при вынесении судебного решения, согласуются с конституционным принципом недопустимости такого осуществления прав и свобод человека и гражданина, которым нарушаются права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою силу, не дают оснований для вывода об отсутствии у суда права при наличии заслуживающих внимания обстоятельств разрешать вопрос о возможности уменьшения неустойки, подлежащей уплате при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, в случае ее явной несоразмерности имеющейся задолженности.

Иное понимание данных законоположений означало бы не только отступление от вытекающего из статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требования, конкретизированного в статье 7 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которому осуществление членами семьи своих прав и исполнение ими своих обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан, но и приводило бы к снижению гарантий государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленных статьей 38 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и противоречило бы общепризнанным принципам и нормам международного права, являющимся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации не противоре-

чащими Конституции Российской Федерации, поскольку эти положения — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не препятствуют суду при наличии заслуживающих внимания обстоятельств уменьшить неустойку при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты по решению суда, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алиментов.

2. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционно-правовой смысл положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Судебные акты по делу гражданина Костяшкина Романа Константиновича, вынесенные на основании пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

17 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 24-П

по делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, с участием представителей гражданина Д. А. Абрамова – адвокатов А. А. Нестерова и И. А. Фаст, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева, С. Н. Долгунова, Е. А. Казаченко, В. П. Печкова, М. П. Рыбакова и Л. В. Смирновой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. М. Данилова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра судебных постановлений по правилам его главы 42 «Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, всту-

пивших в законную силу», относится определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

1.1. Названное законоположение применено судами в деле гражданки Л. В. Смирновой, в интересах которой прокурором города Вологды был подан иск к государственному учреждению «Вологодское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации» о возложении обязанности предоставить путевку для санаторно-курортного лечения. Иск был удовлетворен решением Вологодского городского суда Вологодской области от 27 октября 2014 года со ссылкой на положения Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», оставленным без изменения судом апелляционной инстанции. Кассационная жалоба, поданная ответчиком и затем отозванная, была возвращена ему судом без рассмотрения по существу.

В августе 2015 года государственное учреждение «Вологодское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации» обратилось в Вологодский городской суд Вологодской области с заявлением о пересмотре данного решения по новым обстоятельствам в связи с изменением Верховным Судом Российской Федерации практики применения Федерального закона «О государственной социальной помощи».

Вологодский городской суд Вологодской области, признав новым обстоятельством позиции высших судов Российской Федерации, касающиеся применения Федерального закона «О государственной социальной помощи» и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актов во взаимосвязи с другими положениями федерального законодательства (выражены в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июля 2015 года по делам № 2-КГ15-5 и № 2-КГ15-6), определением от 7 сентября 2015 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, отменил свое решение от 27 октября 2014 года и возобновил производство по делу.

При новом рассмотрении дела Вологодский городской суд Вологодской области отказал в удовлетворении исковых требований прокурора города Вологды в интересах Л. В. Смирновой (решение от 9 ноября 2015 года, оставлено без изменения судом апелляционной инстанции).

1.2. Схожие обстоятельства применения пункта 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации имели место и при рассмотрении Рудничным районным судом города Прокопьевска Кемеровской области гражданских дел по искам других заявителей по настоящему делу к государственному учреждению «Кузбасское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации».

Так, в пользу Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и С. Н. Долгунова решениями данного суда от 18 марта 2015 года, от 18 сентября 2015 года и от 3 февраля 2015 года соответственно, оставленными без изменения судом апелляционной инстанции, были взысканы суммы индексации несвоевременно выплаченных страховых платежей. Однако в 2016 году определениями того же суда, также оставленными без изменения судом апелляционной инстанции, эти решения были отменены в связи с новым обстоятельством, в качестве которого суды указали правовую позицию о недопустимости индексации указанных сумм на день исполнения решения, выраженную в

определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2016 года по делу № 81-КГ16-3.

Д. А. Абрамову кассационная жалоба на определение суда первой инстанции об отмене его решения от 18 марта 2015 года возвращена без рассмотрения (письмо судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2017 года). В. А. Ветлугаеву при новом рассмотрении дела решением от 3 ноября 2016 года в удовлетворении иска отказано, произведен поворот исполнения решения от 18 сентября 2015 года. Какие-либо сведения об обжаловании С. Н. Долгуновым в Верховный Суд Российской Федерации определения суда первой инстанции об отмене его решения от 3 февраля 2015 года не представлены, на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации данная информация также отсутствует.

По иску Е. А. Казаченко, поданному в интересах двух ее несовершеннолетних детей, решением суда первой инстанции от 12 марта 2015 года (оставлено без изменения судом апелляционной инстанции) были взысканы суммы индексации страховых платежей на содержание иждивенцев в связи со смертью застрахованного лица, несвоевременно выплаченных ответчиком. Определением того же суда от 25 августа 2016 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, данное решение отменено по новым обстоятельствам. Таким обстоятельством судьи признали выраженную в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2016 года по делу № 81-КГ16-3 правовую позицию. Определением судьи Кемеровского областного суда от 29 декабря 2016 года кассационная жалоба Е. А. Казаченко возвращена без рассмотрения. Иными сведениями об обжаловании ею вынесенных по делу судебных постановлений Конституционный Суд Российской Федерации не располагает.

Решение суда первой инстанции от 29 октября 2015 года (оставлено без изменения судом апелляционной инстанции), которым в пользу В. П. Печкова была взыскана пеня за задержку выплаты страховых сумм, определением того же суда от 17 мая 2016 года (также оставлено без изменения судом апелляционной инстанции) было отменено в связи с новым обстоятельством – определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2016 года по делу № 78-КГ15-47. В передаче кассационных жалоб истца для рассмотрения в судебных заседаниях судов кассационной инстанции, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, отказано. При новом рассмотрении дела решением от 8 сентября 2016 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, В. П. Печкову отказано в удовлетворении исковых требований и произведен поворот исполнения решения от 29 октября 2015 года.

По иску М. П. Рыбакова решением суда первой инстанции от 20 октября 2015 года также была взыскана пеня за несвоевременную выплату страховых сумм. Определением суда апелляционной инстанции от 4 февраля 2016 года размер пени снижен, в остальной части данное решение оставлено без изменения, а апелляционным определением от 16 июня 2016 года – отменено по новым обстоятельствам (в связи с правовой позицией, выраженной в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2016 года по делу № 78-КГ15-47) и осуществлен поворот исполнения определения от 4 февраля 2016 года. В передаче кассационных жалоб М. П. Рыбакова для рассмотрения в судебных заседаниях судов кассационной инстанции, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, отказано.

1.3. Нарушение пунктом 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 1, 2, 4, 7, 10, 11, 15, 17–21,

32, 33, 45–48, 50, 52–55, 110, 114, 118, 120, 123, 125, 126 и 128 Конституции Российской Федерации, заявители усматривают в том, что содержащееся в нем положение допускает в правоприменительной практике возможность произвольного истолкования и применения вопреки его конституционно-правовому смыслу, позволяя признавать в качестве нового обстоятельства как основания для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления изменение практики применения правовой нормы, нашедшее отражение в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном в порядке кассационного производства по делу с участием других лиц и содержащем толкование норм права, отличное от их толкования, данного в судебном постановлении, о пересмотре которого ходатайствует заинтересованное лицо.

Соответственно, с учетом требований статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании суд первой инстанции решает вопрос о пересмотре вынесенного им по конкретному делу судебного постановления, вступившего в законную силу, в связи с новыми обстоятельствами, признавая в качестве таковых определение (изменение) практики применения правовой нормы, выраженное в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, которое вынесено по результатам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 46, части 1 и 2); судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (статья 118, часть 2); полномочия, порядок образования и деятельности всех федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом (статья 128, часть 3); при осуществлении правосудия судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1).

Право на судебную защиту относится, по смыслу статей 15 (часть 4), 17 и 18 Конституции Российской Федерации, к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и вместе с тем выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права как составной части ее правовой системы и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Необходимой составляющей данного права и одновременно гарантией независимости и беспристрастности суда является право на законный суд, закрепленное статьей 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Из названных конституционных предписаний, которым корреспондируют положения международных договоров Российской Федерации, прежде всего Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно статье 6 которой каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, следует, что рассмотрение дел должно осуществляться с соблюдением

определенного на основании Конституции Российской Федерации порядка судопроизводства законно установленным, а не произвольно выбранным, компетентным, т. е. обладающим соответствующими полномочиями по рассмотрению конкретного дела в силу установленных законом правил подведомственности и подсудности, судом, действующим при осуществлении правосудия самостоятельно, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, подсудность дел предполагает установление законом разграничения как предметной компетенции, в том числе между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, так и в рамках каждого вида юрисдикции – для определения конкретного суда, уполномоченного рассматривать данное дело; в таком законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело, что позволило бы суду (судье), сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в данном вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством правоприменительного решения, т. е. исходя из дискреционного полномочия правоприменительного органа или должностного лица, и тем самым определять подсудность дела не на основании закона; несоблюдение установленной федеральным законодателем подсудности дел нарушает конституционное предписание о законном суде, а через это – и само право на судебную защиту; рассмотрение дела вопреки правилам о подсудности не отвечает требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение данного конкретного дела, по смыслу статей 46 и 47 Конституции Российской Федерации, не является законным судом, принятые же в результате такого рассмотрения судебные акты не могут признаваться реально обеспечивающими права и свободы (постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 21 января 2010 года № 1-П; определения от 11 июля 2006 года № 262-О, от 15 января 2009 года № 144-О-П и др.).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, раскрывающие содержание конституционного права на судебную защиту, относятся к определению и компетентного суда, и характера судебной инстанции, и подлежащей применению процедуры пересмотра судебного акта, которые устанавливаются законом и не могут быть произвольно изменены решением правоприменительного органа, в том числе самим судом. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что, поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод предусматривается и обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласовывалось бы с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляло бы и ограничивало данное право; при этом институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать возможность затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства и тем самым обеспечивать справедливость судебных решений и вместе с тем – их правовую определенность, включая признание законной силы и неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 19 марта 2010 года № 7-П и др.).

3. Конституция Российской Федерации непосредственно не закрепляет порядок судебной проверки судебных актов по жалобам заинтересованных лиц. Такой порядок, исходя из статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, определяется федеральным законодателем, пределы усмотрения которого при установлении системы судебных инстанций, последовательности и процедур обжалования, оснований для отмены или изменения судебных актов судами вышестоящих инстанций, полномочий вышестоящих судов достаточно широки, однако в любом случае он должен опираться на конституционные цели и ценности, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные обязательства Российской Федерации. В частности, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в целях эффективного восстановления нарушенных прав и одновременно – обеспечения соблюдения принципа *res judicata* предусматривает пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений в кассационном и надзорном порядке, а также по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам осуществляется судами, принявшими такие постановления, по правилам главы 42 ГПК Российской Федерации при наличии перечисленных в его статье 392 оснований, перечень которых имеет исчерпывающий характер. Одним из таких оснований, согласно пункту 5 части четвертой данной статьи, является определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

3.1. Положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, включая ее статью 6, предполагают возможность исправления ошибочных судебных актов в качестве составляющей права на справедливое судебное разбирательство, однако лишь с учетом действия принципа правовой определенности в отношении правового статуса гражданина.

Соответственно, Европейский Суд по правам человека, исходя из общего требования о недопустимости повторного рассмотрения дела, завершившегося вынесением окончательного судебного акта, признает возможной отмену вступившего в законную силу судебного решения только в исключительных обстоятельствах: как указано в его постановлении от 28 октября 1999 года по делу «Брумареску (*Brumarescu*) против Румынии», отступление от принципа правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера. Данная правовая позиция неоднократно воспроизводилась Европейским Судом по правам человека, в том числе в постановлениях по делам против Российской Федерации (постановления от 30 октября 2010 года по делу «Давыдов против России», от 27 сентября 2016 года по делу «Мирошников против России» и др.). Вывод о том, что основанием для отмены или изменения судебного постановления нижестоящего суда не может быть единственно другая точка зрения надзорной инстанции на то, как должно быть разрешено дело, содержится и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П.

Возможность повторного рассмотрения уголовного дела, в рамках которого лицо уже было окончательно оправдано или осуждено, допускается, согласно статье 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и

основных свобод, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела. Данную норму, сформулированную применительно к уголовному судопроизводству, Европейский Суд по правам человека посредством толкования во взаимосвязи со статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод распространил и на гражданские дела, посчитав, что отступление от принципа правовой определенности в этих делах возможно для исправления существенного (фундаментального) нарушения, свидетельствующего о неадекватном отправлении правосудия (постановление от 23 июля 2009 года по делу «Сутяжник» против России).

Что касается дел о взыскании пенсий и социальных пособий, участием которых является государство в лице его уполномоченных органов, то, по мнению Европейского Суда по правам человека, если государство добилось возобновления производства по делу путем принятия нового законодательства и придания ему обратной силы, это свидетельствует о возможном нарушении права на справедливое судебное разбирательство, как оно определено взаимосвязанными положениями пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункта 2 статьи 4 Протокола № 7 к ней. Такой подход Европейский Суд по правам человека рассматривает как недопустимое использование государством своих правомочий — не сопоставимых с возможностями индивида — по изменению нормативного регулирования (или толкования) для модификации неблагоприятной для него практики рассмотрения данной категории дел: вмешательство государства должно быть соразмерно социально оправданной и законной цели, а одна только его заинтересованность в единообразном применении законов о социальном обеспечении не должна приводить к ретроспективному перерасчету присужденных денежных сумм (постановления от 18 ноября 2004 года по делу «Праведная против России», от 13 октября 2005 года по делу «Васильев против России», от 13 апреля 2006 года по делу «Сухобоков против России», от 18 января 2007 года по делу «Булгакова против России» и от 19 июля 2007 года по делу «Кондрашина против России»).

Признавая нарушение статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в делах данной категории, Европейский Суд по правам человека не отрицает возможность квалифицировать изменение толкования законодательства в качестве вновь открывшегося или нового обстоятельства, однако подчеркивает, что такое изменение не оправдывает отмену судебного решения, вынесенного в пользу заявителя. Недопустимость отмены связывается им не с характером обстоятельств, как не существовавших на момент рассмотрения дела, а с тем, что отмена судебного решения привела к ухудшению установленного этим решением положения лица.

Таким образом, отмена вышестоящим судебным органом судебного решения в связи с изменением толкования положенных в его основу норм права уже после вынесения данного решения, если она приводит к ухудшению правового положения гражданина, определенного этим судебным решением, рассматривается Европейским Судом по правам человека (вне зависимости от примененной процедуры отмены) как несовместимая с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а критерием ее правомерности признается направленность на защиту приобретенного статуса гражданина или объединения граждан как заведомо более слабой стороны в отношениях с государством; тем самым в отношении правового статуса гражданина обеспечивается действие принципа правовой определенности, который, по мнению Европейского Суда по правам человека, не может рассматриваться как препятствующий отмене вступившего в закон-

ную силу судебного решения, если она необходима для восстановления прав гражданина или улучшения его правового положения (в частности, по основаниям, которые в иных случаях признавались бы неприемлемыми), что в целом соответствует и общим принципам действия норм права во времени, включая правила придания им обратной силы.

3.2. Разрешая в Постановлении от 21 января 2010 года № 1-П вопрос о возможности пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов, вынесенных на основании правовой нормы, практика применения которой была впоследствии определена в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в том числе принятом по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора (при том что на момент принятия данного Постановления соответствующее основание процессуальным законом не было предусмотрено), в контексте распространения на такие постановления общих принципов действия правовых норм во времени, в пространстве и по кругу лиц, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам:

вытекающая из статьи 54 (часть 1) Конституции Российской Федерации недопустимость придания обратной силы нормативному регулированию посредством толкования, ухудшающего положение лица в его отношениях с государством, обусловлена, помимо прочего, требованием формальной определенности правовой нормы, которое предполагает, что участники соответствующих правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, а также приобретенных прав и обязанностей; это исключает отмену окончательных судебных актов, определяющих права физических или юридических лиц в их отношениях с государством, в частности в случаях, когда за ними признается право на получение определенных благ; во всяком случае недопустимо придание обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчиненной (слабой) стороны в публичном правоотношении.

Исходя из приведенной правовой позиции Конституционный Суд Российской Федерации признал возможным пересмотр вступивших в законную силу судебных актов на основании правовой позиции, сформулированной впоследствии в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, если это необходимо для восстановления и защиты таких прав и интересов, которые в силу их конституционно-правового значения не допускают сохранения действия судебного акта, в том числе если в результате нового толкования улучшается положение лиц, привлекаемых к налоговой, административной или иной публично-правовой ответственности, а также в исключительных случаях по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, если этого требуют публичные по своему существу интересы защиты неопределенного круга лиц или заведомо более слабой стороны в правоотношении.

В целях обеспечения единообразного применения норм права арбитражными судами Конституционный Суд Российской Федерации поручил федеральному законодателю внести изменения в арбитражное процессуальное законодательство, закрепляющие названное основание пересмотра судебных актов арбитражных судов. Выполняя это указание, федеральный законодатель, руководствуясь принципом единообразного регулирования производства по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, осуществляемого арбитражными судами и судами общей юрисдикции, внес изменения как в Арбит-

ражный процессуальный кодекс Российской Федерации, так и в статью 392 ГПК Российской Федерации, предусмотрев в пункте 5 ее части четвертой соответствующее основание.

4. Согласно статье 126 Конституции Российской Федерации Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Конституционно значимые функции Верховного Суда Российской Федерации, как это следует из Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (статьи 2, 5, 7 и др.), осуществляются им в том числе в целях поддержания единообразия в толковании и применении норм права судами, что является одним из элементов основанного на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции Российской Федерации механизма обеспечения единства и непротиворечивости российской правовой системы. Их реализация гарантируется, среди прочего, закрепленной законом возможностью проверки судебных постановлений Верховным Судом Российской Федерации в кассационном порядке и в порядке надзора, а также наличием специальной, присущей только Верховному Суду Российской Федерации компетенции по даче разъяснений по вопросам судебной практики.

Указанные функции не предполагают пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений в результате последующего определения (изменения) актом Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовых норм, на которых основаны эти судебные постановления, в качестве общего правила. В то же время, как это вытекает из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в Постановлении от 21 января 2010 года № 1-П, такое последствие осуществления Верховным Судом Российской Федерации своей компетенции по обеспечению единства судебной практики не исключается. Вопрос же о том, постановления какого именно органа Верховного Суда Российской Федерации могут повлечь такое последствие, во всяком случае – с учетом конституционной значимости принципа стабильности правового статуса лица, определенного судебным актом, – не может решаться произвольно ни при законодательном регулировании, ни при интерпретации соответствующих правовых норм.

Возможность пересмотра неопределенного числа вступивших в законную силу судебных постановлений по рассмотренным ранее делам – во избежание снижения гарантий судебной защиты, нарушения стабильности определенного судебными постановлениями правового положения субъектов права и, в конечном счете, конституционного принципа законного суда – может быть обусловлена определением (изменением) практики применения правовой нормы при условии, что оно осуществляется такими актами Верховного Суда Российской Федерации, которые обладают свойствами окончательности (т. е. не могут быть отменены или изменены в каком-либо процессуальном порядке) и принимаются входящим в его состав органом, чьи решения отражают правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации в целом.

4.1. Согласно Федеральному конституционному закону «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховный Суд Российской Федерации действует в составе Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Апелляционной коллегии

Верховного Суда Российской Федерации и ряда судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации (часть 2 статьи 3): Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации (пункт 1 части 3 статьи 5), Президиум Верховного Суда Российской Федерации в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации и в целях обеспечения единства судебной практики и законности проверяет в порядке надзора и в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившие в силу судебные акты (пункт 1 части 1 статьи 7), а судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации рассматривают в качестве суда первой инстанции и по новым или вновь открывшимся обстоятельствам дела, отнесенные к подсудности Верховного Суда Российской Федерации (пункт 1 статьи 10), в пределах своих полномочий в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации рассматривают дела в апелляционном и кассационном порядке (пункт 2 статьи 10), а также обобщают судебную практику (пункт 4 статьи 10).

Названный Федеральный конституционный закон предусматривает, что в состав Пленума Верховного Суда Российской Федерации входят Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его первый заместитель, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатели судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, а также судьи Верховного Суда Российской Федерации, а в состав Президиума Верховного Суда Российской Федерации входят Председатель Верховного Суда Российской Федерации, его заместители и судьи Верховного Суда Российской Федерации; члены Президиума Верховного Суда Российской Федерации из числа судей Верховного Суда Российской Федерации утверждаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации, основанному на предложении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, и при наличии положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации в количественном составе, определяемом Регламентом Верховного Суда Российской Федерации; заседание Президиума Верховного Суда Российской Федерации проводится по мере необходимости, но не реже одного раза в месяц и считается правомочным, если на нем присутствует большинство членов Президиума Верховного Суда Российской Федерации; постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации принимаются большинством голосов его членов, участвующих в заседании, и подписываются председательствующим в заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации (статьи 5 и 6).

Таким образом, в состав Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации входят судьи Верховного Суда Российской Федерации, осуществляющие полномочия по руководству Верховным Судом Российской Федерации, а также судьи – члены всех его судебных коллегий. Тем самым при рассмотрении Пленумом Верховного Суда Российской Федерации или Президиумом Верховного Суда Российской Федерации вопросов определения (изменения) практики применения правовых норм обеспечиваются непротиворечивые подходы в толковании действующего законодательства и как следствие – необходимый в демократическом обществе высокий уровень доверия к судебной власти. Кроме того, окончательность постановлений Президиума Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам и невозможность их пересмотра какой-либо иной судебной инстанцией закреплена законода-

тельно: так, в силу статьи 391¹⁴ ГПК Российской Федерации постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации обжалованию не подлежат.

4.2. Если постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации являются окончательными, принимаются в составе, представляющем Верховный Суд Российской Федерации в целом, и только в случаях, имеющих особое значение, в частности для формирования единообразной правоприменительной практики, то определения, выносимые судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации при пересмотре конкретных дел в кассационном порядке, указанным критериям не отвечают.

Во-первых, такие определения, если ими нарушены права, свободы и законные интересы лиц, участвующих в деле, и других лиц, могут быть по их жалобам пересмотрены в порядке надзора Президиумом Верховного Суда Российской Федерации (часть первая статьи 391¹ ГПК Российской Федерации); при этом определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации подлежит отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации установит, что оно нарушает либо права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, либо права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы, либо единообразие в толковании и применении судами норм права (статья 391⁹ ГПК Российской Федерации).

Во-вторых, согласно Федеральному конституционному закону «О Верховном Суде Российской Федерации» судебные коллегии Верховного Суда Российской Федерации формируются в составе заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателей судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации и судей этих коллегий (часть 1 статьи 9); в судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации формируются судебные составы из числа судей, входящих в состав соответствующей судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (часть 3 статьи 9). Из этого следует, что судебные акты, выносимые в таком судебном составе, в силу самого порядка его формирования не могут рассматриваться как отражающие позицию Верховного Суда Российской Федерации в целом и не обладают свойствами, присущими постановлениям Президиума Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, а потому не могут являться основанием для отмены по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов, тем более по делам, которые не были предметом рассмотрения судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Иное приводило бы, по сути, к нарушению конституционного права на судебную защиту: если бы судебный акт одной из судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по конкретному делу, в том числе вынесенный в кассационном порядке некоторым числом судей (обычно тремя), входящих в состав этой судебной коллегии, мог служить основанием для отмены нескольких (многих) судебных актов, вынесенных ранее по другим делам, не исключались бы ситуации, при которых пересмотр вступивших в законную силу и подлежащих исполнению судебных актов становился бы результатом не носящих фундаментальный характер нарушений в применении норм права. Между тем, как отмечал Европейский Суд по правам человека, полномочия вышестоящих судов по отмене окончательных и подлежащих исполнению судебных решений или по внесению в них изменений должны осуществляться в целях исправления существен-

ных ошибок (постановление от 7 июня 2007 года по делу «Довгучиц против России» и др.).

Из этого исходил и федеральный законодатель, наделяя Пленум Верховного Суда Российской Федерации полномочием по даче судам разъяснений по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации, а Президиум Верховного Суда Российской Федерации – полномочием по проверке вступивших в законную силу судебных актов в целях обеспечения единства судебной практики и законности (статьи 5 и 7 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации»). Соответственно, в пункте 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации в качестве нового обстоятельства, в связи с которым могут быть пересмотрены судебные постановления, вступившие в законную силу, называется определение (изменение) практики применения правовой нормы, зафиксированное в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации.

Не изменяет свойств судебных актов, вынесенных судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, и факт их включения в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, поскольку при решении вопроса о включении в обзор того или иного судебного акта, вынесенного судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрение самого дела в процедуре, предусмотренной процессуальным законом, не происходит.

В сложившейся судебной практике (что подтверждается и судебными постановлениями, вынесенными в отношении заявителей по настоящему делу) придание определению судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенному в кассационном порядке по другому делу, такого же правового значения, как постановлению Президиума Верховного Суда Российской Федерации, фактически приводит к выведению соответствующих процессуальных правоотношений из-под действия конституционно-правового истолкования регулирования, являвшегося предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 21 января 2010 года № 1-П, в соответствии с которым в самом акте судебной власти, определившем (изменившем) практику применения правовой нормы, должно содержаться указание на возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений, при вынесении которых правовая норма была применена судом иначе, а пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений допускается, если в результате нового толкования правовых норм не ухудшается положение подчиненной (слабой) стороны в правоотношении. Между тем это конституционно-правовое истолкование в полной мере относится к постановлениям Президиума Верховного Суда Российской Федерации или Пленума Верховного Суда Российской Федерации (что нашло отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений»), поскольку придание такого же значения с точки зрения пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся и новым обстоятельствам какому-либо иному судебному акту помимо постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации или постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не рассматривалось Кон-

ституционным Судом Российской Федерации как допустимое с конституционной точки зрения.

5. По смыслу положений Конституции Российской Федерации, ее статьи 118 (часть 2), согласно которой судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, во взаимосвязи со статьей 126, определяющей компетенцию Верховного Суда Российской Федерации, гражданское судопроизводство, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в своих принципах и основных чертах должно быть единообразным. В соответствии с этими конституционными установлениями действующее правовое регулирование института пересмотра по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных актов в судопроизводстве, осуществляемом арбитражными судами, и в судопроизводстве, осуществляемом судами общей юрисдикции, в целом идентично.

Вместе с тем вопрос о сроке, в течение которого возможна подача заявления о пересмотре вступившего в законную силу судебного акта при наличии основания, предусмотренного пунктом 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации, в суд общей юрисдикции, и о сроке подачи аналогичного заявления при наличии основания, установленного пунктом 5 части 3 статьи 311 АПК Российской Федерации, в арбитражный суд решен в процессуальном законодательстве по-разному: если частью 3 статьи 312 АПК Российской Федерации для подачи такого заявления установлен шестимесячный срок с момента вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу (при условии что исчерпана возможность для обращения в суд апелляционной и кассационной инстанций), то Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующего срока не предусматривает.

Это свидетельствует о более низком по сравнению с арбитражным процессом – вопреки закрепленному в статье 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принципу равенства всех перед законом и судом – уровне процессуальных гарантий соблюдения принципа правовой определенности и стабильности установленного судебными актами статуса лиц, чьи дела были рассмотрены судами общей юрисдикции, что не может быть оправдано спецификой этих дел.

Как показывает практика применения пункта 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации, изученная Конституционным Судом Российской Федерации при подготовке настоящего дела к слушанию, пересмотр по указанному в нем основанию вступивших в законную силу судебных постановлений в большинстве случаев осуществляется по заявлениям органов государственной власти, органов местного самоуправления или организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (их должностных лиц), и обычно завершается вынесением решений в их пользу с применением поворота исполнения ранее принятых в пользу граждан решений, в том числе решений, в отношении которых частью третьей статьи 445 ГПК Российской Федерации предусмотрен запрет поворота исполнения (по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, о взыскании вознаграждения за использование прав на результаты интеллектуальной деятельности и др.); при этом нередко судебные постановления отменяются и пересматриваются спустя значительное время после их вступления в законную силу (в частности, вынесенные в отношении заявителей по настоящему делу – по истечении трех месяцев, полугода и даже года).

Касаясь вопроса о значении принципа правовой определенности и стабильности установленных судом прав и обязанностей участников матери-

альных правоотношений, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 5 февраля 2007 года № 2-П пришел к следующим выводам: из Конституции Российской Федерации вытекает необходимость законодательного закрепления не только оснований, условий и порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, но и его сроков; отсутствие их законодательного закрепления, равно как и чрезмерно длительные или неопределенные сроки, нечеткие и неясные основания пересмотра приводили бы к нестабильности правовых отношений, произвольному изменению установленного судебными актами правового статуса их участников, создавали бы неопределенность как в спорных материальных правоотношениях, так и в возникших в связи с судебным спором процессуальных правоотношениях; закрепляя продолжительность совершения процессуальных действий и внося тем самым определенность в процессуальные правоотношения, федеральный законодатель одновременно должен обеспечить и реализацию прав участвующих в деле лиц на основе баланса между правом на справедливое судебное разбирательство, предполагающим возможность исправления повлиявших на исход дела существенных нарушений, и принципом правовой определенности.

Соблюдение принципа правовой определенности и стабильности правового положения участников материальных правоотношений должно быть обеспечено и при установлении в законе такого основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам, как определение или изменение практики применения правовой нормы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Отсутствие же в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации указания на срок, по истечении которого вопрос о пересмотре вступившего в законную силу (и зачастую исполненного) судебного постановления при изменении Верховным Судом Российской Федерации толкования примененных в конкретных делах норм права уже не может быть поставлен, влечет не ограниченную по времени вероятность отмены определившего права и обязанности участников соответствующих правоотношений судебного постановления, а значит, неопределенность их правового статуса, что недопустимо.

6. Как вытекает из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 года № 1-П, пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам вступившего в законную силу судебного акта, основанного на положениях законодательства, практика применения которых после принятия оспариваемого судебного акта определена (изменена) в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, принятом по результатам рассмотрения в порядке надзора другого дела, возможен при условии, что это необходимо для восстановления и защиты таких прав и интересов, которые в силу их конституционно-правового значения не допускают сохранения судебного акта в силе (в том числе если в результате нового толкования улучшается положение лиц, привлекаемых к налоговой, административной или иной публично-правовой ответственности, а также в исключительных случаях по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, если этого требуют – по своему существу публичные – интересы защиты неопределенного круга лиц или заведомо более слабой стороны в правоотношении), и что в таком постановлении содержится прямое указание на придание сформулированной в нем правовой позиции обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами. При этом не предполагается придание обратной

силы правовым позициям, выраженным в соответствующем постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, без учета характера спорных правоотношений и установленных для этих случаев конституционных рамок действия правовых норм с обратной силой, а также придание обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение подчиненной (слабой) стороны в публичном правоотношении.

Приведенные правовые позиции, в полной мере распространяющиеся на нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которыми регулируются сходные отношения по пересмотру по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного постановления, не были учтены в достаточной степени при принятии Федерального закона от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ, которым статья 392 ГПК Российской Федерации была изложена в новой редакции. С учетом этого в целях достижения баланса конституционно значимых ценностей и в интересах субъектов права Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», обращает внимание федерального законодателя на необходимость внесения в пункт 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации изменений, вытекающих из настоящего Постановления, с тем чтобы исключить возможность преодоления правовой определенности, окончательности и неопровержимости вступившего в законную силу судебного акта без соблюдения установленных законом особых процедурных условий его пересмотра.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в определении судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке.

2. Выявленный Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовой смысл пункта 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Федеральному законодателю надлежит – руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, а также в Постановлении от 21 января 2010 года № 1-П, – внести в гражданское процессуальное законодательство следующие изменения, касающиеся пересмотра по новым обстоятельствам вступившего в законную силу судебного постановления по основанию, указанному в пункте 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации:

предусмотреть возможность такого пересмотра только при условии, что в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или Президиума Верховного Суда Российской Федерации со-

держится прямое указание на придание сформулированной в нем правовой позиции обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами;

закрепить недопустимость придания обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение граждан в их правоотношениях (пенсионных, жилищных, по предоставлению обеспечения в порядке обязательного социального страхования и др.) с органами государственной власти, органами местного самоуправления или организациями, наделенными отдельными государственными или иными публичными полномочиями (их должностными лицами), по сравнению с тем, как оно было определено в пересматриваемом судебном постановлении;

установить процессуальный срок, в течение которого допускается пересмотр вынесенного по конкретному делу и вступившего в законную силу судебного постановления в связи с таким новым обстоятельством, как определение (изменение) практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятом по итогам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

4. Судебные постановления по делам граждан Абрамова Дмитрия Александровича, Ветлугаева Владимира Анатольевича, Долгунова Сергея Николаевича, Казаченко Елены Алексеевны, Печкова Виктора Петровича, Рыбакова Михаила Порфирьевича и Смирновой Любови Васильевны, вынесенные на основании пункта 5 части четвертой статьи 392 ГПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

26 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 25-П

по делу о проверке конституционности
пункта 5 статьи 2 Федерального закона
«Об информации, информационных
технологиях и о защите информации»
в связи с жалобой гражданина
А. И. Сушкова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А. И. Сушкова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. Д. Рудкина, объяснения представителей стороны, издавшей оспариваемый акт, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Баршевского, а также представителей: от Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации – М. Н. Харламова, от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с пунктом 5 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», раскрывающей содержание используемых в данном Федеральном законе понятий, обладателем информации является лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам.

Оспаривающий конституционность названного законоположения гражданин А. И. Сушков 3 февраля 2014 года был принят на работу в ЗАО «Стройтрансгаз» на должность заместителя начальника департамента по договорно-правовой работе, а 4 июля 2014 года в соответствии с дополнительным соглашением к трудовому договору был переведен на должность директора того же департамента. При заключении трудового договора, обязывающего работника не разглашать сведения, составляющие конфиденциальную информацию, в том числе коммерческую тайну работодателя, сторонних предприятий и организаций, которые будут доверены работнику или станут ему известны в ходе трудовой деятельности, а также соблюдать порядок работы с такой информацией, А. И. Сушков был ознакомлен с Положением об обеспечении режима конфиденциальности информации, являющегося неотъемлемой частью трудового договора и обязательного для исполнения. Обязанность обеспечивать соблюдение режима конфиденциальности и коммерческой тайны, а также ответственность за неправомерное использование или разглашение сведений, составляющих конфиденциальную информацию, в том числе коммерческую тайну работодателя, предусматривается также должностной инструкцией директора департамента по договорно-правовой работе, с которой А. И. Сушков был ознакомлен 30 марта 2015 года. Кроме того, он был ознакомлен с Положением о защите персональных данных работников и Политикой информационной безопасности работодателя, в соответствии с которой информационные ресурсы организации, включая доступ в сеть «Интернет» и электронную почту, предназначены исключительно для выполнения работниками производственной деятельности, а деловая и служебная переписка, в частности взаимодействие с контрагентами, по электронной почте должна осуществляться только с использованием корпоративных почтовых адресов.

13 января 2016 года департаментом корпоративной защиты ЗАО «Стройтрансгаз» были получены данные о несанкционированной передаче информации ограниченного доступа с рабочего стационарного компьютера директора департамента по договорно-правовой работе на его личный адрес электронной почты. Как было установлено в ходе проведенной по этому факту служебной проверки, А. И. Сушков систематически направлял с корпоративного адреса электронной почты на свой адрес электронной почты служебные и локальные нормативные документы, относящиеся к служебной (конфиденциальной) информации, а также персональные данные сотрудников, пересылка которых была расценена работодателем как разглашение охраняемой законом тайны. 1 февраля 2016 года А. И. Сушков был уволен на основании подпункта «в» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации, предусматривающего возможность расторжения трудового договора работодателем в случае однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей, выразившегося в разглашении им охраняемой законом тайны (государственной, коммерческой, служебной и иной), ставшей ему известной в связи с исполнением им трудовых обязанностей, в том числе разглашения персональных данных другого работника.

Савеловский районный суд города Москвы, куда А. И. Сушков, полагавший, что передачу им информации с корпоративного адреса электронной почты на личный адрес электронной почты нельзя рассматривать в качестве разглашения охраняемой законом тайны, обратился с требованиями о признании увольнения незаконным, отмене приказа об увольнении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, взыскании денежной компенсации морального вреда и судебных расходов, в удовлетворении указанных требований отказал реше-

нием от 8 апреля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16 июня 2016 года. Суды не согласились с доводами истца и расценили как разглашение конфиденциальной информации то обстоятельство, что он осуществлял пересылку электронных писем, содержащих персональные данные своих коллег по работе, через почтовый сервер, входящий в состав информационно-телекоммуникационной сети, которой владеет ООО «Мэйл.ру». В обоснование данного вывода суды сослались на регламентирующее оказание обществом услуг электронной почты пользовательское соглашение, по условиям которого оно вправе как ограничить, так и разрешить доступ к информации, содержащейся в электронных почтовых ящиках пользователей, что – в силу пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – позволяет признать общество обладателем конфиденциальной информации, размещенной истцом на внешнем электронном адресе, и, соответственно, свидетельствует о разглашении им коммерческой информации третьему лицу. Кассационным определением судьи Московского городского суда от 20 октября 2016 года отказано в передаче кассационной жалобы А. И. Сушкова на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании президиума Московского городского суда. В передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отказано определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2017 года.

Нарушение оспариваемым законоположением своих прав, гарантированных статьями 19 (часть 1), 23 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что это законоположение – по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, – предоставляет лицу, оказывающему услуги электронной почты, право разрешать или ограничивать доступ к информации, содержащейся в получаемых или отправляемых абонентами электронных сообщениях, что, в свою очередь, влечет привлечение работника, воспользовавшегося услугами этого лица, к дисциплинарной ответственности за разглашение охраняемой законом тайны.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку данное законоположение понимается в правоприменительной практике как позволяющее считать лицо, оказывающее услуги электронной почты, обладателем информации, которая содержится в электронных сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями этих услуг через принадлежащий данному лицу интернет-сервис, что служит основанием для оценки действий гражданина, осуществившего передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой лицом, которому на законных основаниях принадлежит данная информация, на свой (личный) адрес электронной почты, как нарушение им установленного правовыми (в том числе локальными) актами и (или) договорами запрета на такую передачу и, соответственно, для определения правовых последствий этих действий.

2. Согласно статье 29 (часть 4) Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Вместе с тем реали-

зация данного конституционного права — в силу закрепленного Конституцией Российской Федерации, ее статьей 17 (часть 3), принципа недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушения прав и свобод других лиц как основополагающего условия соблюдения баланса общественных и частных интересов — предполагает следование другим положениям Конституции Российской Федерации, в том числе гарантирующим каждому в целях охраны достоинства личности право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статья 23, часть 2), запрещающим сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), а также предусматривающим, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом (статья 29, часть 4) и что интеллектуальная собственность охраняется законом (статья 44, часть 1).

Провозглашая право каждого на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию, идеи независимо от государственных границ, устно, письменно, посредством печати или иными способами по своему выбору, Международный пакт о гражданских и политических правах также исходит из того, что пользование этими правами налагает особые обязанности и особую ответственность и что их ограничения устанавливает закон в целях уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (пункты 2 и 3 статьи 19). Аналогичные положения содержатся в статье 10 «Свобода выражения мнения» Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Приведенные конституционные и международно-правовые предписания в полной мере относятся к любой информации — независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые (передаваемые, распространяемые) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Следовательно, осуществляя на основании статьи 71 (пункты «в», «и») Конституции Российской Федерации, согласно которой регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, а также информация и связь составляют ведение Российской Федерации, соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель обязан обеспечить — с учетом современного уровня развития средств и способов обращения такого специфического нематериального объекта, как информация, — баланс прав и законных интересов, а также определенность правового положения участников правоотношений, объектом которых она выступает, и правоотношений, связанных с ее поиском, получением, передачей, производством и распространением. При этом он должен исходить из требований Конституции Российской Федерации, в силу которых осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3), все равны перед законом и судом, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина без какой-либо дискриминации (статья 19, части 1 и 2), права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3).

Применительно к отношениям, связанным с реализацией права каждого на тайну телефонных переговоров (статья 23, часть 2, Конституции Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации сфор-

мулировал правовую позицию, согласно которой данное право по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления; соответственно, информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям необходимо получение судебного решения (определения от 2 октября 2003 года № 345-О и от 21 октября 2008 года № 528-О-О).

Приведенная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, будучи основана на положениях статьи 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации, определяющих правовые стандарты передачи любых сообщений – независимо от того, какими средствами осуществляется такая передача, – имеет общее значение и распространяется на правовое регулирование отношений, связанных с реализацией как права на тайну телефонных переговоров, так и права на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, которое закреплено этими конституционными положениями, допускающими возможность его ограничения только на основании судебного решения, и обеспечивается Конституцией Российской Федерации и нормами международного права, являющимися в силу ее статьи 15 (часть 4) составной частью правовой системы Российской Федерации.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является базовым законом, устанавливающим правовые основы осуществления права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применения информационных технологий, обеспечения защиты информации (часть 1 статьи 1). Его статья 2 определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления (пункт 1), доступ к информации – как возможность получения информации и ее использования (пункт 6), конфиденциальность информации – как обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя (пункт 7), предоставление информации – как действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц (пункт 8), а распространение информации – как действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (пункт 9).

Правовой статус обладателя информации, т. е., согласно той же статье, лица, самостоятельно создавшего информацию либо получившего на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам (пункт 5), регулируется в статье 6 данного Федерального закона, в силу которой обладателем информации может быть гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование (часть 1); обладатель информации, если иное не предусмотрено федеральными законами, вправе разрешать или ограничивать доступ к информации, определять порядок и условия такого доступа, использовать информацию, в том числе распространять ее, по своему усмотрению, передавать информацию другим лицам по договору или на ином установленном законом основании, защищать установленными законом способами свои

права в случае незаконного получения информации или ее незаконного использования иными лицами, осуществлять иные действия с информацией или разрешать осуществление таких действий (часть 3); обладатель информации при осуществлении своих прав обязан соблюдать права и законные интересы иных лиц, принимать меры по защите информации, ограничивать доступ к информации, если такая обязанность установлена федеральными законами (часть 4).

Цель, которую преследовал федеральный законодатель, вводя понятие «обладатель информации», заключается, таким образом, в описании — по аналогии с гражданско-правовыми категориями «собственник», «титальный владелец», но с учетом особенностей информации как нематериального объекта — правового статуса лица, правомочного в отношении конкретной информации решать вопрос о ее получении другими лицами и о способах ее использования как им самим, так и другими лицами. Как следует из приведенных законоположений, вопрос о том, становится ли конкретное лицо обладателем определенной информации, т. е. приобретает ли оно применительно к этой информации права и обязанности, вытекающие из правового статуса обладателя информации, должен решаться исходя из существа правоотношений, связанных с ее получением, передачей, производством и распространением. При этом само по себе наличие у конкретного лица доступа к информации не означает, что данное лицо становится ее обладателем по смыслу Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», т. е. что оно вправе совершать в отношении этой информации действия, являющиеся прерогативой обладателя информации.

4. Оказание правообладателем коммуникационного интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных сообщений, соответствующих услуг состоит не в предоставлении доступа к сети связи (каковой выступает сеть «Интернет», доступ к которой предоставляет интернет-провайдер), а в предоставлении возможности использования программного обеспечения, с помощью которого осуществляется передача сообщений по электронной почте. Поскольку же правовой статус правообладателя такого интернет-сервиса действующим федеральным законодательством специально не урегулирован (хотя по своему полезному для пользователей эффекту его услуги и аналогичны услугам связи), возникает неопределенность относительно того, распространяется ли на него буквально обязанность оператора связи обеспечить соблюдение тайны связи, установленная Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» (пункт 2 статьи 63).

Между тем — исходя из того, что статья 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации, закрепляющая право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, является в силу ее статьи 15 (части 1 и 2) нормой прямого действия, обязательной для соблюдения всеми субъектами права, — отсутствие в федеральном законодательстве прямого указания на обязанность именно правообладателя интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных сообщений, обеспечивать тайну связи не может рассматриваться как свидетельство отсутствия у него такой обязанности. Не ставятся под сомнение конституционные гарантии тайны направляемых по электронной почте сообщений и содержанием заключаемого правообладателем интернет-сервиса и абонентами пользовательского соглашения, предполагающего наличие дифференцированных правил, регулирующих отношения, объектом которых выступают в одних случаях информационные данные, создаваемые и публикуемые пользователями, т. е. размещаемые в режиме

открытого доступа для ознакомления с ними неопределенного круга лиц, и в других случаях — сведения, не предназначенные для размещения в открытом доступе. И в тех и в других случаях условия пользовательского соглашения не могут трактоваться как предоставляющие правообладателю интернет-сервиса право самостоятельно — и тем самым в нарушение статьи 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации — разрешать или ограничивать доступ к информации, содержащейся в передаваемых с его помощью электронных сообщениях.

Не свидетельствуют о возникновении у правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого происходит отправка и получение электронных сообщений, такого права, а следовательно, и статуса обладателя содержащейся в них информации и положения статьи 10¹ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которым лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, предназначенных и (или) используемых для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» (что охватывает и функции правообладателя интернет-сервиса), признается организатором распространения информации в сети «Интернет»; в его обязанности входит уведомление в установленном Правительством Российской Федерации порядке федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, о начале осуществления указанной деятельности, хранение на территории Российской Федерации информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и информации об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий, а текстовых сообщений пользователей сети «Интернет», голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей сети «Интернет» — до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки и предоставленные этой информации уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами. При этом обязанность хранить информацию не предполагает право разрешать или ограничивать доступ к этой информации, принадлежащее ее обладателю: основания и порядок предоставления такой информации определяются федеральными законами, а ее получателем от организатора распространения информации в сети «Интернет» может быть только уполномоченный орган.

Таким образом, пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не может рассматриваться как предоставляющий правообладателю интернет-сервиса, посредством которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, право на доступ к информации, содержащейся в получаемых или отправляемых пользователями электронных сообщениях, и, соответственно, как позволяющий говорить о наличии у него статуса обладателя информации.

Этим не исключается право федерального законодателя уточнить правовой статус правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, и

более детально регламентировать его отношения с пользователями предоставляемых им услуг, тем более имея в виду утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, которая исходит из необходимости совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасной обработки информации (включая ее поиск, сбор, анализ, использование, сохранение и распространение) и применения новых технологий, уровень которого должен соответствовать развитию этих технологий и интересам общества; обеспечения баланса между своевременным внедрением современных технологий обработки данных и защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну (пункт 31).

5. То обстоятельство, что при отправке информации гражданином – нарушение установленного правовыми (в том числе локальными) актами и (или) договорами запрета – с адреса электронной почты, контролируемой лицом, которому на законных основаниях принадлежит эта информация, на свой (личный) адрес электронной почты правообладатель интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, не приобретает статус обладателя информации, не означает, что лицо, которому принадлежит информация и которое допустило к ней этого гражданина, не претерпевает неблагоприятные последствия его действий с точки зрения полноты своего статуса обладателя информации.

Отправка гражданином на свой (личный) адрес электронной почты не принадлежащей ему информации создает условия для ее дальнейшего неконтролируемого распространения. Фактически, совершив такие действия, гражданин получает возможность разрешать или ограничивать доступ к отправленной им информации, не получив соответствующего права на основании закона или договора, а сам обладатель информации, допустивший к ней гражданина без намерения предоставить ему эту возможность, уже не может в полной мере определять условия и порядок доступа к ней в дальнейшем, т. е. осуществлять прерогативы обладателя информации.

Правовые последствия такой ситуации различаются в зависимости от степени разумности и осмотрительности самого обладателя информации. Если, предоставляя доступ к информации, он безразлично относился к ее дальнейшей правовой судьбе, в том числе не принимал мер к предотвращению ее выхода из-под своего контроля, то нет оснований рассматривать саму по себе отправку гражданином информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты в качестве обстоятельства, меняющего правоотношения по поводу этой информации. Если же обладатель информации принял – либо в силу нормативных предписаний, обязывающих его соблюдать конфиденциальность этой информации и осуществлять конкретные мероприятия по ее защите, либо в рамках своих прерогатив как ее обладателя – все необходимые меры против несанкционированного доступа к соответствующей информации третьих лиц, включая прямой запрет на ее отправку на личный адрес электронной почты допускаемого к ней лица (о чем это лицо было поставлено в известность), т. е. действовал разумно и осмотрительно, то отправка гражданином информации на свой (личный) адрес электронной почты, как явно совершенная вопреки предпринятым обладателем информации разумным мерам, может рассматриваться в качестве нарушения – в смысле законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации – его прав и законных интересов именно этим

действием, безотносительно к тому, имело ли место разглашение (распространение) данной информации третьему лицу (третьим лицам).

Федеральный закон от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», определяя статус обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, и закрепляя ряд его прав, связывает их возникновение с моментом установления им в отношении этой информации режима коммерческой тайны, предусматривающего принятие мер по охране ее конфиденциальности, включая определение перечня информации, составляющей коммерческую тайну, ограничение доступа к такой информации путем установления порядка обращения с ней и контроля за соблюдением установленного порядка, учет лиц, получивших доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, и (или) лиц, которым такая информация была предоставлена или передана, регулирование отношений по использованию информации, составляющей коммерческую тайну, работниками на основании трудовых договоров и контрагентами на основании гражданско-правовых договоров, нанесение на материальные носители, содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, или включение в состав реквизитов документов, содержащих такую информацию, грифа «Коммерческая тайна» с указанием обладателя такой информации (часть 1 статьи 6¹, части 1 и 2 статьи 10).

Наряду с указанными мерами обладатель информации, составляющей коммерческую тайну, вправе применять при необходимости средства и методы технической защиты ее конфиденциальности, другие не противоречащие законодательству Российской Федерации меры, притом что такие меры признаются разумно достаточными, если ими исключается доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, любых лиц без согласия ее обладателя и обеспечивается возможность ее использования работниками и передачи ее контрагентам без нарушения режима коммерческой тайны (части 4 и 5 статьи 10 Федерального закона «О коммерческой тайне»). Показательно, что Европейский Суд по правам человека не усмотрел нарушения статьи 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод в случае, когда работодатель осуществил доступ к отправленным с рабочего адреса электронной почты сообщениям работника, сделанным им с учетной записи в мессенджере, созданной по просьбе работодателя и необходимой для осуществления трудовых обязанностей. Данные обстоятельства, по мнению Европейского Суда по правам человека, позволили работодателю предполагать, что эти сообщения относятся к профессиональной деятельности работника, притом что сам работник не имел разумных ожиданий относительно неприкосновенности частной жизни применительно к переписке личного характера, производимой с указанной учетной записи (постановления от 3 апреля 2007 года по делу «Коплэнд (*Copland*) против Соединенного Королевства», от 12 января 2016 года по делу «Бэрбулеску (*Barbulescu*) против Румынии» и др.).

Что касается юридической ответственности за направление информации гражданином, получившим к ней доступ, на свой (личный) адрес электронной почты, не находящейся под контролем обладателя информации (притом что им предприняты разумные меры по охране ее конфиденциальности, включая издание необходимых локальных актов и заключение с их учетом договоров), то она устанавливается соответствующими законодательными актами (в частности, применительно к дисциплинарной ответственности – актами трудового законодательства и законодательства о государственной и муниципальной службе). При этом, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, дей-

ствующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; использование различных видов юридической ответственности должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины – либо доказанной, либо презюмируемой, но опровержимой – как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе (постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.). Соответственно, федеральный законодатель, адекватно реагируя на состояние общественных отношений в сфере защиты информации, в том числе учитывая потребности развития информационного общества, должен принимать надлежащие меры по совершенствованию регулирования юридической ответственности за нарушение прав и законных интересов обладателя информации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющий обладателя информации как лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку данное законоположение по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

не может рассматриваться как наделяющее правообладателя интернет-сервиса, с помощью которого осуществляются передача электронных сообщений и хранение информации, статусом обладателя информации в отношении сведений, содержащихся в сообщениях, получаемых или отправляемых пользователями по электронной почте, или в отношении информации, которую пользователи хранят с помощью данного интернет-сервиса;

позволяет рассматривать как нарушение прав и законных интересов обладателя информации действия гражданина, осуществившего – вопреки установленному правовыми, в том числе локальными, актами (с которыми гражданин был ознакомлен) и (или) договорами запрету – передачу информации с адреса электронной почты, контролируемой обладателем информации, на свой (личный) адрес электронной почты, если обладатель информации принял все необходимые меры, исключающие несанкционированный доступ к этой информации третьих лиц.

2. Правоприменительные решения по делу гражданина Сушкова Александра Ивановича подлежат пересмотру с учетом выявленного в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосред-

ственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4 июля
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1440-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы гражданина Бунеева Сергея
Петровича на нарушение его
конституционных прав положениями
статей 146, 153, 154, 247-249 и 274
Налогового кодекса Российской
Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Г. А. Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина С. П. Бунеева,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин С. П. Бунеев – единственный участник и генеральный директор ООО «Мастер-Инструмент» оспаривает конституционность ряда положений Налогового кодекса Российской Федерации:

подпункта 1 пункта 1 статьи 146, устанавливающего, что объектом обложения налогом на добавленную стоимость является реализация товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации, в том числе предметов залога, и передача товаров (результатов выполненных работ, оказания услуг) по соглашению о предоставлении отступного или новации, а также передача имущественных прав;

положений статьи 153 и пункта 1 статьи 154, касающихся определения налоговой базы по указанному налогу, в частности о том, что налоговая база при реализации товаров (работ, услуг), по общему правилу, определяется как стоимость этих товаров (работ, услуг), исчисленная исходя из рыночных цен, с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения в них налога, а выручка от реализации товаров (работ, услуг), передачи имущественных прав – исходя из всех доходов налогоплательщика, связанных с расчетами по оплате указанных товаров (работ, услуг), имущественных прав, полученных им в денежной и (или) натуральной формах, включая оплату ценными бумагами;

статьи 247, которая объектом обложения налогом на прибыль организаций признает прибыль, полученную налогоплательщиком, и которая определяет прибыль для различных категорий плательщиков;

пункта 1 статьи 248 и пунктов 1 и 2 статьи 249, в соответствии с которыми к доходам плательщика налога на прибыль организаций относятся доходы от реализации товаров (работ, услуг), а именно выручка от реализации товаров (работ, услуг) как собственного производства, так и ранее приобретенных, выручка от реализации имущественных прав, определяемая исходя

из всех поступлений, связанных с расчетами за реализованные товары (работы, услуги) или имущественные права, выраженные в денежной и (или) натуральной формах, и имущественных прав, а также внереализационные доходы, притом что товары в силу пункта 3 статьи 38 данного Кодекса — это любое имущество, реализуемое или предназначенное для реализации;

пункта 1 статьи 274, согласно которому налоговой базой по налогу на прибыль организаций признается денежное выражение подлежащей налогообложению прибыли, определяемой в соответствии со статьей 247 данного Кодекса.

Как следует из представленных материалов, налоговый орган по итогам налоговой проверки ООО «Мастер-Инструмент», придя к выводу о том, что общество в результате искусственного дробления бизнеса (путем создания группы взаимозависимых организаций и индивидуальных предпринимателей) получило необоснованную налоговую выгоду, выразившуюся в уменьшении налоговой базы по налогу на прибыль организаций, налогу на добавленную стоимость и единому налогу на вмененный доход за счет использования налогоплательщиками, входящими с ним в группу, специальных налоговых режимов, доначислил ему суммы указанных налогов в том размере, в каком общество должно было бы их уплатить, если бы аффилированные с ним налогоплательщики не принимали участия в предпринимательской деятельности, включив в налоговую базу по ним стоимость товаров (работ, услуг), реализованных контрагентами ООО «Мастер-Инструмент», и привлек к налоговой ответственности за неуплату налогов в требуемом размере.

Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 14 октября 2015 года, оставленным без изменения судами вышестоящих инстанций, было удовлетворено требование ООО «Мастер-Инструмент» о признании указанного решения налогового органа недействительным в части уплаты единого налога на вмененный доход; в остальной части (в части уплаты налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость) в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая ООО «Мастер-Инструмент» в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, в определении от 5 июля 2016 года сослался на то, что рассматривавшие данное дело арбитражные суды сочли доказанными взаимозависимость и аффилированность общества и его контрагентов, в том числе исходя из наличия у них общего трудового ресурса, использования товарного знака ООО «Мастер-Инструмент», его складского помещения, из фактической организации работы магазинов, отсутствия ведения отдельного учета фактически полученных доходов, и пришли к выводу об убыточности хозяйственной деятельности общества, имитации хозяйственной деятельности в рамках договора от 10 мая 2005 года, а также о том, что налоговым органом были доказаны направленность действий общества на получение из бюджета необоснованной налоговой выгоды и правильно определены подлежащие уплате суммы налогов на основании имеющейся в его распоряжении информации о налогоплательщике.

Решением Арбитражного суда Волгоградской области от 1 июня 2016 года ООО «Мастер-Инструмент» было признано банкротом, открыто конкурсное производство, утвержден конкурсный управляющий. Кроме того, С. П. Бунеев постановлением следователя от 7 февраля 2017 года привлечен в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 199 УК Российской Федерации, за уклонение от уплаты налогов организации путем включения в налоговую декларацию заведомо

ложных сведений, совершенное в особо крупном размере (при расчете размера не исполненной заявителем налоговой обязанности были учтены суммы налогов, уплаченные в бюджет его контрагентами в виде единого налога на вмененный доход).

Заявитель утверждает, что и ООО «Мастер-Инструмент», и его контрагентами размер налогового обязательства был определен в соответствии с действующим налоговым законодательством, а налоги в полном объеме поступили в бюджет; бизнес структурирован рационально (ООО «Мастер-Инструмент» занималось оптовыми поставками инструментов, его контрагенты – розничной продажей, арендой помещений и т. д.), распределение обязанностей было официально оформлено соглашением о координации деятельности и все контрагенты фактически осуществляли соответствующую деятельность, а отношения по передаче товара и перечислению денежных средств носили реальный характер.

По мнению заявителя, оспариваемые им положения Налогового кодекса Российской Федерации позволяют правоприменительным органам включать в налоговую базу по налогу на добавленную стоимость и по налогу на прибыль организаций денежные средства, полученные не организацией-налогоплательщиком, а ее контрагентами, формально обосновывая это разделением (дроблением) бизнеса – без установления взаимосвязи указанных лиц, без оспаривания совершенных ими сделок и фактически при отсутствии объекта налогообложения, а потому он просит признать эти положения противоречащими статьям 2, 8 (часть 2), 15 (часть 2), 18, 19 (часть 1), 22 (часть 1), 23 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 57, 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Согласно статье 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы, по смыслу данной статьи, имеет публично-правовой, а не частноправовой (гражданско-правовой) характер. Ее реализация в соответствующих правоотношениях предполагает субординацию, властное подчинение одной стороны другой, а именно: налогоплательщику вменяется в обязанность своевременно и в полном объеме уплатить суммы налога, а налоговому органу, действующему от имени государства, принадлежит полномочие обеспечить ее исполнение налогоплательщиком. Налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью принадлежащего ему имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну, соответствующие же органы публичной власти наделены правомочием в односторонне-властном порядке, путем государственного принуждения взыскивать с лица причитающиеся налоговые суммы, – иначе нарушались бы воплощенный в статье 57 Конституции Российской Федерации конституционно защищаемый публичный интерес и связанные с ним права и законные интересы налогоплательщиков, публично-правовых образований, государства в целом.

При этом, поскольку взимание налогов как обязательных индивидуально безвозмездных денежных платежей, необходимых для покрытия публичных расходов, связано с вторжением государства в право собственности, имущественные права, свободу предпринимательской деятельности и тем самым – в сферу основных прав и свобод, регулирование налоговых отношений должно осуществляться так, чтобы было гарантировано равное исполнение обязанностей налогоплательщиками и не создавались бы условия для нарушения их конституционных прав, а также прав и законных инте-

ресов других лиц (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П).

В целях обеспечения возмещения ущерба, понесенного казной в случае неисполнения налогоплательщиками конституционной обязанности платить налоги и сборы, федеральный законодатель на основании статей 57, 71 (пункты «в», «ж», «з», «о»), 72 (пункты «б», «и» части 1), 75 (часть 3) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, устанавливая систему налогов, взимаемых в бюджет, и общие принципы налогообложения, предусматривает и необходимые меры государственного принуждения – правовосстановительные и штрафные, с тем чтобы было гарантировано суверенное право государства получить с налогоплательщика в полном объеме соответствующие суммы – недоимку, пеню и штраф.

В качестве правового механизма обеспечения исполнения закрепленной статьей 57 Конституции Российской Федерации обязанности, полноты и своевременности взимания налогов и сборов с обязанных лиц, возмещения ущерба, понесенного казной в результате неисполнения данной обязанности, в Налоговом кодексе Российской Федерации предусмотрена система мер налогового контроля, а также ответственность за совершение налоговых правонарушений.

3. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2004 года № 14-П указывал, что в силу конституционного требования о необходимости уплаты только законно установленных налогов и сборов во взаимосвязи с предписаниями статей 15 и 18 Конституции Российской Федерации механизм налогообложения должен не только обеспечивать полноту и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц, но и одновременно – надлежащий правовой характер деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, связанной с изъятием средств налогообложения. Исходя из этого федеральное законодательство о налогах и сборах, призванное создать надлежащие условия исполнения налоговой обязанности, определяет систему налоговых органов, относящихся к федеральным экономическим службам (статья 71, пункт «ж», Конституции Российской Федерации), их задачи, функции, формы и методы деятельности, порядок проверки правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания и перечисления) налогов и сборов. Тем самым обеспечивается реализация контрольной функции государства в сфере налоговых отношений, вытекающей из обязанности органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

3.1. Законодательное регулирование налогового контроля и деятельность уполномоченных органов по налоговому контролю осуществляются в соответствии с конституционными принципами организации и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе связанности государственных органов законом и недопустимости вмешательства контролирующего органа в оперативную деятельность проверяемого. Кроме того, наделяя налоговые органы полномочием действовать властно-обязывающим образом в пределах своей компетенции, федеральный законодатель должен соблюдать вытекающие из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8, 17, 34 и 35 требования, в силу которых ограничение федеральным законом права владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности возможно, только если оно отвечает требованиям справедливости, адекватно, пропорционально, соразмерно и необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и законных интересов других лиц, и не затрагивает

само существо конституционных прав, т. е. не ограничивает пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм.

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека, который, ссылаясь на свою устоявшуюся прецедентную практику, в постановлении от 22 сентября 2009 года по делу «Булвес АД» («Bulves AD») против Болгарии» отметил, что при установлении необходимости вмешательства, включая вмешательство для обеспечения уплаты налогов, необходимо соблюдение «справедливого баланса» между требованиями общественных интересов и требованиями защиты основных прав человека (пункт 62); общественные интересы состоят, в частности, в поддержании финансовой стабильности системы обложения налогом; ключевыми элементами поддержания такой стабильности следует признать полное и своевременное исполнение всеми лицами, зарегистрированными в качестве плательщиков, обязанностей по представлению отчетности и уплате налога и, в конечном счете, — предотвращение любых видов обманных злоупотреблений указанной системой. В связи с этим Европейский Суд по правам человека признал, что «попытки злоупотребления системой налогообложения должны пресекаться и что для национального законодательства может быть разумным предусмотреть требование особой осмотрительности лиц, зарегистрированных в качестве плательщиков налога, с целью предотвращения таких злоупотреблений» (пункт 65).

Применительно к положениям гражданского и налогового законодательства Российской Федерации в их системной взаимосвязи Европейский Суд по правам человека в постановлении от 20 сентября 2011 года по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации» пришел к следующему выводу: многие законы сформулированы в выражениях, которые в большей или меньшей степени являются неопределенными, и их толкование и применение являются вопросами практики; было бы невозможно ожидать, чтобы законодательное положение описывало во всех подробностях все способы, с помощью которых данный налогоплательщик мог бы вводить в заблуждение налоговые органы; в то же время применимые нормы права достаточно ясно указывают, что в случае обнаружения нарушений налогоплательщик столкнется с угрозой доначисления налогов в связи с действительной экономической деятельностью с учетом соответствующих выводов компетентных органов (пункт 598).

Конституционный Суд Российской Федерации также подчеркивал, что налоговое законодательство не исключает в налоговых правоотношениях действия принципа диспозитивности и допускает возможность выбора налогоплательщиком того или иного метода учетной политики (применения налоговых льгот или отказа от них, применения специальных налоговых режимов и т. п.), которая, однако, не должна использоваться для неправомерного сокращения налоговых поступлений в бюджет в результате злоупотребления налогоплательщиками своими полномочиями. Указанная правовая позиция неоднократно подтверждалась Конституционным Судом Российской Федерации применительно к уплате различных налогов и сборов (Постановление от 3 июня 2014 года № 17-П, Определение от 7 июня 2011 года № 805-О-О и др.).

3.2. Контроль за полнотой и своевременностью уплаты налогов и сборов, включающий мероприятия по пресечению злоупотреблений налогоплательщиков, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды, осуществляется налоговыми органами в рамках полномочий, предоставленных им федеральным законодателем. В первую очередь, применительно к отношениям по уплате налогов и сборов соответствующие полномочия предусмотрены положениями статьи 40 «Принципы определения цены товаров,

работ или услуг для целей налогообложения», главы 14 «Налоговый контроль», раздела V¹ «Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании», раздела V² «Налоговый контроль в форме налогового мониторинга», развивающими и уточняющими полномочия налоговых органов, закрепленные статьей 7 Закона Российской Федерации от 21 марта 1991 года № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации».

Указанные положения в полной мере согласуются с публично-правовым характером налоговой обязанности и необходимостью ее реализации в условиях, которые отвечали бы вытекающим из верховенства права принципам равенства и справедливости, что предопределяется, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 14 июля 2003 года № 12-П, от 3 июня 2014 года № 17-П и от 24 марта 2017 года № 9-П; определения от 7 июня 2011 года № 805-О-О, от 18 сентября 2014 года № 1822-О, от 10 ноября 2016 года № 2561-О и др.), императивным в своей основе методом налогового регулирования и связанностью законом налоговых органов, основания, пределы, процедурные и иные условия деятельности которых требуют, насколько возможно, детального определения.

Из этого же исходит и правоприменительная практика, которая с учетом всего многообразия хозяйственных отношений в сфере осуществления предпринимательской деятельности ориентируется на признание налоговой выгоды необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера); это, в свою очередь, предполагает доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, на основании соответствующих положений Налогового кодекса Российской Федерации, регулирующих порядок исчисления и уплаты конкретного налога и сбора (постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»).

3.3. Статьи 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации, определяющие объект налогообложения и налоговую базу по налогам на добавленную стоимость и на прибыль организаций, направлены на создание надлежащей нормативной основы для исполнения налогоплательщиками конституционной обязанности по уплате указанных налогов. Они содержат все необходимые положения для определения таких существенных элементов налогов, как объект налогообложения и налоговая база, не предполагают их произвольного применения и распространяются в равной мере на всех плательщиков данных налогов.

Сами по себе оспариваемые законоположения не допускают возможности доначисления налогоплательщику сумм налогов в размере большем, чем это установлено законом, поскольку сами определяют размер налоговой обязанности исходя из фактических показателей хозяйственной деятельности налогоплательщика. Такое законодательное регулирование согласуется с конституционными предписаниями, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права налогоплательщиков в указанном в жалобе аспекте.

Проверка же соблюдения налоговыми органами закона, а также проверка законности и обоснованности решений правоприменительных органов,

в том числе определение действительного размера налоговой обязанности налогоплательщика, как связанная с изучением и оценкой фактических обстоятельств конкретного дела, не относится к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации (статья 125 Конституции Российской Федерации и статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского

Сами по себе оспариваемые заявителем положения статей 146, 153, 154, 247, 248, 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации, каждое по отдельности и в их взаимосвязи между собой, не содержат явных признаков неконституционности, если понимать их буквально, без профискальной предвзятости и применять без нарушения конституционных прав, свобод и принципов, соблюдая при этом презумпцию добросовестности, гарантированную налогоплательщику по смыслу пункта 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации.

Между тем истолкование оспариваемых законоположений в деле заявителя сообщает им признаки несоответствия статьям 2, 18, 19 (часть 1), 21, 34 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 57, 118 (часть 1) и

123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Заявителя привлекли к налоговой ответственности, предусмотренной пунктом 1 статьи 122 Налогового кодекса Российской Федерации, за неуплату налогов на добавленную стоимость и на прибыль в виде штрафа и обязали уплатить суммы налогов, начисленные сверх уже уплаченных, с пенями в связи с хозяйственными операциями по совокупности сделок. Основной целью этих сделок налоговые органы посчитали неисполнение налоговых обязанностей. Между тем, если бы такая цель была доказана в суде, это значило бы, что все они совершены с умышленным посягательством на публичные (фискальные) интересы, что делало бы их ничтожными, т. е. лишало действительности и юридических последствий

или прекращало бы их на будущее, согласно статьям 167 (пункты 1 и 3), 168 (пункт 2), 169, может быть и статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации. Последствия их недействительности наступили бы для каждой из сделок и для каждого ее участника.

Речь о том, что в 2005 году руководитель ООО «Мастер-Инструмент» С. П. Бунеев, его супруга и мать заключили договор о координации хозяйственной деятельности, а позже в него вступили другие участники – юридические лица, а также индивидуальные предприниматели, применявшие специальные налоговые режимы. В рекламной информации участники договора использовали наименование «Мастер-Инструмент», они поддерживали общий фирменный стиль и нанимали работников, которые также были заняты в деятельности других участников этого договора. Между собой они годами совершали сделки, связанные с хозяйственной деятельностью, которую вел каждый из них.

Однако уклонение от уплаты налогов правоприменительные инстанции вменили, судя по обстоятельствам дела, только ООО «Мастер-Инструмент» и усмотрели его правонарушения в том, что оно применило «схему дробления бизнеса, используя взаимозависимые организации и индивидуальных предпринимателей, применяющих единый налог на вмененный доход и упрощенную систему налогообложения (ЕНВД и УСН)» и тем самым снизило выручку от реализации, а в итоге занизило облагаемую базу по НДС и налогу на прибыль. Деятельность участников соглашения налоговые органы признали «фиктивной», не оспаривая, однако, в суде ни вышеназванный договор, ни другие сделки и не требуя применения последствий их недействительности (ничтожности).

Напротив, как сообщает заявитель, в деле о банкротстве ООО «Мастер-Инструмент» (№ А 12-22608/2016) суд, удовлетворяя требования взаимосвязанных с ним лиц, посчитал, что «реальность взаимоотношений подтверждается представленными в материалы дела документами. Доказательств отсутствия намерения сторон на создание правовых последствий сделки, а также отсутствия намерения ее исполнения, налоговым органом не представлено». Это, по меньшей мере, ставит под сомнение выводы об имитации хозяйственной деятельности ООО «Мастер-Инструмент» с участием взаимосвязанных с ним лиц.

Согласно пункту 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» налоговые органы вправе предъявлять иски о признании сделок недействительными и взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам, а также иски о признании недействительной государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя. Этих законных возможностей, судя по материалам жалобы заявителя, налоговые органы не использовали.

«Дробление бизнеса», напротив, налогоплательщику вменили, притом что закон не запрещает и не предусматривает за него ответственность. Будь «дробление бизнеса» противоправным, такое деяние во всяком случае имело бы действующих «соучастников» либо участие фиктивных лиц. Тогда полагалось бы привлекать к ответственности либо всех, либо только одного, доказывая в законных процедурах, что его контрагентов как субъектов предпринимательской деятельности не существует и регистрация их в этом качестве незаконна. Тогда, вместо совместной их деятельности, можно было бы установить и обосновать все их действия как деятельность одного лица или же каждому из участников вменить его налоговые правонарушения. Но в деле о налоговой ответственности ООО «Мастер-Инструмент» об этом нет сведений, а из дела о его банкротстве следует прямо противоположное.

В подробностях его правонарушение определили как ведение финансово-хозяйственной деятельности в условиях (1) целенаправленного формального дробления бизнеса с (2) целью занижения доходов путем распределения их на взаимозависимых лиц и направленной на получение необоснованной налоговой выгоды (3) посредством применения данными лицами режимов налогообложения, при которых не уплачиваются НДС и налог на прибыль (ЕНВД и упрощенная система налогообложения). Кроме того, ему вменили совершение действий по (4) умышленному созданию дополнительного звена в цепочке реализации товаров потребителям с целью снижения своих налоговых обязательств (5) путем формального соблюдения действующего законодательства и (6) создания искусственной ситуации, при которой (7) видимость действий нескольких налогоплательщиков прикрывала фактическую деятельность одного налогоплатель-

щика (заявителя). Имея все это в виду, налоговый орган посчитал установленным (8) злоупотребление налогоплательщиком своими правами и на таком основании определил суммы налогов и сборов, подлежащие уплате в бюджет, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом.

Конституционный Суд Российской Федерации поддерживает в своих решениях презумпцию добросовестности налогоплательщика, которую можно опровергнуть лишь при соблюдении законных условий и с наступлением только законных, а не произвольных последствий. Он также поддерживает позицию о конституционно приемлемых условиях наступления ответственности, включая то, что ответственность может наступать лишь за деяния, предусмотренные законом.

Признак умысла, вменяемый заявителю, как бы внушительно ни выглядел, вряд ли имеет самостоятельное значение в деле о взыскании налогов. Более того, очевидно, что предпринимательскую деятельность ведут и регистрируют ее субъектов всегда намеренно (не нечаянно). Не все в предпринимательстве дальновидно и успешно, но все намеренно и в этом смысле умышленно. Это, однако, не образует признака противоправности, включая «умышленное» получение выгод и сокращение расходов, поскольку и то и другое состоит под защитой закона.

Равным образом не образует признаков правонарушения «создание искусственной ситуации» ни в предпринимательской деятельности, ни в налоговых правоотношениях. Это означает всего лишь намеренную деятельность (вместо спонтанной) с намеренным (по своему усмотрению) вступлением в правоотношения, которые в любом случае создают какую-либо «искусственную ситуацию». Обсуждать все это было бы даже странно и вряд ли бы стоило, если бы акценты на умысле с «целенаправленным дроблением» при «искусственной ситуации» не имели сходства с описанием состава преступления и не участвовали в обосновании юридической ответственности за правонарушение, состав которого, однако, в поименованных признаках налоговым законом не предусмотрен. Приговором по вышеизложенным деяниям суды в отношении заявителя также не выносили, и, судя по материалам жалобы, дело ООО «Мастер-Инструмент» разрешено в арбитражных судах.

«Формальность» действий и «формальное соблюдение действующего законодательства» —

также не основание правоограничений, но, напротив, существенный признак правомерного (законного) поведения налогоплательщика.

Другие признаки предпринимательского поведения, описанные в деле заявителя, также требуют комментария.

«Занижение доходов путем распределения их на взаимозависимых лиц» если и предусмотрено налоговым законом, то в ином описании и с иными последствиями, чем в деле ООО «Мастер-Инструмент». Если речь о взаимозависимости контрагентов, то она известна закону и не опровергает чью-либо добросовестность. Состояние взаимозависимости прямо предусмотрено Налоговым кодексом Российской Федерации, который не запрещает, как и гражданское, антимонопольное законодательство, сделки между лицами со специальными отношениями, хотя и допускает для них последствия взаимозависимости; к специальным этим последствиям относятся право налоговых органов корректировать в отдельных случаях налоговое обязательство, возникшее из сделки между взаимозависимыми лицами. В судебной практике взаимозависимость участников сделки также сама по себе не дает оснований к признанию налоговой выгоды необоснованной; до сих пор суды не трактовали ее как доказательство, опровергающее добросовестность действий налогоплательщика, даже когда она дает основания к выводу о том, что налогоплательщик знал о нарушениях, допускаемых взаимозависимым контрагентом (пункты 6 и 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 года № 53).

«Распределение доходов на взаимозависимых лиц» представляет собою, видимо, уплату им денег, передачу товаров, оказание услуг и вообще исполнение обязательств по сделкам, причем по возмездным. Если они отклоняются по уровню цен от рыночных, то наступают вышеназванные законные последствия, но не такие, как в деле заявителя. При взаимозависимости сторон сделки налоговые органы вправе изучить и квалифицировать ее влияние на рыночный характер отношений участников и на условия сделки.

В пункте 2 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации последствия взаимозависимости предусмотрены применительно к исчислению и проверке заявленной (задекларированной) величины цен (в отношении

налоговой базы или выгоды) для следующих случаев: 1) сделок между взаимозависимыми лицами; 2) сделок по бартерным операциям; 3) совершения внешнеторговых сделок и 4) отклонения (повышения или понижения) более чем на 20 % от уровня цен, применяемых налогоплательщиком по идентичным (однородным) товарам (работам, услугам) в пределах непродолжительного периода.

Причем эти случаи в поименованном составе фактов образуют не правонарушение и даже не основание для пересчета цен, а лишь законные поводы к проверке применения цен по сделке, поскольку взаимозависимость не предвещает отклонение от рыночных условий и, более того, закон презюмирует рыночный характер отношений и цены сделки. Лишь если опровергнута презумпция правомерности примененной цены, налоговый орган, согласно пунктам 1–3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации, вправе констатировать занижение суммы налога. Со введением в Налоговый кодекс Российской Федерации раздела VI¹ («Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании»), предназначенного заменить вышеизложенные положения статьи 40 того же Кодекса, общий смысл закона остался в силе.

Но, далее, даже предусмотренное этими правилами опровержение правомерности цены не опровергает добросовестность налогоплательщика, которая в этом случае вообще не входит в предмет выяснения или доказывания и остается, стало быть, под защитой закона.

Добросовестность лица, связанного налоговыми обязанностями, можно опровергать в иных контекстах, процедурах и с иными последствиями, не исключая ответственности за совершенное правонарушение. Отдельно от состава правонарушения недобросовестность не влечет последствий в виде налоговой ответственности. Иначе говоря, недобросовестность не образует как таковая состава налогового правонарушения и оснований налоговой ответственности.

Не опровергает презумпцию добросовестности налогоплательщика и не образует состава правонарушения и «дробление бизнеса», тем более формальное. Ведение предпринимательской деятельности в одном лице или в

нескольких нигде не описано как состав правонарушения. Одно лицо может правомерно участвовать на законных условиях в деятельности разных субъектов, а если делает это еще и формально, то, значит, исполняет формально установленные правила. Это повсеместно принято как вид правомерного предпринимательского поведения с использованием законных возможностей. Чтобы его прекратить, нужно либо прямо отказать неограниченному кругу лиц в использовании различных организационных форм и режимов налогообложения, либо взять такие виды поведения на подозрение. Тогда налоговые органы смогут безотносительно к содержанию, форме и составу участников сделок решать, в чем их «существо», и квалифицировать их по своему усмотрению вплоть до налоговых правонарушений.

Семейное предпринимательство нередко ведут в нескольких организационных формах, что не делает всех участников одним субъектом и не предвещает с их стороны нарушений закона. Обязывать всех родственников участвовать лишь в одном юридическом лице при осуществлении предпринимательской деятельности либо состоять исключительно в найме у родственника-предпринимателя невозможно, если не вернуться в правопорядок до Французской революции.

Если бы риск злоупотребления от участия в разных лицах или от общей деятельности взаимосвязанных субъектов предпринимательства был чрезмерным и требовал законодательного вмешательства, то оно, быть может, и состоялось в запретах и ограничении права вести предпринимательскую деятельность не более чем в одной организационно-правовой форме. Правда, принуждение к объединению нуждалось бы в конституционно-правовой оценке на соответствие основам экономической свободы. Пришлось бы учесть и экономические последствия, включая перспективы перемещения экономики из прозрачного состояния в неформальный теневой сектор. Пришлось бы также оценить совместимость ограничений с конституционными правами, включая право каждого на уважение достоинства, а также с принципами высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, пропорциональности, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и т. д.

В любом, однако, случае правоприменительная практика, прежде чем состоится та-

кие законодательные решения, не может вводить от себя новые ограничения прав, новые составы правонарушений и санкции за их совершение.

Как и «недобросовестность», получение «необоснованной налоговой выгоды» нельзя принимать за состав правонарушения в действиях налогоплательщика. Она не имеет законных правовых последствий в виде ответственности.

Налоговое обязательство возможно лишь на законных основаниях, а необоснованной может быть лишь выгода, которая получена в нарушение закона. Не бывает необоснованных налоговых выгод иначе как в составе правонарушения, которое должно быть формально предусмотрено законом. Желание уплатить налогов больше, чем это следует по закону на основе формально состоявшихся сделок, выглядело бы странно и, во всяком случае, не входит в обязанности налогоплательщика. Он ничего не нарушает, если решает платить налоги лишь по законным (оформленным) основаниям, не выдумывая налоговые обязательства с превышением, чтобы упредить налоговую службу в ее суждениях о «необоснованной выгоде». Законные же основания к исчислению и уплате, в частности, налогов на добавленную стоимость и на прибыль образуют операции по сделкам, которые лица вправе законно совершать и оформлять в тех видах и в том содержании, которое считают правильными. Такая возможность им обеспечена свободой договора, которую защищает Конституционный Суд Российской Федерации во многих своих решениях.

Применение специальных и любых других законных режимов налогообложения тем более не влечет ответственности ни само по себе, ни в тех случаях, когда их применяют взаимозависимые лица. Законные налоговые режимы и применение таковых нельзя ставить под сомнение до тех пор, пока формально не доказано налоговое правонарушение.

Отдельно нужно учесть, что эти режимы предназначены, прежде всего, малому и среднему предпринимательству, которое в значительной части, если не в большей, связано с крупными хозяйствующими субъектами и во взаимодействии с ними получает законные преимущества, в том числе за счет особых режимов налогообложения. Это важная часть российской экономической политики. Выгоды малого и среднего предпринимательства от взаимодействия с крупным образуют признак успешного государственного регулирования, а не злоупотребления со стороны налогоплательщиков.

Имея в виду изложенное, полагаю, что правоприменительный случай заявителя, даже если считать его единичным или редким, дает основания к проверке конституционности законоположений, получивших применение в деле ООО «Мастер-Инструмент». В правоприменительной интерпретации они позволяют предположить нарушение конституционных установлений, не только поименованных в жалобе, но и конституционно охраняемой свободы договора, принципов правовой определенности, поддержания доверия к закону и действиям властей и даже разделения властей.

Конституционный Суд Российской Федерации отказал заявителю в рассмотрении жалобы, а понять это могут неоднозначно. Поэтому хозяйствующим субъектам, в том числе малого предпринимательства с признаками семейных взаимосвязей, важно иметь в виду, что случаи, похожие на дело заявителя, могут быть приняты за совокупность фактов, доказывающих налоговое правонарушение.

Вместе с тем полагаю, что отказ заявителя в рассмотрении жалобы не дает оснований считать, что Конституционный Суд Российской Федерации дал положительную оценку применению оспариваемых законоположений и признал их конституционными в том истолковании, в каком их поняли и применили по делу ООО «Мастер-Инструмент».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4 июля
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1441-О

по запросу Кировского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности положения пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Кировского городского суда Ленинградской области,

у с т а н о в и л :

1. Приговором Санкт-Петербургского городского суда от 22 июля 2014 года, постановленным на основании вердикта присяжных заседателей, гражданин М. Л. Овечкин в числе других подсудимых был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пунктами «ж», «з» части второй статьи 105 УК Российской Федерации, в связи с непричастностью к совершенному преступлению; по обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 210 УК Российской Федерации, и еще ряда преступлений также оправдан; признан виновным в совершении мошенничества (часть третья статьи 159 УК Российской Федерации) и освобожден от наказания в связи с истечением срока давности; осужден к лишению свободы за совершение четырех эпизодов пособничества мошенничеству – преступления, предусмотренного частью пятой статьи 33 и частью четвертой статьи 159 данного Кодекса.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2015 года указанный приговор в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона был отменен, а уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство с подготовительной части судебного заседания в тот же суд в ином составе.

Уголовное дело поступило в Санкт-Петербургский городской суд 8 июня 2015 года, а постановлением от 28 августа 2015 года отбор кандидатов в присяжные заседатели назначен на 24 сентября 2015 года. Постановлением судьи указанного суда от 22 декабря 2015 года по ходатайству государственного обвинителя и со ссылкой на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации уголовные дела в отношении всех подсудимых, кроме М. Л. Овечкина, были выделены в отдельные производства и направлены для рассмотрения в Кировский районный суд города Санкт-Петербурга.

Постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 21 сентября 2016 года, вступившим в законную силу 31 января 2017 года, уголовное дело в отношении М. Л. Овечкина по ходатайству прокурора было направлено для рассмотрения по подсудности в Кировский городской суд Ленинградской области со ссылкой на то, что срок давности уголовной ответственности в силу пункта «Г» части первой статьи 78 УК Российской Федерации за совершение подсудным в период 12–30 сентября 2000 года преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, истек и согласно части четвертой статьи 78 названного Кодекса смертная казнь или пожизненное лишение свободы применены быть не могут, а потому в соответствии с пунктом 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации данное уголовное дело перестало быть подсудным Санкт-Петербургскому городскому суду.

Постановлением судьи Кировского городского суда Ленинградской области от 17 марта 2017 года по данному делу было назначено предварительное слушание, по итогам которого суд – в связи с тем, что подсудимый настаивал на рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, – 29 марта 2017 года производство по уголовному делу приостановил и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом, в котором оспаривает конституционность положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации.

Как указывается в запросе, из данного пункта во взаимосвязи с частью четвертой статьи 78 УК Российской Федерации следует, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, перестают быть подсудными верховному суду республики, краевому, областному и другим равным им по уровню судам в составе судьи и коллегии из двенадцати присяжных заседателей в случаях, когда в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности по этой статье становится невозможным применение к подсудимому наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы, в то время как уголовные дела в отношении мужчин по аналогичному обвинению в случае неистечения срока давности привлечения к уголовной ответственности подлежат по ходатайству обвиняемого рассмотрению судами указанного уровня в составе судьи и коллегии присяжных заседателей.

По мнению заявителя, такое правовое регулирование противоречит статьям 19, 47 и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку нарушает конституционный принцип равенства между лицами мужского пола, обвиняемыми в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, в зависимости от того, истек или не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за его совершение.

2. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 19 апреля 2010 года № 8-П, от 25 февраля 2016 года № 6-П, от 16 марта 2017 года № 7-П; Определение от 19 мая 2009 года № 574-О-О), право каждого на судебную защиту его прав и свобод как основное неотчуждаемое право человека признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации). Одной из основополагающих гарантий права на судебную защиту и его неперменной составляющей является закрепленное статьей 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

2.1. Право на законный суд, по смыслу статей 20 (часть 2), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, включает и право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в предусмотренных федеральным законом случаях. Регулирование данного права, как следует из указанных статей Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 71 (пункты «в», «г», «о»), 118 (часть 3) и 128 (часть 3), является дискрецией федерального законодателя, уполномоченного определять, в каких, помимо закрепленного в статье 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, случаях суд с участием присяжных заседателей может выступать в качестве законного суда по тем уголовным делам, которые отнесены к соответствующей категории федеральным законом.

Дискреция федерального законодателя в регулировании отношений при реализации права на доступ к правосудию и права на законный суд не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при конкретизации предписаний статей 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 21, 46 (часть 1), 47 (часть 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации, в том числе относительно суда с участием присяжных заседателей как законного состава суда по уголовным делам применительно к определенным категориям преступлений, действовать правомерным образом, т. е. исходя из необходимости обоснованной и объективно оправданной дифференциации процессуальных форм судебной защиты при сохранении баланса конституционных ценностей и соблюдении принципа правовой определенности, не допуская несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина и при безусловном обеспечении гарантированных Конституцией Российской Федерации равенства всех перед законом и судом и равноправия.

При этом не может рассматриваться как нарушающее закрепленный статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом и судом установление запрета на назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни лицам определенных категорий. Такой запрет, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не препятствует назначению иным категориям лиц справедливого наказания, соответствующего общественной опасности совершенного ими преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, не ущемляет их права и, следовательно, не является дискриминационным по отношению к этим лицам (определения от 21 октября 2008 года № 638-О-О, от 23 июня 2009 года № 898-О-О, от 19 октября 2010 года № 1382-О-О, от 18 октября 2012 года № 1925-О, от 24 сентября 2013 года № 1428-О и др.).

2.2. В порядке реализации своих дискреционных полномочий, вытекающих из статьи 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель отнес к предметной подсудности, предусмотренной пунктом 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации для верховного суда республики, краевого, областного и других равных им по уровню судов, уполномоченных в установленных федеральным законом случаях рассматривать уголовные дела в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, уголовные дела об особо тяжких преступлениях, за которые соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривается смертная казнь в качестве исключительной меры наказания и – в качестве альтернативного либо самостоятельного наказания – пожизненное лишение свободы, определив тем самым суд, правомочный не только рассматривать уголовные дела об этих преступлениях, но и назначать наи-

более строгую меру наказания из всех в настоящее время реально возможных для данных видов преступлений.

В силу части четвертой статьи 78 УК Российской Федерации вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом, который вправе счесть невозможным освобождение указанного лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности; в этом случае он не сможет назначить такому лицу наказание данного вида. Соответственно, федеральный законодатель исключил из подсудности верховного суда республики, краевого, областного и других равных им по уровню судов и тем самым – в системе действующего правового регулирования – из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовные дела о совершенных этими лицами преступлениях, предусмотренных рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности частью второй его статьи 105, срок давности по которым истек до назначения судебного заседания.

Следовательно, ввиду истечения сроков давности из подсудности суда с участием присяжных заседателей выведены уголовные дела об этих преступлениях, совершенных любым лицом – вне зависимости от возраста и пола.

2.3. Между тем статья 4 УПК Российской Федерации, определяя действие уголовно-процессуального закона во времени, устанавливает, что при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное не установлено данным Кодексом.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что субъективное право обвиняемого на рассмотрение его дела определенным составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом, основанное на предписании статьи 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации, возникает с момента принятия судом решения о назначении уголовного дела к слушанию, вынося которое суд руководствуется процессуальным законом, действующим во время принятия данного решения (Постановление от 19 апреля 2010 года № 8-П); если судебное заседание по уголовному делу уже назначено к рассмотрению, то, учитывая момент возникновения субъективного права на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, правила действия процессуального закона во времени и принцип неизменности состава суда, подсудность и состав суда изменению не подлежат – вне зависимости от обстоятельств, с наступлением которых в более ранний период производства по делу закон связывает указанные изменения, кроме случаев невозможности сформировать объективную и беспристрастную коллегию присяжных заседателей (постановления от 25 февраля 2016 года № 6-П, от 16 марта 2017 года № 7-П; Определение от 19 мая 2009 года № 574-О-О).

В уголовном деле М. Л. Овечкина, как видно из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, еще до истечения срока давности было назначено повторное судебное заседание с участием присяжных заседателей, а затем подсудность дела и состав суда были изменены – вопреки приведенным установлениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации.

Таким образом, положение пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации, применяемое во взаимосвязи с его статьей 4 и с частью четвертой статьи 78 УК Российской Федерации, не предполагает, что уго-

ловные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, неподсудны верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду в составе судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из двенадцати присяжных заседателей в случаях, когда срок давности привлечения к уголовной ответственности по данной статье истек после назначения судебного заседания в этом суде.

2.4. В силу Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» необходимым основанием к рассмотрению в Конституционном Суде Российской Федерации дела по запросу заявителя и вынесению по нему итогового решения в виде постановления служит наличие неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, примененный в уголовном деле М. Л. Овечкина.

В данном случае неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем положение пункта 1 части третьей статьи 31 УПК Российской Федерации в том аспекте, как он обозначен в запросе, отсутствует, а потому запрос Кировского городского суда Ленинградской области не подлежит дальнейшему рассмотрению.

Проверка же законности и обоснованности постановления о передаче указанного дела из Санкт-Петербургского городского суда для рассмотрения в Кировский городской суд Ленинградской области является прерогативой соответствующих инстанций системы судов общей юрисдикции и в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации не входит.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Кировского городского суда Ленинградской области не подлежащим дальнейшему рассмотрению в Конституционном Суде Российской Федерации, поскольку поставленный в нем вопрос не требует вынесения итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4 июля
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1442-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы гражданина Александра
Владимира Юрьевича на нарушение
его конституционных прав частью
четвертой статьи 61 Гражданского
процессуального кодекса Российской
Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина В. Ю. Александра,

у с т а н о в и л :

1. Согласно части четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Конституционность данной нормы оспаривается гражданином В. Ю. Александровым, который, как следует из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов, в 2005 году внес в кассу потребительского кооператива взаимного кредитования «Взаимность» личные сбережения пайщика в размере 100 000 рублей и начиная с 2008 года неоднократно обращался в кооператив с требованиями о выплате ему соответствующих денежных средств. Решением Новгородского городского суда Новгородской области от 19 января 2009 года с кооператива в пользу В. Ю. Александра были взысканы личные сбережения в размере 363 712 руб., однако в ходе исполнительного производства взыскатель получил только 64 720,36 руб.

Оставшаяся невыплаченной часть присужденной суммы (294 183,42 руб.) была включена в реестр требований кредиторов к указанному кооперативу, признанному в 2011 году банкротом, в составе третьей очереди. Однако, поскольку конкурсное производство 13 марта 2014 года завершилось, а 23 апреля 2014 года кооператив был ликвидирован (определения Арбитражного суда Новгородской области от 15 сентября 2011 года, от 13 марта 2014 года и от 23 апреля 2014 года), заявитель указанную сумму так и не получил.

Между тем приговором Новгородского районного суда Новгородской области от 29 октября 2012 года, вступившим в силу 18 февраля 2013 года, граждане С. В. Качкаев и Н. Н. Качкаева, выполнявшие управленческие функции в указанном кооперативе, были признаны виновными в соверше-

нии преступления, предусмотренного частью второй статьи 201 «Злоупотребление полномочиями» УК Российской Федерации. В приговоре указывалось, что осужденные путем незаконной передачи в долг денежных средств юридическому лицу, одним из учредителей и руководителей которого также являлся С. В. Качкаев, причинили существенный вред правам и законным интересам кооператива «Взаимость» (ущерб равнялся 148 833 515,97 руб.).

Этим же приговором установлено, что в результате совместных действий подсудимых причинен существенный вред правам и законным интересам потерпевших, в том числе В. Ю. Александрову; суд признал за ним как потерпевшим и гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передал вопрос о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Решением Новгородского районного суда Новгородской области от 25 апреля 2016 года, с которым согласились вышестоящие суды (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда от 27 июля 2016 года, определение судьи Новгородского областного суда от 20 октября 2016 года и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года), В. Ю. Александрову было отказано в удовлетворении иска к С. В. Качкаеву и Н. Н. Качкаевой о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, на том основании, что ущерб преступлением причинен кооперативу «Взаимость», а не В. Ю. Александрову как его пайщику и что признание в приговоре за ним как гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска не является обязательным для суда, поскольку в соответствии с частью четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор, только по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации В. Ю. Александров просит признать часть четвертую статьи 61 ГПК Российской Федерации противоречащей статье 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ею не предусматривается преюдициальное (обязательное) значение той части приговора суда, которой признается право гражданского истца на удовлетворение гражданского иска.

2. Конституция Российской Федерации устанавливает, что признаваемые и гарантируемые в Российской Федерации права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; гарантируется государственная, в том числе судебная, защита прав и свобод человека и гражданина, каждому обеспечивается право защищать права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а решения и действия (бездействие) органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суд; права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 17, часть 1; статьи 18 и 45; статья 46, части 1 и 2; статья 52). Право на судебную защиту, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 25 июня 2013 года № 14-П; Определение от 17 сентября 2013 года № 1336-О и др.).

Гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших от преступлений к правосудию в целях защиты своих прав и законных интересов и компенсации причиненного ущерба, и возлагает решение этого вопроса на федерального законодателя, который, в свою очередь, вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, — как в рамках уголовного судопроизводства, так и путем искового производства по гражданскому делу; конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным, давал ему возможность быть выслушанным судом и обеспечивал эффективное восстановление его в правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 25 июня 2013 года № 14-П).

2.1. Федеральный законодатель — исходя из требований статей 46–53, 118, 120, 123 и 125–128 Конституции Российской Федерации — закрепляет способы и процедуры судебной защиты применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел, учитывая особенности соответствующих материальных правоотношений, характер рассматриваемых дел, существо и значимость вводимых санкций и правовые последствия их применения; этим, однако, не исключается возможность установления в рамках того или иного вида судопроизводства особых процедур, которые должны обеспечить эффективность судебной защиты прав и свобод человека и гражданина при рассмотрении определенных категорий дел (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П).

Одной из таких процедур, предназначенных для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (статья 52 Конституции Российской Федерации, пункт 1 части первой статьи 6 УПК Российской Федерации), является предъявление гражданского иска: потерпевший может по своему усмотрению предъявить гражданский иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, либо в рамках производства по уголовному делу, либо в порядке гражданского судопроизводства — с учетом установленной законом подведомственности дел в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд к лицу, обязанному возместить вред, причиненный преступлением.

Гражданский иск в уголовном деле вправе предъявить потерпевший, который признается гражданским истцом, к лицам, которые в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный преступлением, и признаются гражданскими ответчиками; он разрешается в приговоре суда по тем же правилам гражданского законодательства, что и иск в гражданском судопроизводстве, однако производство по гражданскому иску в уголовном судопроизводстве ведется по уголовно-процессуальным правилам, которые создают для потерпевшего повышенный уровень гарантий защиты его прав.

К таким гарантиям относится предусмотренная частью второй статьи 309 УПК Российской Федерации возможность признания в приговоре суда за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передачи вопроса о размере возмещения (при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства) для разрешения в порядке гражданского судопроизводства.

2.2. Право на полную и эффективную судебную защиту, по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учетом принципа правовой определенности как неотъемлемого элемента права на суд включает в себя

исполнимость вступивших в законную силу судебных решений. Соответственно, праву потерпевшего на заявление требования о возмещении причиненного преступлением вреда в рамках института гражданского иска в уголовном деле, как предназначенного для обеспечения наиболее эффективной судебной защиты прав потерпевшего от преступления, в том числе права на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ущерба, должна отвечать обязанность суда полно, всесторонне и объективно рассмотреть эти требования и принять по ним законное, обоснованное и мотивированное решение, обеспеченное гарантиями его признания и исполнения.

Из принципов общеобязательности и исполнимости вступивших в законную силу судебных решений, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в качестве актов судебной власти, обусловленных ее прерогативами, а также нормами, определяющими место и роль суда в правовой системе Российской Федерации, юридическую силу и значение его решений (статьи 10 и 118 Конституции Российской Федерации), вытекает признание преюдициального значения судебного решения, предполагающего, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности (постановления от 21 декабря 2011 года № 30-П и от 8 июня 2015 года № 14-П; определения от 6 ноября 2014 года № 2528-О, от 17 февраля 2015 года № 271-О и др.).

Следовательно, факты, установленные вступившим в законную силу приговором суда, имеющие значение для разрешения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, впредь до их опровержения должны приниматься судом, рассматривающим этот вопрос в порядке гражданского судопроизводства. Если же во вступившем в законную силу приговоре принято решение по существу гражданского иска, — в том числе в случае, когда такой иск разрешен в отношении права на возмещение вреда, а вопрос о размере возмещения передан для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, — оно является обязательным для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц, в том числе для судов, рассматривающих гражданские дела.

3. Часть четвертая статьи 61 ГПК Российской Федерации предусматривает преюдициальное значение в гражданском деле приговора по уголовному делу, в том числе по уголовному делу, в котором гражданский иск не предъявлялся или не был разрешен (часть третья статьи 31 ГПК Российской Федерации), а также в котором он был оставлен без рассмотрения в соответствии с частью третьей статьи 250 или частью второй статьи 306 УПК Российской Федерации (гражданский иск может быть оставлен без рассмотрения при неявке гражданского истца или его представителя, а также при постановлении оправдательного приговора, вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела по определенным основаниям). В указанных случаях отсутствуют препятствия для предъявления гражданским истцом своих требований в порядке гражданского судопроизводства, которые рассматриваются с учетом общего преюдициального значения вступившего в законную силу приговора суда.

В случае признания в приговоре права за гражданским истцом на удовлетворение гражданского иска суд обязан установить для этого соответствующие фактические и правовые основания. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации физические лица, которым пре-

ступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридические лица в случае причинения преступлением вреда их имуществу и деловой репутации признаются потерпевшими (статья 42), а при предъявлении ими в уголовном деле требований о возмещении вреда — гражданскими истцами (статья 44), при этом гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением (часть первая статьи 44), в качестве же гражданских ответчиков привлекаются лица, которые в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный преступлением (часть первая статьи 54).

Следовательно, удовлетворение гражданского иска по существу в приговоре — в части признания права за гражданским истцом на возмещение ему гражданским ответчиком вреда, причиненного непосредственно преступлением, — означает установление судом общих условий наступления гражданской деликтной (внедоговорной) ответственности: наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя, а также специальных ее условий, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 года № 1005-О-О).

В этом случае приговор суда не может рассматриваться как обычное письменное доказательство, обладающее свойством преюдициальности, так как этим приговором разрешен по существу гражданский иск о праве с определением в резолютивной части судебного акта прав и обязанностей участников материально-правового гражданского отношения, что нельзя игнорировать в гражданском деле. Если бы суд в приговоре отказал в удовлетворении иска, определив тем самым отрицательным образом права и обязанности участников спорного материального правоотношения, то действовали бы предписания пункта 2 части первой статьи 134 ГПК Российской Федерации, согласно которым судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если имеется вступившее в законную силу решение суда по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

Кроме того, свойства обязательности и преюдициальности вступившего в силу судебного решения различаются. Если преюдициальность обуславливает лишь признание в другом деле ранее установленных фактов (т. е. выступает формальным средством доказывания или основанием для освобождения от доказывания), то общеобязательность является более широким понятием, включающим наряду с преюдициальностью также исполнимость содержащихся в резолютивной части судебного решения властных предписаний о конкретных правах и обязанностях субъектов. Игнорирование в гражданском процессе выводов о признании права потерпевшего на возмещение вреда, содержащихся во вступившем в законную силу приговоре, может привести к фактическому преодолению окончательности и неопровержимости вступившего в законную силу судебного акта без соблюдения установленных законом особых процедурных условий его пересмотра, т. е. к произволу при осуществлении судебной власти, что противоречило бы ее конституционному назначению, как оно определено правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированными в его постановлениях от 11 мая 2005 года № 5-П и от 5 февраля 2007 года № 2-П.

Отказ суда, рассматривающего в порядке гражданского судопроизводства вопрос о размере возмещения причиненного преступлением вреда, ру-

ководствоваться приговором о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска являлся бы прямым нарушением предписаний части 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», части 8 статьи 5 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», части первой статьи 392 УПК Российской Федерации и части второй статьи 13 ГПК Российской Федерации, в соответствии с которыми вступившие в законную силу акты федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

На это обратил внимание судов Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в пункте 8 постановления от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении» указал: суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения; в решении суда об удовлетворении иска, помимо ссылки на приговор по уголовному делу, следует также приводить имеющиеся в гражданском деле доказательства, обосновывающие размер присужденной суммы (например, учет имущественного положения ответчика или вины потерпевшего).

Таким образом, оспариваемая заявителем часть четвертая статьи 61 ГПК Российской Федерации сама по себе не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителя, чей гражданский иск о признании за ним права на возмещение причиненного преступлением вреда был удовлетворен в уголовном деле при постановке приговора, в обозначенном в его жалобе аспекте.

Соответственно, его жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята им к рассмотрению. Проверка же правильности применения данной нормы судами при разрешении конкретного дела не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она закреплена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

18 июля
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1447-О

по жалобе граждан Вишневецкого Бориса Лазаревича и Шапчица Павла Анатольевича на нарушение их конституционных прав частью 3 статьи 9 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи Н. С. Бондаря, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан Б. Л. Вишневецкого и П. А. Шапчица,

у с т а н о в и л :

1. Граждане Б. Л. Вишневецкий и П. А. Шапчиц просят проверить конституционность части 3 статьи 9 Федерального закона от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», согласно которой физические лица и юридические лица, обладающие, что их права нарушены в связи с передачей религиозной организации имущества религиозного назначения, вправе обратиться в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, группа из двадцати человек, включая Б. Л. Вишневецкого и П. А. Шапчица, обратилась в Василеостровский районный суд города Санкт-Петербурга с коллективным административным иском к Комитету имущественных отношений Санкт-Петербурга, в котором требовала признать совершенное им действие по изданию распоряжения от 30 декабря 2016 года № 160-р «Об использовании объекта недвижимости по адресу: Санкт-Петербург, Исаакиевская площадь, д. 4, литера А» и приложения к нему незаконным, само распоряжение и приложение к нему – незаконными и недействующими с момента принятия, а также обязать административного ответчика устранить нарушение прав путем отмены данного распоряжения.

Оспариваемым административными истцами распоряжением предусмотрено осуществление соответствующими субъектами действий согласно приложению «План мероприятий», а именно: 1) определение Комитетом имущественных отношений Санкт-Петербурга совместно с Комитетом по культуре Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским государственным бюджетным учреждением культуры «Государственный музей-памятник «Исаакиевский

сбор»» (далее – Учреждение) возможности изъятия из оперативного управления Учреждения объекта, расположенного по указанному адресу, без предоставления взамен Учреждению обеспечивающих его деятельность помещений; 2) представление Учреждением сведений о составе и свойствах расположенных в объекте музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации; 3) заключение Учреждением договора с религиозной организацией «Русская Православная Церковь (Московский Патриархат)» о передаче в безвозмездное бессрочное пользование или пользование на определенный срок расположенных в объекте музейных предметов и музейных коллекций, входящих в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации; 4) после заключения указанного договора – принятие Комитетом имущественных отношений Санкт-Петербурга и Учреждением решения о подготовке распоряжения об изъятии объекта из оперативного управления Учреждения; 5) после издания соответствующего распоряжения – обеспечение Учреждением государственной регистрации прекращения права оперативного управления Учреждения на объект; 6) после заключения указанного договора – принятие Комитетом имущественных отношений Санкт-Петербурга решения о подготовке распоряжения о передаче объекта в безвозмездное пользование религиозной организации «Русская Православная Церковь (Московский Патриархат)» на срок 49 лет.

Отказывая определением от 27 января 2017 года в принятии административного искового заявления, Василеостровский районный суд города Санкт-Петербурга исходил из того, что оспариваемое распоряжение, по существу, является лишь решением о подготовке предложений о включении соответствующего имущества в план передачи религиозной организации и как таковое не влечет передачу религиозной организации имущества религиозного назначения, в связи с которой физические лица в силу части 3 статьи 9 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» вправе обратиться в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов. Данный судебный акт оставлен без изменения апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 2 марта 2017 года.

По мнению заявителей, примененное судами в их деле законоположение противоречит статьям 44 (части 2 и 3) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно – в интерпретации судебными органами – препятствует обращению физических лиц в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов, нарушенных иными, нежели принятие собственно решения о передаче имущества религиозного назначения религиозной организации, действиями органов государственной власти или местного самоуправления, связанными с передачей (подготовкой к передаче) такого имущества.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, определяющей смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемой правосудием, гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, включая возможность обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (статьи 2 и 18; статья 46, части 1 и 2).

Раскрывая нормативное содержание права на судебную защиту как одного из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно – как гарантии и средства обеспечения всех других прав и свобод, Конституцион-

ный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 2 июля 1998 года № 20-П, от 25 декабря 2001 года № 17-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П, от 19 июля 2011 года № 17-П, от 27 декабря 2012 года № 34-П, от 13 апреля 2017 года № 11-П и др.; определения от 25 января 2005 года № 42-О, от 13 июня 2006 года № 272-О и № 274-О, от 18 октября 2012 года № 1960-О, от 25 сентября 2014 года № 2295-О и др.):

право на судебную защиту предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости; этим предопределяется особая роль судебной власти, выражающаяся в том числе в судебном контроле за законностью решений и действий (или бездействия) субъектов, осуществляющих публично-властные функции, чем утверждается обусловленный признанием достоинства личности приоритет человека и его прав во всех сферах, его статус не объекта государственной деятельности, а равноправного субъекта, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов;

гарантии судебной защиты нарушенных прав должны носить всеобъемлющий характер, что вытекает из императива *justitia nemine neganda est* (нельзя никому отказывать в правосудии); соответственно, законодательное регулирование доступа к суду, включая определение условий и порядка реализации права на судебное обжалование решений и действий (или бездействия) органов и должностных лиц публичной власти, не должно отменять или умалять права и свободы человека и гражданина, возможные их ограничения должны быть соразмерными и обуславливаться необходимостью защиты конституционных ценностей, а нормативно установленные условия доступа к правосудию – с тем чтобы конституционные права и свободы были не иллюзорными, а реально действующими – обеспечивать осуществление своевременного, без неоправданных промедлений, судебного контроля за любыми влекущими нарушения прав, свобод и законных интересов граждан решениями и действиями (бездействием) субъектов публичной власти, притом что эффективный судебный контроль может быть как предварительным, так и последующим.

Универсальностью гарантий судебной защиты предопределяются возможности осуществления в порядке административного судопроизводства судебного контроля и за решениями субъектов публичной власти, носящими перспективный, длящийся характер, реализация которых сопряжена с осуществлением утвержденного ими поэтапного порядка действий в пределах конкретных сроков, определенных для их исполнения. Применительно к такого рода решениям осуществление судебного контроля, равно как и его безотлагательность необходимы в тех случаях, когда правоприменительный эффект этих решений, порождающий нарушение прав, свобод и законных интересов граждан или их объединений, проявляется еще до завершения всех предусмотренных ими мероприятий, а восстановление нарушенных прав после их исполнения в полном объеме может привести к ущемлению прав и свобод других лиц или иных публично значимых ценностей либо оказаться невозможным по причине фактически необратимого характера наступивших в результате его реализации последствий.

3. Определяя порядок рассмотрения административных дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного

самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации исходит из того, что гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия), если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности (часть 1 статьи 4 и часть 1 статьи 218); в частности, обратившиеся в суд лица могут настаивать на том, чтобы обязать административного ответчика воздержаться от совершения определенных действий, установить наличие или отсутствие полномочий на решение конкретного вопроса соответствующим субъектом (пункты 4 и 5 части 1 статьи 124); при этом административные истцы не обязаны доказывать незаконность оспариваемых решений, действий (бездействия), но обязаны подтверждать сведения о том, что оспариваемым решением, действием (бездействием) нарушены или могут быть нарушены права, свободы и законные интересы — как их собственные, так и неопределенного круга лиц — либо возникла реальная угроза их нарушения (пункт 2 части 2 статьи 62).

Из приведенных законоположений, конкретизирующих предписание статьи 46 Конституции Российской Федерации, следует, что судебная защита в форме оспаривания решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти гарантируется любому лицу при наличии оснований предполагать, что права и свободы, о защите которых просит лицо, ему принадлежат и что они были нарушены или существует реальная угроза их нарушения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 года № 109-О, от 26 мая 2016 года № 1145-О и от 25 мая 2017 года № 999-О). Соответственно, действующее административное процессуальное законодательство не препятствует оспариванию решений субъектов публичной власти на основании достоверного предположения о том, что реализация этих решений, не повлекшая нарушения тех или иных прав и свобод непосредственно на момент предъявления лицом административного искового заявления, неизбежно приведет к их нарушению. При этом Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, по смыслу пунктов 2 и 3 части 1 его статьи 128, не допускает произвольного отказа судьи в принятии административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти и обязывает его в каждом конкретном случае выяснять обстоятельства, с возникновением которых связано право лица на обращение в суд с таким заявлением.

3.1. Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», определяя порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности (часть 1 статьи 1), предусматривает в рамках этого порядка механизм урегулирования возможных разногласий и обжалования соответствующих решений, действий (бездействия) уполномоченных органов. Так, согласно его статье 9 физические лица и юридические лица вправе обращаться в уполномоченный орган и (или) созданную в соответствии с данной статьей комиссию с заявлением о возможных нарушениях их прав и (или) законных интересов в связи с принятием решения о передаче религиозной организации имущества религиозного назначения либо действием (бездействием) уполномоченного органа в связи с рассмотрением заявления религиозной организации (часть 2); те физические лица и юридические

лица, которые полагают, что их права нарушены в связи с передачей религиозной организации имущества религиозного назначения, вправе обратиться в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов (часть 3).

Приведенные законоположения не содержат каких-либо специальных изъятий из установленных главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации общего порядка и условий судебного оспаривания решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти; более того, они устанавливают дополнительную административно-юрисдикционную гарантию для заинтересованных лиц, которые на этапе рассмотрения заявления религиозной организации правомочны по своему усмотрению воспользоваться административным порядком рассмотрения дела (путем обращения в уполномоченный орган или комиссию) либо обратиться в суд, что прямо следует из части 3 статьи 9 названного Федерального закона, предусматривающей возможность для таких лиц обратиться за судебной защитой своих прав и (или) законных интересов, нарушенных, как они полагают, не только собственно передачей религиозной организации имущества религиозного назначения, но и в связи с такой передачей.

Такое правовое регулирование коррелирует с особенностями административной процедуры по передаче религиозным организациям государственного или муниципального недвижимого имущества религиозного назначения, принадлежащего на праве хозяйственного ведения или оперативного управления государственным или муниципальным унитарным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям, предполагающими – при невозможности передачи религиозным организациям соответствующего имущества без предоставления указанным предприятиям либо учреждениям обеспечивающих их деятельность служебных и производственных помещений, а также в случае предварительного предоставления организации культуры равноценных здания, помещения, обеспечивающих уставные виды деятельности указанной организации культуры, взамен здания, помещения, занимаемых организацией культуры и передаваемых религиозной организации, – необходимость формирования плана передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, содержащего мероприятия по высвобождению имущества (части 4 и 5, пункты 4 и 5 части 6 статьи 5 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»). Судебное оспаривание решения об утверждении такого плана – принимая во внимание возложенные на соответствующие учреждения, предприятия публично значимые функции, реализация которых связана с обеспечением прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений, равно как и возможный особый правовой статус закрепленных за ними объектов, включая принадлежность к объектам культурного наследия, – может приобретать значение реального гарантирования конституционных прав, в механизм обеспечения которых вовлечено конкретное государственное или муниципальное учреждение, предприятие.

3.2. Как следует из представленных материалов, обращение заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации связано с оспариванием ими в судебном порядке как незаконных и нарушающих их права действий исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга по изданию правового акта, намечающего план мероприятий по передаче имущества религиозного назначения религиозной организации; соответственно, они настаивают на признании части 3 статьи 9 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» противоре-

чащей Конституции Российской Федерации, поскольку полагают, что данная норма препятствует судебной защите гарантированного статьей 44 (часть 2) Конституции Российской Федерации права на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям применительно к решению вопроса о передаче религиозным организациям объектов культурного наследия народов Российской Федерации религиозного назначения на этапе до принятия уполномоченным органом окончательного решения о передаче такого имущества на основании сформированного плана.

Между тем, как было установлено судами в рамках административного дела с участием заявителей, распоряжение Комитета имущественных отношений Правительства Санкт-Петербурга от 30 декабря 2016 года № 160-р, которым было оформлено решение о подготовке предложений о включении соответствующего имущества в план передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, не подменяет и не может подменять собой решение о передаче соответствующего имущества, само по себе не порождает каких-либо юридически значимых последствий.

3.3. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, проверка правильности выбора правовых норм, подлежащих применению к тем или иным правоотношениям, и их казуального толкования с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, в том числе в связи с квалификацией правовой природы подлежащих судебной проверке решений органов публичной власти, равно как и оценка законности и обоснованности состоявшихся по этому делу судебных решений не входят в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, определенные статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, поскольку в системе действующего правового регулирования часть 3 статьи 9 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», конституционность которой подвергается сомнению в жалобе граждан Б. Л. Вишневого и П. А. Шапчица, не препятствует оспариванию в судебном порядке связанных с передачей религиозной организации имущества религиозного назначения решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти при наличии оснований предполагать, что права и свободы граждан или объединений граждан были нарушены либо существует реальная угроза их нарушения этими решениями и действиями (бездействием), данная жалоба, как не отвечающая критериям допустимости, предъявляемым к такого рода обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации, в соответствии с частью второй статьи 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу граждан Вишневого Бориса Лазаревича и Шапчица Павла Анатольевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного ими вопроса не требуется вынесение предусмотрен-

ного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю. М. Данилова

Выражая несогласие с принятым решением, считаю необходимым высказать свое мнение по существу затронутых в обращении вопросов.

1. В соответствии с частью третьей статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которого подвергается сомнению в обращении. Руководствуясь этими предписаниями, Суд должен предельно четко формулировать предмет обращения, с тем чтобы его (Суда) рассуждения и выводы касались только оспоренной нормы, избегая – в силу требований части четвертой статьи 11 названного Закона – опасности преждевременно выразить свое отношение к нормативному акту, который не подвергается сомнению и который может стать предметом его (Суда) рассмотрения в будущем.

Заявители в обращении просили признать положения части 3 статьи 9 Федерального закона от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в той мере, в какой они препятствуют обращению физических лиц в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов в связи с осуществлением органами государственной власти или местного само-

управления иных действий, нежели принятие решения о передаче имущества религиозного назначения религиозной организации, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 46 (части 1 и 2), 44 (части 2 и 3), что и является предметом рассмотрения по настоящему делу. При этом, мотивируя свою просьбу, заявители не исключали признание оспоренной нормы по ее буквальному смыслу – физические лица и юридические лица, которые полагают, что их права нарушены в связи с передачей религиозной организации имущества религиозного назначения, вправе обратиться в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов – соответствующей Конституции Российской Федерации; однако тот смысл, который ей придан сложившейся правоприменительной практикой, т. е. вступившими в законную силу решениями судов, отказавшими заявителям в рассмотрении их административного иска, сделал ее неконституционной.

Между тем оценивать не только буквальный смысл рассматриваемого акта, но и смысл, придаваемый ему официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, – обязанность Конституционного Суда, вытекающая из части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Закрепленное в части 3 статьи 9 Федерального закона от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям

имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» право граждан на обращение в суд за защитой своих нарушенных прав при решении вопросов о передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям обеспечивается положениями статьи 4 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в соответствии с которыми каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами.

В свою очередь, названные положения призваны обеспечить доступ к правосудию, предусмотренный Конституцией Российской Федерации: каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 46); право на судебную защиту не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (статья 56). Конституционный Суд Российской Федерации всегда рассматривал право на судебную защиту как одно из основных неотчуждаемых прав человека и гражданина, выделяя особое место судебной защите среди иных средств государственной защиты, осуществляемой самостоятельным и независимым в системе государственной власти органом правосудия, специально предназначенным для обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

2. Отказывая в принятии к рассмотрению административного иска граждан Б. Л. Вишневого, П. А. Шапчица и других, суды первой и апелляционной инстанций свое решение мотивировали тем, что распоряжение Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга от 30 декабря 2016 года № 160-р «Об использовании объекта недвижимости по адресу: Санкт-Петербург, Исаакиевская площадь, д. 4, литера А» не порождает каких-либо

юридически значимых последствий, прав и законных интересов административных истцов не нарушает.

Однако при этом вывод об отсутствии нарушений прав граждан суды сделали без проведения судебных слушаний, сославшись на положения статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (суд первой инстанции ошибочно сослался на пункт 1 части 1 названной статьи), в соответствии с которыми судья отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если из административного искового заявления об оспаривании нормативного правового акта, решения не следует, что этим актом, решением нарушаются либо иным образом затрагиваются права, свободы и законные интересы административного истца. Суд первой инстанции принял решение об отказе в рассмотрении дела без вызова сторон, суд апелляционной инстанции также провел слушания в так называемом «упрощенном» порядке, не выслушав непосредственно ни доводы истцов, ни возражения ответчиков, чем нарушены положения статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации о том, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а также принципы административного судопроизводства, изложенные в пунктах 6 и 7 статьи 6 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, о непосредственности судебного разбирательства и о состязательности и равноправии сторон в административном судопроизводстве при активной роли суда.

Оставление иска без рассмотрения в этих случаях возможно, когда оспариваемый нормативный акт заведомо не влечет непосредственно для административного лица каких-либо правовых последствий. Если же вопрос о распространении действия правового акта на истца находится в плоскости толкования конкретной правовой нормы или связан с установлением фактических обстоятельств, то отказ в принятии к рассмотрению административного иска по своей сути означает отказ в судебной защите, так как в этих случаях суд обязан принять административное исковое заявление и в рамках судебной процедуры дать оценку доводам сторон. Такую позицию занимает Верховный Суд Российской Федерации, разъяснив аналогичные нормативные положения Гражданского процессуального

кодекса Российской Федерации в пункте 11 постановления от 29 ноября 2007 года № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»: судья отказывает в принятии заявления в соответствии с пунктом 1 части первой статьи 134 или частью восьмой статьи 251 названного Кодекса в случаях, когда в заявлении гражданина или организации оспаривается полностью или в части нормативный правовой акт, *очевидно* не затрагивающий их права и свободы, тогда как это обстоятельство является необходимым условием проверки акта или его части в порядке, предусмотренном главой 24 данного Кодекса (например, заявление граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, об оспаривании полностью или в части нормативных правовых актов, регулирующих отношения с участием организаций и индивидуальных предпринимателей).

3. Отступление от названных предписаний закона о необходимости исследовать фактические отношения при решении вопроса о наличии или отсутствии нарушения прав и законных интересов истцов привело к тому, что суды не установили и таким образом оставили без оценки ряд обстоятельств, имеющих существенное, если не решающее, значение для правильного разрешения заявленных требований.

Статья 6 Федерального закона от 30 ноября 2010 года № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» основанием *для рассмотрения вопроса* о передаче религиозной организации государственного или муниципального имущества религиозного назначения называет заявление религиозной организации (в произвольной форме), представленное в письменной форме уполномоченному органу после согласования с вышестоящим руководящим органом (Центром) религиозной организации. Следовательно, единственным обязательным поводом для принятия какого бы то ни было акта не только о передаче, но и о подготовке к таковой имущества религиозного назначения является соответствующее обращение религиозной организации. Между тем из ответа губернатора Санкт-Петербурга депутатам Законодательного Собрания от 11 мая 2017 года № 07-105/111 (имеется в деле Конституционного Суда) усматривается, что по состоянию на 3 мая

2017 года заявка о передаче здания Исаакиевского собора в безвозмездное пользование РПЦ в Правительство Санкт-Петербурга не поступала, а в рамках деятельности по осуществлению своих полномочий Правительством Санкт-Петербурга лишь проводится анализ публикаций в средствах массовой информации, массовых публичных выступлений, письменных обращений граждан и депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в органы государственной власти Санкт-Петербурга и Российской Федерации для учета мнения жителей по вопросу передачи здания Исаакиевского собора в безвозмездное пользование РПЦ.

Таким образом, и на день вынесения оспоренного распоряжения Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга от 30 декабря 2016 года, и на день принятия судом апелляционной инстанции решения по административному иску 2 марта 2017 года установленное законом обязательное условие *для рассмотрения вопроса* о возможности либо невозможности передачи имущества религиозного назначения — заявление религиозной организации, предоставленное в письменной форме после согласования с вышестоящим руководящим органом (Центром) религиозной организации, — отсутствовало. Без исследования этого фактического обстоятельства и его оценки в рамках полноценной судебной процедуры суды первой и апелляционной инстанций не были в состоянии прийти к обоснованному выводу о наличии или отсутствии нарушения прав и законных интересов заявителей.

4. Отступление судов первой и апелляционной инстанций от требований всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела поставило Конституционный Суд Российской Федерации перед необходимостью высказать суждения и сделать выводы — за пределами своей компетенции — в отношении нормативных актов, не входящих в предмет рассмотрения дела, как он заявлен гражданами: распоряжения Комитета по имущественным отношениям от 30 декабря 2016 года и положений статей 1 (часть 1) и 5 (части 4, 5 и 6) Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или в муниципальной собственности». При этом Суд в определении справедливо указал, что проверка правильности выбора правовых норм, подлежащих применению

к данным правовым отношениям, и их казуального истолкования правоприменителями с учетом фактических обстоятельств конкретного дела, равно как и оценка законности и обоснованности судебных решений не входят в полномочия Конституционного Суда Российской Федерации в силу статьи 125 Конституции Российской Федерации и статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми Конституционный Суд Российской Федерации решает исключительно вопросы права и при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов.

В результате основополагающее фактическое обстоятельство — отсутствие необходимого и обязательного условия *рассмотрения вопроса* о передаче имущества религиозного назначения, т. е. наличие соответствующего обращения об этом со стороны религиозной организации — оказалось не установленным и не исследованным как судами общей юрисдикции, так и Конституционным Судом Российской Федерации в рамках предварительного изучения соответствующего обращения.

Таким образом, есть все основания полагать, что право на судебную защиту, признаваемое и гарантированное согласно общепризнанным нормам международного права и Конституцией Российской Федерации, в отношении заявителей было нарушено.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

21 сентября
2017 года,
город Санкт-
Петербург
№ 1789-О

по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности подпункта «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, заслушав заключение судьи С. М. Казанцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации группа депутатов Государственной Думы оспаривает конституционность подпунк-

та «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому одним из оснований отказа в регистрации списка кандидатов, отказа в проведении референдума является превышение числа кандидатов, исключенных из списка кандидатов по заявлениям кандидатов о снятии своих кандидатур, решению избирательного объединения (за исключением выбытия по вынуждающим к тому обстоятельствам), а также по решению избирательной комиссии, принятому в связи с наличием предусмотренных пунктом 26 данной статьи оснований для такого исключения, более чем на 25 процентов от общего числа кандидатов в заверенном списке кандидатов на выборах в федеральные органы государственной власти и более чем на 50 процентов от общего числа кандидатов в заверенном списке кандидатов на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

По мнению заявителей, исключение из списка кандидатов по заявлению самих кандидатов о снятии своих кандидатур, решению избирательного объединения либо по решению избирательной комиссии дискредитирует оставшихся в списке кандидатов, необоснованно ограничивает их пассивное избирательное право и влечет невозможность участия всего избирательного объединения (политической партии) в выборах, а отказ в регистрации списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением (политической партией), ограничивает активное избирательное право граждан – сторонников политической партии, выдвинувшей список кандидатов, препятствует цели обеспечения представительного характера федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; это противоречит принципу свободных выборов, предполагающему, что участие гражданина в выборах как в качестве избирателя, так и в качестве кандидата в депутаты является свободным и добровольным, а также принципу равенства при осуществлении избирательных прав и индивидуальному характеру пассивного избирательного права.

В связи с этим заявители просят признать подпункт «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не соответствующим статьям 3, 13, 19, 30, 32 и 55 Конституции Российской Федерации.

2. Вопрос о конституционности законоположений, закрепляющих выбытие одного или нескольких кандидатов в депутаты в качестве основания для отказа в регистрации списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением, уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в Постановлении от 25 апреля 2000 года № 7-П Конституционный Суд Российской Федерации признал не соответствующим Конституции Российской Федерации положение пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», согласно которому в случае выбытия одного или более кандидатов, занимающих первые три места в общефедеральной части заверенного федерального списка кандидатов (за исключением выбытия по вынуждающим обстоятельствам), Центральная избирательная комиссия Российской Федерации отказывает в регистрации федерального списка кандидатов либо отменяет ее.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципа свободных выборов, предполагающего, по смыслу статей 3 (часть 3) и 32

(часть 2) Конституции Российской Федерации, что участие гражданина в выборах как в качестве избирателя, так и в качестве кандидата в депутаты является свободным и добровольным, из принципа равенства при осуществлении избирательных прав и индивидуального характера пассивного избирательного права следует, что отказ от участия в выборах кандидата в депутаты, занимающего одно из первых трех мест в общефедеральной части заверенного федерального списка кандидатов, а равно исключение его из списка по инициативе избирательного объединения или по инициативе Центральной избирательной комиссии Российской Федерации не могут рассматриваться как основания для ограничения пассивного избирательного права других кандидатов, входящих в список; отказ в регистрации федерального списка, выдвинутого избирательным объединением, или ее отмена вследствие выбытия хотя бы одного из кандидатов, занимавших первые три места в общефедеральной части списка, необоснованно ограничивают активное избирательное право граждан, лишают их возможности выразить свою волю в отношении кандидатов, выдвинутых соответствующим избирательным объединением, препятствуя тем самым достижению цели обеспечения представительного характера Государственной Думы как органа законодательной власти.

В другом своем Постановлении (от 11 марта 2008 года № 4-П) Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащим Конституции Российской Федерации подпункт «л» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает для случаев, когда список кандидатов при его выдвижении избирательным объединением – политической партией разделяется на значительное число региональных групп, необходимость установления соответствующим законом возможности разумного уменьшения числа региональных групп к моменту регистрации и (или) уменьшения числа кандидатов в группе и допускает возможность отказа в регистрации списка кандидатов при выбытии из него лишь значительного числа кандидатов из региональных групп кандидатов, в результате чего число таких групп в списке кандидатов оказывается меньше установленного законом.

В данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что статья 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» позволяет кандидату, выдвинутому в составе списка кандидатов, не позднее чем за 15 дней до дня голосования представить в соответствующую избирательную комиссию письменное заявление о снятии своей кандидатуры, а комиссии, заверившей или зарегистрировавшей список кандидатов, – исключить его из этого списка (пункт 30); превышение же числа кандидатов, исключенных из списка кандидатов по заявлениям о снятии своих кандидатур, по решению избирательного объединения (за исключением выбытия по вынуждающим к тому обстоятельствам) либо по решению избирательной комиссии, более чем на 25 процентов от общего числа кандидатов – в заверенном списке кандидатов на выборах в федеральные органы государственной власти и более чем на 50 процентов от общего числа кандидатов – в заверенном списке кандидатов на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления является основанием для отказа в регистрации списка кандидатов (подпункт «з» пункта 25); тем самым Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает процент допустимого вы-

бытия кандидатов из списка кандидатов в качестве гарантии обеспечения права на свободные выборы, под защитой которой находятся как избирательные объединения, так и граждане при реализации ими активного и пассивного избирательного права.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации ориентируют на то, что процент допустимого выбытия кандидатов из списка кандидатов, превышение которого влечет отказ в регистрации списка кандидатов, во всяком случае должен быть значительным и федеральный законодатель вправе установить такое ограничение избирательных прав, как процент допустимого выбытия кандидатов из списка кандидатов, превышение которого влечет отказ от регистрации всего списка кандидатов.

3. Определенный в подпункте «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» процент (25 процентов для федерального уровня и 50 процентов – для регионального уровня) выбытия кандидатов из списка кандидатов по неуважительным причинам является значительным и служит критерием, свидетельствующим о неспособности избирательного объединения (политической партии) обеспечить как свое участие в выборах различного уровня, так и участие граждан путем выражения воли в реализации пассивного избирательного права. При этом для целей данной нормы не учитываются кандидаты, выбывшие из списка кандидатов по обстоятельствам, вынуждающим кандидата снять свою кандидатуру, а избирательное объединение – отозвать выдвинутого им зарегистрированного кандидата, к числу которых относятся ограничение судом дееспособности, тяжелая болезнь, стойкое расстройство здоровья кандидата и его близких родственников, избрание (назначение) кандидата на государственную или муниципальную должность.

Таким образом, подпункт «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», рассматриваемый в свете приведенных правовых позиций, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации, не содержит неопределенности с точки зрения его соответствия Конституции Российской Федерации, а потому запрос группы депутатов Государственной Думы, как не отвечающий критерию допустимости такого рода обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, установленному Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», не подлежит дальнейшему рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации.

Этим не исключается право федерального законодателя – исходя из требований Конституции Российской Федерации, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и с учетом особенностей действующей избирательной системы – внести изменения в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в части определения оснований отказа в регистрации списка кандидатов в депутаты, выдвинутого политической партией, в случае исключения из него значительного числа кандидатов.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос группы депутатов Государственной Думы не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург
№ 2252-О

по жалобе гражданина Хасенова
Ибрагима Насрудиновича на нарушение
его конституционных прав частью
второй¹ статьи 281 Уголовно-
процессуального кодекса Российской
Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. Д. Рудкина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина И. Н. Хасенова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин И. Н. Хасенов оспаривает конституционность части второй¹ статьи 281 УПК Российской Федерации, согласно которой в случаях, предусмотренных пунктами 2–5 части второй данной статьи (т. е. в случаях тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд; в случае, если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным), решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, может быть принято судом при

условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Как следует из представленных материалов, приговором Кировского районного суда города Ростова-на-Дону от 16 августа 2016 года И. Н. Хасенов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК Российской Федерации (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). В ходе судебного разбирательства по уголовному делу были оглашены показания свидетеля Г., данные им в ходе предварительного расследования, поскольку в результате принятых мер установить место его нахождения для вызова в судебное заседание не представилось возможным (пункт 5 части второй статьи 281 УПК Российской Федерации). Сторона защиты возражала против оглашения показаний, ссылаясь на незаконность этого судебного действия. Однако суд счел ее доводы несостоятельными и посчитал возможным положить оглашенные показания в основу обвинения, указав в приговоре, что перед их оглашением данный вопрос обсуждался и судом были предприняты все возможные усилия для вызова свидетеля, который был допрошен, согласно протоколу этого следственного действия, с соблюдением требований уголовно-процессуального закона и показания которого согласуются с другими показаниями по уголовному делу и иными материалами дела.

Апелляционным определением от 20 декабря 2016 года судебная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда оставила приговор без изменения. Ссылку стороны защиты на то, что суд первой инстанции не принял надлежащих мер по вызову свидетеля Г. и его показания оглашены незаконно, судебная коллегия признала необоснованной, а также учла, что при опознании 5 августа 2015 года Г. указал на И. Н. Хасенова как на лицо, совершившее преступление в отношении потерпевшего, причем это следственное действие проводилось с участием адвоката, у И. Н. Хасенова и его защитника имелась возможность выразить свою позицию, сделать какие-либо заявления или замечания, связанные с пояснениями Г.

С доводами стороны защиты о нарушении порядка оглашения показаний не согласились и судьи судов кассационной инстанции, изучавшие поданные в интересах И. Н. Хасенова его защитником кассационные жалобы. Так, судья Ростовского областного суда в постановлении от 14 марта 2017 года об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отметил, что протокол допроса Г. составлен с соблюдением требований уголовно-процессуального закона, а потому суд первой инстанции правомерно посчитал возможным огласить его показания. Отказывая, в свою очередь, в такой передаче постановлением от 3 августа 2017 года, судья Верховного Суда Российской Федерации исходил из того, что судом первой инстанции предприняты исчерпывающие меры для установления места нахождения Г., не давшие результатов, и что о его показаниях были осведомлены участники уголовного судопроизводства, которые не были лишены возможности оспорить их в ходе производства по делу.

Нарушение частью второй¹ статьи 281 УПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 1, 2, 17, 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 55 (часть 3), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации, И. Н. Хасенов усматривает в том, что эта норма не устанавливает перечень следственных действий, производство которых на стадии предварительного расследования дает возможность подозреваемому, обвиняемому оспорить показания, данные против него свидетелем, не позволяет

подозреваемому, обвиняемому реализовать право допросить такого свидетеля и опровергнуть его показания и тем самым, будучи неопределенной, допускает формальный подход к ее толкованию и произвольное применение.

2. В силу статьи 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (части 1 и 2) и 123 (часть 3) право на судебную защиту как одно из основных и неотчуждаемых прав человека признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. По смыслу ее статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17–19 и 118 (часть 1), в России, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод и предполагает наличие таких конкретных правовых гарантий, которые позволяют реализовать данное право в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства, на основе состязательности и равноправия сторон судопроизводства.

Из этих конституционных норм и корреспондирующих им положений международно-правовых актов, в частности статей 8 и 29 Всеобщей декларации прав человека, пункта 2, подпункта «а» пункта 3 статьи 2 и пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, следует, что устанавливаемые законодателем институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав должны отвечать критериям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения, без чего, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (Постановление от 25 июня 2013 года № 14-П, Определение от 2 июля 2015 года № 1543-О).

Федеральный законодатель, закрепляя порядок отправления правосудия, обязан предусмотреть механизм (процедуру), обеспечивающий принятие правосудного – т. е. законного, обоснованного и справедливого – решения по делу, своевременность защиты прав участвующих в деле лиц, всесторонность и объективность разрешения дела. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту оказывалось бы ущемленным (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 27 октября 2015 года № 28-П и др.). Соответствие правосудия требованиям справедливости в рамках уголовного судопроизводства предполагает, по меньшей мере, установление обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины (или невиновности) лица в совершении инкриминируемого деяния (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2009 года № 46-О-О, от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1185-О-О, от 28 июня 2012 года № 1274-О и др.), что возможно лишь на основе проверки и оценки доказательств, отвечающих требованиям относимости, допустимости и достоверности, – только тогда суд может правильно определить, имело ли место деяние, в совершении

которого обвиняется подсудимый, доказано ли, что его совершил подсудимый, является ли это деяние преступлением и какой нормой уголовного закона оно предусмотрено (статьи 73, 74, 85–88 и 299 УПК Российской Федерации); в противном случае ставилась бы под сомнение правосудность решения по делу.

Неявка в судебное заседание потерпевшего или свидетеля, показания которых служат лишь одним из доказательств по уголовному делу, не должна отражаться на эффективности восстановления в правах, всесторонности и объективности разрешения дела судом, соблюдении принципов состязательности и равноправия сторон, а также на обеспечении мер по охране прав участников уголовного судопроизводства, в том числе – как того требуют Международный пакт о гражданских и политических правах (подпункт «е» пункта 3 статьи 14) и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подпункт «d» пункта 3 статьи 6), являющиеся согласно Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 4) составной частью правовой системы России, – права лица при рассмотрении предъявленного ему обвинения допрашивать показывающих против него свидетелей или права на то, чтобы эти свидетели были допрошены, права на вызов и допрос свидетелей, дающих показания в его пользу, на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него.

3. В развитие конституционных положений и норм международного права Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон; в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию; суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств; суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (статья 15 и часть первая статьи 240).

Оглашение же показаний не явившихся в суд потерпевшего или свидетеля, данных при производстве предварительного расследования, рассматривается как исключение и допускается лишь в случаях, предусмотренных законом (часть вторая статьи 240, статьи 276 и 281 УПК Российской Федерации), что обусловлено как необходимостью устранения неравенства в процессуальных возможностях по исследованию доказательств между стороной защиты и стороной обвинения, проводившей допросы потерпевших и свидетелей в ходе досудебного производства и составившей соответствующие протоколы, так и стремлением создать для суда условия, при которых ему обеспечиваются свободные от постороннего влияния восприятие и оценка показаний участников уголовного судопроизводства.

При этом статья 281 УПК Российской Федерации не предусматривает возможности расширительного толкования перечня случаев, когда допускается оглашение в суде показаний, ранее данных потерпевшими и свидетелями, отсутствующими в судебном заседании. Оглашение таких показаний не должно ограничивать право обвиняемого на эффективную судебную защиту, что гарантируется, помимо прочего, статьями 278 и 281 УПК Российской Федерации, не предусматривающими каких-либо изъятий из установленного порядка доказывания по уголовным делам, согласно которому, в частности, в основу обвинительного приговора могут быть положены лишь доказательства, не вызывающие сомнения с точки зрения их достоверности и соответствия закону. Сомнения, возникающие при оценке

оглашенных в суде показаний на предмет их допустимости и достоверности, в силу статьи 49 (часть 3) Конституции Российской Федерации должны истолковываться в пользу обвиняемого. В случае оглашения судом – при наличии указанных в законе оснований – изобличающих обвиняемого показаний отсутствующего лица и последующего их использования сторонам должна быть предоставлена возможность защиты своих интересов в суде всеми предусмотренными законом способами, включая оспаривание оглашенных показаний и заявление ходатайств об их проверке с помощью других доказательств, а также путем использования иных средств, способствующих предупреждению, выявлению и устранению ошибок при принятии судебных решений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 октября 2000 года № 233-О, от 21 декабря 2000 года № 291-О, от 14 октября 2004 года № 326-О, от 7 декабря 2006 года № 548-О, от 20 марта 2008 года № 188-О-О, от 16 апреля 2009 года № 440-О-О, от 23 декабря 2014 года № 2951-О, от 29 сентября 2016 года № 1792-О, от 28 марта 2017 года № 529-О и др.).

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации согласуются с практикой Европейского Суда по правам человека, полагающего, что подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отражает принцип, в силу которого до осуждения обвиняемого все доказательства против него должны быть представлены в его присутствии в открытом заседании с учетом требования состязательности; неявка свидетеля должна иметь веские основания (уважительные причины), а сторона обвинения должна предпринять достаточные попытки (проявить немалую настойчивость) при вызове ключевых свидетелей, место проживания которых неизвестно или которые проживают за границей; показания второстепенных свидетелей могут быть запроколированы с целью последующего использования в суде при условии соблюдения прав стороны защиты на досудебной стадии производства по делу; обвиняемому должна быть предоставлена возможность задать вопросы свидетелю или оспорить достоверность его показаний в момент их дачи либо на более поздней стадии разбирательства; поскольку оглашением показаний – даже при наличии уважительной причины неявки свидетеля в суд – права стороны защиты могут быть ограничены в степени, несовместимой с гарантиями, закрепленными в статье 6 названной Конвенции, если осуждение основано исключительно или в решающей степени на показаниях лица, которого обвиняемый не имел возможности допросить, постольку в этом случае требуются достаточные уравновешивающие факторы, включая прочные процессуальные гарантии справедливой и надлежащей оценки достоверности таких показаний (постановления от 27 февраля 2001 года по делу «Лука (Luca) против Италии» и от 31 октября 2001 года по делу «Солаков (Solakov) против Македонии»; § 118, 119 и 147 постановления Большой Палаты от 15 декабря 2011 года по делу «Аль-Хавайя и Тахири (Al-Khawaja and Tahery) против Соединенного Королевства»; постановления от 27 марта 2014 года по делу «Матыцина против России» и от 5 ноября 2015 года по делу «Чукаев против России»; § 161 и 162 постановления от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России»).

Таким образом, по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, оглашение показаний, данных не явившимися в суд потерпевшим или свидетелем при производстве предварительного расследования, допускается лишь в исключительных случаях, предусмотренных законом, если обеспечена надлежащая оценка достоверности этих показаний в качестве доказательств, а у обвиняемого была возможность задать вопросы показывающему лицу или

оспорить достоверность его показаний на стадии досудебного производства или в предыдущих судебных стадиях разбирательства по уголовному делу. При этом сторона обвинения обязана предпринять исчерпывающие меры для обеспечения участия в судебном заседании не явившихся свидетеля или потерпевшего.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части четвертой статьи 46 закрепляет права подозреваемого знать, в чем он подозревается, давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения, представлять доказательства, заявлять ходатайства, в том числе о проведении следственных действий, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда (пункты 1, 2, 4, 5 и 8–10). Еще большими правами обладает обвиняемый, который вправе знать, в чем он обвиняется, получить копию постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, копию обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению, представлять доказательства, заявлять ходатайства, в том числе о проведении следственных действий, участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника либо законного представителя, знакомиться с протоколами этих действий и подавать на них замечания, знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом (пункты 1–5, 10, 12 и 14 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации).

При этом суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому их права и обеспечивать возможность реализации этих прав (часть первая статьи 11 УПК Российской Федерации). Тем самым на досудебной стадии использование всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе возлагается на прокурора, следователя, дознавателя. Осуществлением указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме, гарантируемым их особым процессуальным статусом и полномочиями, а также наличием судебного контроля в отношении их действий и решений, предопределяется в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению прав и свобод правосудием (статьи 2 и 18 Конституции Российской Федерации) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П).

Так, по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет, какие у них имеются ходатайства или иные заявления, какие свидетели, эксперты, специалисты подлежат вызову в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты; в случае удовлетворения ходатайства, заявленного участником производства по уголовному делу, следователь дополняет материалы

уголовного дела, ознакомление с которыми гарантируется уголовно-процессуальным законом (статья 217 и часть первая статьи 219 УПК Российской Федерации). В статье же 159 УПК Российской Федерации прямо закреплено, что подозреваемому или обвиняемому, его защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела; защитнику не может быть отказано в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, за исключением случая, предусмотренного частью третьей статьи 11 данного Кодекса; при полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства следователь, дознаватель выносит постановление, которое может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 данного Кодекса.

Введенная Федеральным законом от 2 марта 2016 года № 40-ФЗ в статью 281 УПК Российской Федерации часть вторая¹ подлежит применению во взаимосвязи с названными и иными положениями уголовно-процессуального закона, обеспечивающими обвиняемому в уголовном судопроизводстве право на защиту и право на справедливое судебное разбирательство, и не требует дополнительной конкретизации в виде исчерпывающего перечня средств оспаривания соответствующих показаний. Вместе с тем реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами.

5. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации показания потерпевшего, свидетеля – сведения, сообщенные ими на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде, – допускаются в качестве доказательств (статьи 74, 78 и 79) и подлежат проверке дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (статья 87), а также оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности; в случаях, указанных в части второй статьи 75 данного Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе; такое доказательство не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление; суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 данного Кодекса (статья 88). В судебном заседании сторона защиты вправе заявлять ходатайства, представлять доказательства, участвовать в их исследовании, высказываться в судебных прениях, а после вынесения приговора – обжаловать его, в том числе в связи с нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными при собирании и проверке доказательств (статьи 244, 389¹⁵ и 389¹⁷ УПК Российской Федерации).

На выполнение данных предписаний ориентирует суды и пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре», в котором разъяснено, что суд не вправе оглашать без согласия сторон показания не явившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участи-

ем, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения); сведения, содержащиеся в оглашенных показаниях, как и другие доказательства, могут быть положены в основу выводов суда лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным статьями 87 и 88 УПК Российской Федерации; при этом суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

Следовательно, суды при оценке доказательств по уголовному делу, в том числе оглашенных показаний не явившихся свидетеля или потерпевшего, должны учитывать все обстоятельства, связанные с причинами их неявки и с их участием в предшествующих судебному разбирательству стадиях уголовного судопроизводства, а также с наличием либо отсутствием у подозреваемого, обвиняемого или его защитника возможности, узнав о содержании показаний, данных свидетелем или потерпевшим, оспорить (поставить под сомнение) эти показания в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, заявив соответствующие ходатайства.

6. Таким образом, часть вторая¹ статьи 281 УПК Российской Федерации, предусматривающая дополнительную гарантию прав обвиняемого (подсудимого) при оглашении показаний свидетеля или потерпевшего, не явившихся в суд, в том числе если в результате принятых мер установить место их нахождения для вызова в судебное заседание не представилось возможным, и применяемая в системе действующего уголовно-процессуального регулирования, не содержит неопределенности и сама по себе не может расцениваться как нарушающая конституционные права заявителя в указанном им аспекте. Проверка же законности и обоснованности ее применения в деле заявителя к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать жалобу гражданина Хасенова Ибрагима Насрудиновича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного им вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 2253-О

по запросу группы депутатов
Государственной Думы о проверке
конституционности части 9 статьи 88
и части 3 статьи 89 Федерального
закона «О выборах депутатов
Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. С. Бондаря, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации группа депутатов Государственной Думы оспаривает конституционность следующих положений Федерального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»:

части 9 статьи 88, согласно которой если за один федеральный список кандидатов подано более 50 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу, а остальные федеральные списки кандидатов получили менее 5 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании, к распределению депутатских мандатов допускается указанный федеральный список кандидатов, а также федеральный список кандидатов, получивший наибольшее число голосов избирателей, принявших участие в голосовании, из числа федеральных списков кандидатов, получивших менее 5 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании;

части 3 статьи 89, согласно которой если после первичного распределения депутатских мандатов, осуществленного в соответствии с частью 2 данной статьи, остаются нераспределенные депутатские мандаты, проводится их вторичное распределение; нераспределенные депутатские мандаты передаются по одному тем федеральным спискам кандидатов, у которых оказывается наибольшей дробная часть числа, полученного в результате деления, предусмотренного частью 2 данной статьи; при равенстве дробных частей (после запятой до шестого знака включительно) преимущество отдается тому федеральному списку кандидатов, за который подано большее число голосов избирателей.

Настаивая на признании оспариваемых законоположений не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 3, 13, 19, 30,

32 и 55, заявители утверждают, что метод вторичного распределения мандатов путем передачи по одному федеральным спискам кандидатов, у которых больше дробная часть числа, полученного в результате деления набранных списком голосов на первое избирательное частное, искажает принцип пропорционального распределения депутатских мандатов, поскольку для получения одного мандата каждой политической партии приходится собрать различное количество голосов; такой метод распределения мандатов содержит присущий мажоритарной составляющей избирательной системы недостаток, связанный с потерей голосов и искажением воли избирателей: кандидат, набравший больше голосов по отношению к другим кандидатам, в совокупности не получает поддержки большинства избирателей; в результате практического применения указанного метода распределения мандатов политическая партия, федеральный список кандидатов которой получил большее количество голосов избирателей, чем списки кандидатов остальных политических партий, дополнительно к количеству голосов избирателей, отданных за кандидатов, избранных по одномандатным округам, получает голоса избирателей по таким округам, которые проголосовали за кандидатов других политических партий, и в результате нарушается принцип пропорциональности распределения мандатов.

Полагая, что депутатские мандаты между списками кандидатов должны распределяться исключительно пропорционально поданным за эти списки голосам избирателей, заявители со ссылкой на опыт некоторых европейских стран (но не называя, какие именно) настаивают на том, чтобы распределение депутатских мандатов осуществлялось с учетом вычитания из определенного для каждой политической партии результата, полученного на основе голосования за соответствующий список кандидатов, числа мандатов, которые получают кандидаты, выдвинутые соответствующей политической партией по одномандатным избирательным округам.

Вместе с тем заявители полагают, что, по смыслу частей 7–10 статьи 88 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», дополнительные нераспределенные мандаты, оставшиеся от политических партий, федеральные списки кандидатов которых не преодолели пятипроцентный барьер, будут отданы политической партии, федеральный список кандидатов которой набрал больше всего голосов избирателей, что противоречит установленному статьей 10 данного Федерального закона принципу пропорциональности распределения депутатских мандатов, ограничивая активное и пассивное избирательные права граждан.

2. Конституция Российской Федерации предусматривает, что Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления; носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (статья 1, часть 1; статья 3, части 1–3); граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, избирать и быть избранными в органы государственной власти (статья 32, части 1 и 2); государство гарантирует гражданам равенство этих конституционных прав и их реализацию в условиях политического и идеологического многообразия и многопартийности (статья 13, часть 3; статья 19, часть 2; статья 30).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют положения таких международных договоров Российской Федерации, как Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 25) и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статья 3 Протокола № 1), а также Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 года, которая, выражая стремление к утверждению и совершенствованию демократических систем представительного правления на основе максимального учета национальных и исторических традиций, исходит из того, что законодательное регулирование порядка выборов (избирательные системы) не должно ограничивать или отменять общепризнанные права и свободы человека и гражданина и конституционные и (или) законодательные гарантии их реализации или носить дискриминационный характер (пункт 3 статьи 1).

В соответствии с лежащими в основе конституционного строя России принципами представительной демократии, такими как народный суверенитет, многопартийность и участие граждан на равных основаниях в управлении делами государства через своих представителей, в том числе посредством их избрания, Конституция Российской Федерации предусматривает, что депутаты Государственной Думы как одной из палат Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, являющегося представительным и законодательным органом Российской Федерации, становятся носителями государственной власти в результате свободных выборов как высшего непосредственного выражения власти народа (статья 94; статья 95, части 1 и 5; статья 96, часть 1; статья 97). При этом Конституция Российской Федерации прямо не устанавливает конкретный вид избирательной системы, применяемой при проведении выборов депутатов Государственной Думы, и не предопределяет использование какого-либо конкретного способа распределения депутатских мандатов по итогам таких выборов, – разрешение этих вопросов в силу ее статьи 96 (часть 2) относится к исключительным прерогативам федерального законодателя, который при осуществлении соответствующего правового регулирования обладает весьма широкой дискрецией. В частности, он может отдать предпочтение либо пропорциональной, либо мажоритарной избирательной системе или воспользоваться смешанной моделью избирательной системы, основанной на том или ином сочетании соответствующих принципов, действие которых, однако, должно быть во всяком случае гармонизированным, с тем чтобы не ставилось под сомнение конституционное равноправие при формировании федерального парламента.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее неоднократно указывал, что выбор того или иного вида избирательной системы, закрепление в законе соответствующих механизмов, средств и методов, выработка избирательных процедур осуществляются законодателем на дискреционной основе, в частности с учетом исторических и социально-политических условий, складывающихся на том или ином этапе развития страны (постановления от 17 ноября 1998 года № 26-П, от 16 июня 2006 года № 7-П, от 7 июля 2011 года № 15-П, от 15 апреля 2014 года № 11-П; определения от 20 ноября 1995 года № 77-О, от 15 ноября 2007 года № 845-О-О, от 18 декабря 2007 года № 921-О-О, от 3 июля 2014 года № 1565-О и др.). Аналогичного мнения придерживается Европейский Суд по правам человека, который, признавая за государством значительные пределы усмотрения при регулировании избирательной системы, полагает, что избирательное законодательство конкретной страны должно оцениваться в свете ее политического развития, а потому определенные детали, недопустимые в рамках одной избирательной

системы, могут быть оправданными в другой, по крайней мере при условии обеспечения законодательной властью свободного волеизъявления народа (постановление от 2 марта 1987 года по делу «Матье-Мозн (*Mathieu-Mohin*) и Клерфейт (*Clerfayt*) против Бельгии»).

В силу приведенных положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов федеральный законодатель, самостоятельно в рамках Конституции Российской Федерации устанавливая порядок выборов депутатов Государственной Думы, в частности процедуры распределения депутатских мандатов, и осуществляя тем самым правовое регулирование порядка и условий реализации гражданами Российской Федерации активного и пассивного избирательного права (статья 71, пункт «в»; статья 72, пункт «н» части 1; статья 76, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), не должен допускать искажения конституционных принципов избирательного права, отмены или умаления принадлежащих гражданам Российской Федерации прав, с тем чтобы они не утрачивали свое реальное содержание, и обязан обеспечивать формирование состава Государственной Думы на основе справедливого и равного представительства, избегая при этом – вопреки требованиям политической многопартийности и уважения к оппозиции – создания как необоснованных преференций для тех или иных политических сил, так и произвольных, не отвечающих требованию соразмерности (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) препятствий для реализации избирательных прав граждан.

3. Принятый в порядке реализации федеральным законодателем его дискреционных полномочий Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает формирование состава Государственной Думы на основе применения смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системы, при которой 225 депутатов избираются по одномандатным избирательным округам (один округ – один депутат), а другие 225 депутатов – по федеральному избирательному округу, который включает в себя всю территорию Российской Федерации, пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы (части 2 и 3 статьи 3 и статья 13); при этом предусмотрено раздельное (независимое) определение результатов выборов по одномандатным избирательным округам и по федеральному избирательному округу и, соответственно, метод пропорционального распределения депутатских мандатов, который не обусловлен результатами выборов по одномандатным избирательным округам (статья 89 и др.).

Так, согласно части 7 статьи 87 названного Федерального закона избранным по одномандатному избирательному округу признается зарегистрированный кандидат, который получил наибольшее по сравнению с другими зарегистрированными кандидатами в данном одномандатном избирательном округе число голосов избирателей. К пропорциональному распределению депутатских мандатов в силу его статьи 88 допускаются федеральные списки кандидатов, каждый из которых получил 5 и более процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу, при условии, что таких списков было не менее двух и что за эти списки подано в совокупности более 50 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании (часть 7); первичное распределение депутатских мандатов происходит на основе определения первого избирательного частного, полученного путем деления суммы голосов избирателей на 225 – число депутатских мандатов, распределяемых по федеральному

избирательному округу (части 1 и 2 статьи 89), а вторичное распределение — на основе наибольших дробных остатков (часть 3 статьи 89).

Аналогичная в целом модель смешанной избирательной системы применялась на выборах депутатов Государственной Думы первого — четвертого созывов, проводившихся в 1993, 1995, 1999 и 2003 годах. Соответственно, при оценке оспариваемых заявителями законоположений не могут не приниматься во внимание сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации и сохраняющие свою силу правовые позиции, касающиеся избирательной системы, ранее применявшейся и вновь воспроизведенной в действующем правовом регулировании на выборах депутатов Государственной Думы.

4. Осуществляя проверку конституционности установленного Федеральным законом от 21 июня 1995 года № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» порядка формирования Государственной Думы путем избрания 225 депутатов по одномандатным избирательным округам (один округ — один депутат) на основе единой нормы представительства избирателей на одномандатный избирательный округ, а других 225 депутатов — по федеральному избирательному округу пропорционально количеству голосов, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 ноября 1998 года № 26-П установил следующее.

Смешанная избирательная система существует в ряде демократических государств и в своей основе, как показывает мировой опыт, совместима с общепризнанными принципами и нормами международного права, относящимися к избирательному праву и закрепленными Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года (статья 3 Протокола № 1 от 20 марта 1952 года) и Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года (статья 25); такая система соответствует предназначению выборов как высшего непосредственного выражения власти народа; через свободные выборы на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании она позволяет отобразить разделяемые гражданами убеждения и адекватно выразить их волю о составе парламента как представительного органа государства; следовательно, законоположение, устанавливающее смешанную избирательную систему, не нарушает Конституцию Российской Федерации, в том числе закрепленные ею принцип свободных выборов (статья 3), право граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, а также право избирать и быть избранными в органы государственной власти (статья 32, части 1 и 2), гарантии равенства этих прав (статья 19), а также равенство общественных объединений перед законом (статья 13, часть 4).

Смешанная (мажоритарно-пропорциональная) избирательная система при выборах в Государственную Думу, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, призвана обеспечивать ее представительный характер исходя из конституционных принципов политического многообразия и многопартийности на основе воли народа, выявленной посредством голосования (Постановление от 25 апреля 2000 года № 7-П); может использоваться в целях реализации задач по обеспечению политического структурирования общества и становления партийно-политической системы (Постановление от 16 июля 2007 года № 11-П). При этом Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел оснований для того, чтобы подвергать сомнению сам по себе применяемый в рамках смешанной (мажоритарно-пропорциональной) избирательной системы метод обособленного учета результатов голосования в федеральном и одномандатных округах, при ко-

тором допущенными к распределению депутатских мандатов являются зарегистрированные федеральные списки кандидатов, выдвинутых политическими партиями, которые получили установленный процент голосов избирателей, принявших участие в голосовании именно по соответствующему федеральному избирательному округу, а не в одномандатных округах, где избранные депутаты уже обладают искомым депутатским мандатом (Определение от 9 июня 2004 года № 215-О).

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивал, что не отступает от Конституции Российской Федерации введение пятипроцентного барьера (так называемый заградительный пункт), означающего некоторое ограничение пропорциональности представительства, что позволяет избежать раздробления депутатского корпуса на множество мелких групп, с тем чтобы обеспечить нормальное функционирование парламента, стабильность законодательной власти и конституционного строя в целом (постановления от 17 ноября 1998 года № 26-П и от 16 июля 2007 года № 11-П). В Постановлении от 17 ноября 1998 года № 26-П он пришел к выводу о том, что пятипроцентный барьер недопустимо использовать вопреки предназначению пропорциональных выборов, а законодатель должен стремиться к тому, чтобы при его применении была обеспечена максимально возможная реализация принципа пропорционального представительства; во всяком случае применение пятипроцентного барьера недопустимо, если избирательные объединения, преодолевшие этот барьер, тем не менее все вместе не получают хотя бы абсолютного большинства голосов избирателей (т. е. 50 процентов плюс один голос), принявших участие в голосовании; если же пятипроцентный барьер будет преодолен лишь одним избирательным объединением, избирательным блоком, то даже при условии, что за него подано большинство голосов, ему не могут быть переданы все депутатские мандаты по федеральному округу. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что для подобных случаев Федеральному Собранию надлежит определить механизм правового регулирования, позволяющий соблюсти требования, вытекающие из демократического характера основ конституционного строя Российской Федерации.

Из названных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации следует, что не противоречит Конституции Российской Федерации применение на выборах депутатов Государственной Думы смешанной избирательной системы с использованием параллельных (не связанных между собой) механизмов замещения каждой части мест в соответствующей палате федерального парламента, а именно – мажоритарной системы относительного большинства при выборах по одномандатным избирательным округам и пропорциональной избирательной системы по единому федеральному избирательному округу с пятипроцентным заградительным пунктом для допуска списков кандидатов к распределению депутатских мандатов.

В связи с этим приведенные в запросе группы депутатов Государственной Думы доводы, предполагающие, по существу, отрицание допустимости применения на выборах Государственной Думы любого иного типа смешанной избирательной системы, кроме так называемой смешанной связанной системы, в рамках которой первичное распределение мандатов осуществляется путем вычитания из определенного результата для каждой политической партии числа мандатов, которые получают кандидаты, выдвинутые соответствующей политической партией по одномандатным избирательным округам, не могут быть признаны конституционно обоснованными.

Не имеет конституционно-правового значения и ссылка заявителей на то, что отстаиваемая ими модель применяется в отдельных европейских

странах, поскольку выбор избирательной системы в Российской Федерации относится к суверенным правам государства, а его реализация обусловлена исключительно верховенством права в Российской Федерации.

Нельзя согласиться и с утверждением заявителей о несовершенстве вторичного распределения депутатских мандатов на основе метода наибольших дробных остатков, который, как они полагают, характеризуется таким недостатком мажоритарной составляющей избирательной системы, как потеря голосов и искажение воли избирателей, поскольку кандидат, набравший больше голосов по отношению к другим кандидатам, в совокупности не получает поддержки большинства избирателей. Сам по себе метод вторичного распределения депутатских мандатов относится к числу традиционных и устоявшихся в современном избирательном праве и не может рассматриваться как отступающий от признанных на международном уровне стандартов. Применительно к оценке мажоритарной избирательной системы Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что ее особенность, связанная с потерей голосов, не может свидетельствовать об отступлении при ее применении от принципов всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и тем самым согласуется с Конституцией Российской Федерации; совместима она и с соответствующими общепризнанными принципами и нормами международного права, что подтверждается ее использованием не только в Российской Федерации, но и во многих других правовых демократических государствах (Определение от 3 июля 2014 года № 1565-О).

Что же касается предусмотренного в части 9 статьи 88 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» резервного механизма замещения депутатских мандатов в случае, если за один федеральный список кандидатов подано более 50 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу, а остальные федеральные списки кандидатов получили менее 5 процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании, то он установлен в порядке реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1998 года № 26-П и направлен на обеспечение необходимых гарантий полноты воплощения принципа народного представительства, основанного на политическом многообразии и многопартийности.

5. Таким образом, поскольку оспариваемые заявителями положения Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» с учетом ранее сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, сохраняющих свою силу, не содержат неопределенности с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации, отсутствуют предусмотренные Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» основания для принятия данного запроса депутатов Государственной Думы к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 3 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос группы депутатов Государственной Думы не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерально-

го конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 октября
2017 года,
город Санкт-
Петербург
№ 2256-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Анисимова Александра Владимировича и Анисимовой Екатерины Львовны на нарушение их конституционных прав положением пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г. А. Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан А. В. Анисимова и Е. Л. Анисимовой,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане А. В. Анисимов и Е. Л. Анисимова оспаривают конституционность положения пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 года № 354) в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 года № 603, в силу которого при обнаружении исполнителем (юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, предоставляющим потребителю коммунальные услуги) факта несанкционированного вмешательства в работу индивидуального прибора учета, расположенного в жилом помещении потребителя, повлекшего искажение показаний такого прибора учета, исполнитель обязан произвести перерасчет размера платы за коммунальную услугу для потребителя исходя из

объемов коммунального ресурса, рассчитанных как произведение мощности имеющегося ресурсопотребляющего оборудования (для водоснабжения и водоотведения – по пропускной способности трубы) и его круглосуточной работы за период начиная с даты проведения исполнителем предыдущей проверки, но не более чем за 6 месяцев, предшествующих месяцу, в котором выявлено несанкционированное вмешательство в работу прибора учета, и до даты устранения такого вмешательства.

Как следует из представленных материалов, проведенной ООО «Управляющая компания № 3 города Тольятти» проверкой состояния прибора учета холодной воды, установленного в принадлежащей на праве собственности А. В. Анисимову и Е. Л. Анисимовой квартире, было выявлено повреждение указанного прибора, о чем составлен акт, а ежемесячный счет на оплату коммунальных услуг дополнен требованием оплатить холодное водоснабжение на сумму 56 184,63 руб. и водоотведение на сумму 92 014,36 руб.

Решением Центрального районного суда города Тольятти Самарской области от 26 октября 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда от 26 января 2017 года, было отказано в удовлетворении искового заявления А. В. Анисимова и Е. Л. Анисимовой, в котором истцы, утверждавшие, что коммунальные услуги в определенном расчетном способом объеме фактически не оказывались, предлагали определить размер задолженности исходя из показаний коллективного (общедомового) прибора учета холодной воды (в размере 5894,06 руб. и 9657,30 руб. соответственно). Отказывая в удовлетворении заявленных требований и соглашаясь с расчетом, представленным ответчиком, суд руководствовался положением пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов.

По мнению заявителей, оспариваемое нормативное положение противоречит статьям 19 (часть 1) и 55 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку несоразмерно ограничивает их право собственности и вопреки общим положениям гражданского законодательства о взыскании убытков (статьи 15 и 393 ГК Российской Федерации) в случае повреждения индивидуального прибора учета позволяет взыскивать с потребителя – собственника жилого помещения в пользу исполнителя (управляющей организации) сумму, многократно превышающую фактически причиненные убытки и поддающуюся исчислению на основании данных коллективного (общедомового) прибора учета, тем самым способствуя неосновательному обогащению исполнителя.

2. Конституция Российской Федерации предусматривает, что в Российской Федерации – социальном государстве, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1), каждый имеет право на жилище, а органы государственной власти и органы местного самоуправления создают условия для осуществления данного права (статья 40, части 1 и 2). Во взаимосвязи с положением ее статьи 72, согласно которому жилищное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пункт «к» части 1), это означает, что на государстве в лице органов законодательной и исполнительной власти лежит обязанность обеспечить необходимые правовые, организационные, экономические условия, в частности, для приобретения гражданами коммунальных ресурсов (коммунальных услуг) в объеме, достаточном для удовлетворения их жизненных потребностей, и соответствующего качества.

Одновременно из статьи 9 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что земля и другие природные ресурсы используются и охра-

няются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (часть 1), и ее статьи 58, согласно которой каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, во взаимосвязи с положениями статьи 72 (пункты «в», «д» части 1) Конституции Российской Федерации, относящей к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, следует, что на указанных органах государственной власти также лежит обязанность создавать условия для максимально эффективного потребления энергетических ресурсов, в том числе посредством учета их потребления на нужды жилищно-коммунального хозяйства.

Необходимость реализации приведенных конституционно-правовых императивов в их непротиворечивом единстве обуславливает комплексный, межотраслевой характер правового регулирования отношений, возникающих в процессе потребления гражданами, в частности собственниками и нанимателями помещений в многоквартирных жилых домах, коммунальных ресурсов (коммунальных услуг), в том числе водоснабжения и водоотведения.

2.1. Согласно Жилищному кодексу Российской Федерации отношения по поводу предоставления коммунальных услуг и внесения платы за них составляют предмет регулирования жилищного законодательства (пункты 10 и 11 части 1 статьи 4), при этом к жилищным отношениям, связанным с предоставлением коммунальных услуг и внесением платы за них, применяется соответствующее законодательство с учетом требований, установленных данным Кодексом (статья 8). Федеральный закон от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующий отношения по энергосбережению и повышению энергетической эффективности (часть 1 статьи 1), оговаривает, что его положения, распространяющиеся на энергетические ресурсы, касаются и воды, подаваемой, передаваемой, потребляемой с использованием систем централизованного водоснабжения (часть 2 статьи 5).

Статья 544 ГК Российской Федерации предусматривает, что оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон. Это законоположение учитывалось Конституционным Судом Российской Федерации, который, основываясь при принятии Определения от 25 мая 2017 года № 1148-О на выраженных им правовых позициях в отношении случаев бездоговорного и безучетного потребления электроэнергии, а также водоснабжения (определения от 23 декабря 2014 года № 2998-О, от 20 декабря 2016 года № 2650-О и от 29 сентября 2015 года № 2154-О), пришел к выводу о том, что положение пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов направлено на обеспечение баланса интересов потребителя и энергоснабжающей (ресурсоснабжающей) организации в случаях такого нарушения условий договора энергоснабжения (водоснабжения), как безучетное потребление энергии (коммунальных ресурсов).

2.2. Статьей 13 Федерального закона «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве общего правила предусмотрено, что производимые, передаваемые, потребляемые энер-

энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением приборов учета используемых энергетических ресурсов (часть 1); многоквартирные дома в срок до 1 июля 2012 года (для Республики Крым и города федерального значения Севастополя – до 1 января 2019 года) должны быть оснащены коллективными (общедомовыми) приборами учета используемых воды, тепловой энергии, электрической энергии, а также индивидуальными и общими (для коммунальной квартиры) приборами учета используемых воды, электрической энергии (часть 5); до установки приборов учета используемых энергетических ресурсов, а также при выходе из строя, утрате или по истечении срока эксплуатации приборов учета используемых энергетических ресурсов расчеты за энергетические ресурсы должны осуществляться с применением расчетных способов определения количества энергетических ресурсов, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации, при этом указанные расчетные способы должны определять количество энергетических ресурсов таким образом, чтобы стимулировать покупателей энергетических ресурсов к осуществлению расчетов на основании данных об их количественном значении, определенных при помощи приборов учета используемых энергетических ресурсов (часть 2).

Верховный Суд Российской Федерации, отказывая своим решением от 20 декабря 2013 года в признании частично недействующим пункта 62 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, указал, что по смыслу части 2 статьи 13 названного Федерального закона применение расчетных способов должно приводить к определению такого количественного значения энергетических ресурсов, которое явно выше количественного значения, определяемого при помощи приборов учета используемых энергетических ресурсов.

Следовательно, оспариваемое положение Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов устанавливает – наряду с такими методами, как использование предусмотренного теми же Правилами рассчитанного среднемесячного объема потребления, а также использование данных индивидуального или коллективного прибора учета и нормативов потребления, в том числе с применением повышающих коэффициентов (статья 157 Жилищного кодекса Российской Федерации), – один из законодательно допускаемых методов (способов) расчета размера платы за поставленные коммунальные ресурсы.

Данный метод применим в случаях, когда объем коммунальных ресурсов не может быть достоверно определен по показаниям прибора учета в связи с невыполнением жильцом регламентированной пунктом 81(11) названных Правил обязанности по обеспечению надлежащего состояния прибора учета, установленного в его помещении, т. е. в случаях безучетного потребления коммунальных ресурсов.

Между тем, если потребитель при выходе прибора учета из строя помимо его воли (т. е. из-за неисправности) незамедлительно извещает об этом исполнителя, плата за коммунальную услугу осуществляется исходя из рассчитанного среднемесячного объема потребления коммунального ресурса потребителем (пункты 59 и 81(13) указанных Правил). Такое правовое регулирование исходит из своеобразной презумпции того, что лицо, имеющее возможность обеспечить сохранность прибора учета, но сознательно допустившее нарушение требований к его эксплуатации, осуществляет сверхнормативное потребление соответствующего ресурса, т. е. превосходящее по своему объему уровень, необходимый для удовлетворения физиологических, санитарно-гигиенических, хозяйственных потребностей человека (пункт 24

Правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг и нормативов потребления коммунальных ресурсов в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2006 года № 306).

Соответственно, оспариваемое нормативное положение не только дает право, но и обязывает исполнителя применять установленный этим нормативным положением порядок расчета.

2.3. Согласно пункту 1 статьи 393 ГК Российской Федерации должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства; если иное не установлено законом, использование кредитором иных способов защиты нарушенных прав, предусмотренных законом или договором, не лишает его права требовать от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Иными словами, гражданское законодательство помимо общих способов защиты прав, предусмотренных в статье 12 ГК Российской Федерации, устанавливает и иные (специальные) способы, при условии, однако, что в силу общих принципов гражданского права допустимое законом соединение нескольких способов защиты права не имеет своей целью неосновательное обогащение кредитора.

На это же указал в своем Постановлении от 13 декабря 2016 года № 28-П Конституционный Суд Российской Федерации, согласно правовой позиции которого, если в силу специфики объектов права лицо ограничено как в возможности контролировать соблюдение его имущественных прав и выявлять допущенные нарушения, так и в возможности установить точную или по крайней мере приблизительную величину понесенных им убытков, введение законодателем специальных способов защиты нарушенного права, включая компенсацию, которая может превышать размер фактически причиненных убытков, нельзя признать мерой, не совместимой с основными началами гражданского законодательства.

Таким образом, оспариваемое заявителями нормативное положение, устанавливающее способ расчета платы за неучтенный коммунальный ресурс, имеет целью стимулирование потребителей коммунальных ресурсов и услуг к энергосбережению путем удержания от несанкционированного вмешательства в работу прибора учета, а в случае причинения реального имущественного вреда исполнителю (управляющей организации) или поставщику (ресурсоснабжающей организации) коммунальных ресурсов и услуг — является допустимым механизмом его возмещения.

3. Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в действующей с 1 января 2017 года (т. е. на момент обращения заявителей в Конституционный Суд Российской Федерации) редакции для случаев несанкционированного вмешательства в работу прибора учета, установленного в жилом помещении и иных помещениях, доступ в которые не может быть осуществлен без присутствия потребителя, предусмотрено, что перерасчет платы за коммунальную услугу производится не более чем за 3 месяца, предшествующие дате проверки прибора учета, при которой выявлено несанкционированное вмешательство в работу прибора учета, и до даты устранения такого вмешательства, исходя из объема, рассчитанного на основании нормативов потребления соответствующих коммунальных услуг с применением повышающего коэффициента 10 (пункт 81(11)).

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации, принимая решение по поставленному заявителями вопросу с учетом места оспариваемого

мой нормы в системе правового регулирования, отмечает, что Правительством Российской Федерации предлагается вновь ввести в действие отмененный постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2016 года № 1498 подпункт «у(1)» пункта 31 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, предписывавший управляющей организации направлять средства, полученные в качестве разницы при расчете размера платы за коммунальные услуги с применением повышающих коэффициентов, на реализацию мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности (проект постановления «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме»).

Разрешение же также поставленного заявителями вопроса о том, насколько оспариваемое положение Правил как подзаконного нормативного правового акта согласуется с положением статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, предусматривающим расчет размера платы либо исходя из показаний приборов учета, либо при их отсутствии — исходя из нормативов потребления коммунальных услуг, а также с положением пункта 5 статьи 393 ГК Российской Федерации, предусматривающим в качестве общего правила, что размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности, не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, который не уполномочен осуществлять проверку соответствия положений одних нормативных правовых актов другим (статья 125 Конституции Российской Федерации и статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Анисимова Александра Владимировича и Анисимовой Екатерины Львовны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Для заметок